

ISSN 2587-7844

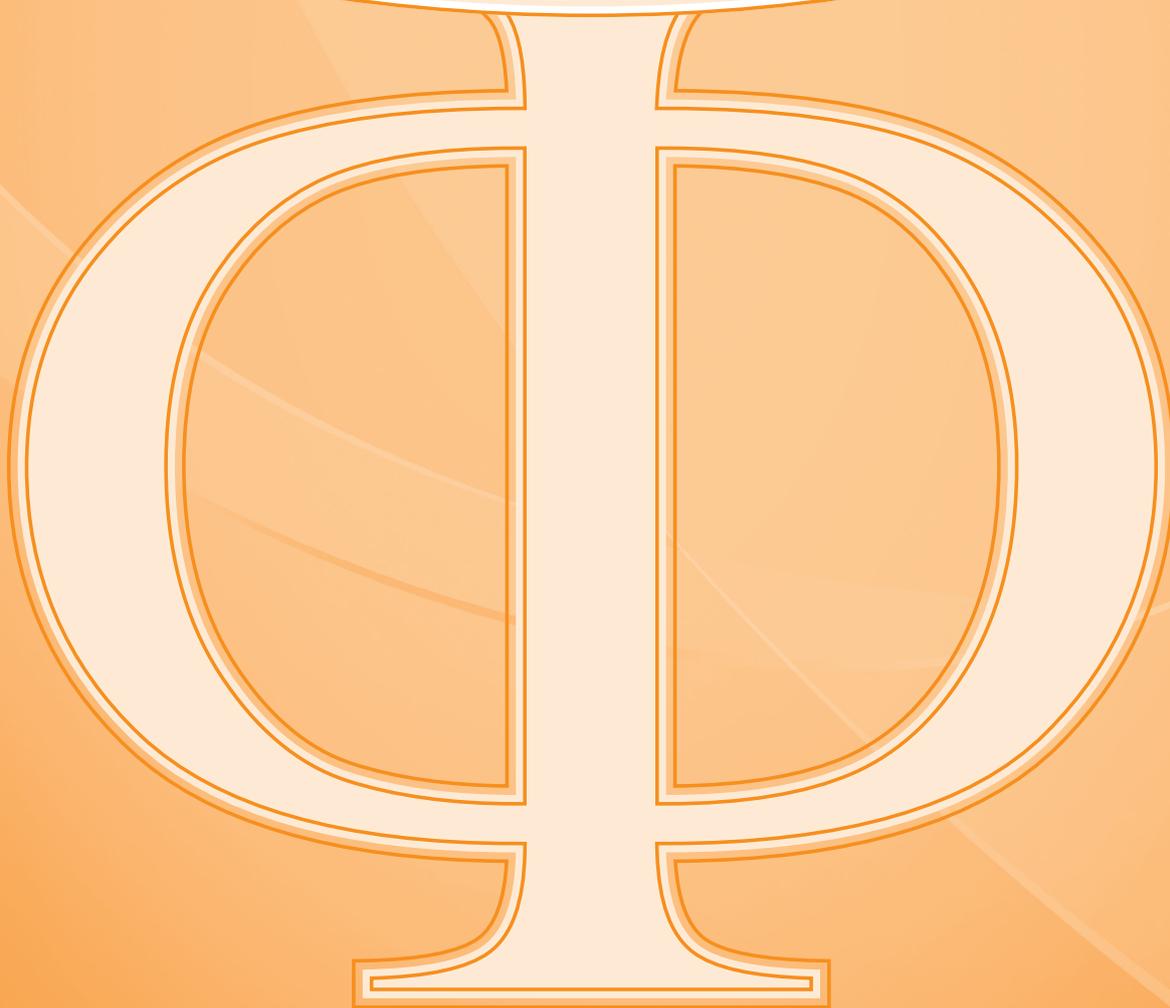
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2024. № 3 (28)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикации SciUp

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Y., DSc (Philology), Professor, University of Zagreb (Croatia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Нурғали Кадиша Рустембекқызы, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali K.R., DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Пикколо Лаура, профессор, Университет Рома Тре (Италия)
Piccolo L., Professor, Roma Tre University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD (Philology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Тышковска-Каспршак Эльжбета, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Tyszkowska-Kasprzak E., DSc (Philology), Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., DSc (Philology), Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Черняк М.А., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Chernyak M.A., DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Чугунекова А.Н., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии языкознания, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
Chugunekova A.N., DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Sayano-Altai Turkology of Linguistics, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia).

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., DSc (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И.В. Башкова, О.В. Фельде
СИНТАКСИС ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ
В ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»
I.V. Bashkova, O.V. Felde
THE SYNTAX OF OLFATORY PERCEPTION
IN V.P. ASTAFYEV'S NOVELLA *THE LAST BOW*

[4]

Н.А. Бурмакина, Т.В. Мамаева
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА
«ПУТЕШЕСТВИЕ В КЯХТУ ИЗ КРАСНОЯРСКА»
N.A. Burmakina, T.V. Mamaeva
PHILOLOGICAL TEXT ANALYSIS
OF *THE JOURNEY TO KYAKHTA FROM KRASNOYARSK*

[16]

Р.Ш. Зайнулин
СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ
В НАЧАЛЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
R.Sh. Zainulin
THE SPECIFICS OF THE TEXTS OF PRINT ADVERTISING
IN RUSSIAN IN KYRGYZSTAN
AT THE BEGINNING OF THE POST-SOVIET PERIOD

[28]

Т.В. Михайлова, А.В. Михайлов
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ «РАДОВАТЬСЯ»
И «ВЕСЕЛИТЬСЯ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ
ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАТИКИ
T.V. Mikhaylova, A.V. Mikhaylov
EMOTIONAL PREDICATES 'REJOICE' AND 'HAVE FUN'
IN ANCIENT RUSSIAN TEXTS OF POTESTAR SEMANTICS

[41]

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М.А. Александрова
БЕДНЫЙ ПЛУТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТОТИПА
И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ
В ПОВЕСТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ
«ПОХОЖДЕНИЯ ШИПОВА»

М.А. Aleksandrova
POOR SCOUNDREL:
TRANSFORMATION OF THE PROTOTYPE
AND LITERARY MODELS UPDATING
IN BULAT OKUDZHAVA'S STORY
THE ADVENTURES OF SHIPOV

[53]

А.А. Мансков
ПРОЦЕСС ПСИХИЧЕСКОГО ОМЕРТВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЖА
В НОВЕЛЛЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО
«АВТОБИОГРАФИЯ ТРУПА»
A.A. Manskov
THE PROCESS OF MENTAL DEATH OF A CHARACTER
IN THE NOVEL BY S.D. KRZHIZHANOVSKY
AUTOBIOGRAPHY OF A CORPSE

[70]

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

В.С. Срмикян
КРАСНОЯРСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
V.S. Srmikyan
KRASNOYARSK TEXT OF RUSSIAN LITERATURE:
THE STAGES OF FORMATION

[82]

Ю.В. Шароглазова
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА
Yu.V. Sharoglazova
FUNCTIONAL ASPECT
OF STUDYING PHRASEOLOGICAL UNITS USED
IN THE WORKS OF V.P. ASTAFYEV

[94]

РЕЦЕНЗИИ

С.П. Васильева
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
СМОЛИНА А.Н. ЖАНР ДУХОВНОГО ДНЕВНИКА
В РУССКОЙ МОНАШЕСКОЙ СЛОВЕЧНОСТИ XX ВЕКА:
МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК:
СИБ. ФЕДЕР. УН-Т, 2023. 176 с.

[105]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[110]

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-4-15

УДК 811

СИНТАКСИС ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»

И.В. Башкова (Красноярск, Россия)**О.В. Фельде (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки методов синтаксического анализа семантики восприятия в художественном тексте, а также недостаточной изученностью этой семантики в произведениях В.П. Астафьева.

Методологической и теоретической базой исследования стали работы в области семантического, конструктивного и актуального синтаксиса Г.А. Золотовой, Т.В. Шмелевой, И.В. Башковой.

Основные методы исследования – лингвистический и филологический анализ художественного текста, лексико-семантический анализ, структурно-семантический анализ предложения.

Цель работы – выявить типы синтаксических конструкций, репрезентирующих обонятельное восприятие в повести В.П. Астафьева «Последний поклон», и показать их роль в выстраивании текстовой перспективы, в формировании индивидуально-авторской языковой картины мира.

Результаты исследования показали, что в повести В.П. Астафьева «Последний поклон» обонятельное восприятие наиболее детально представлено в рассказах «Запах сена» и «Где-то гремит война». В последнем из перечисленных рассказов значение обонятельного восприятия важно для формирования сюжета, а семантика запаха имеет текстообразующее значение. Показано, что в построении текста автор использует все типы пропозитивных планов: крупный, общий, дальний и закадровый; с помощью разных синтаксических конструкций повышает или понижает коммуникативный вес пропозиций обонятельного восприятия, выстраивая тем самым текстовую перспективу. Кроме того, значимость семантики обонятельного восприятия создается с помощью обращения к прецедентным текстам.

Ключевые слова: *В.П. Астафьев, обонятельное восприятие, запах, синтаксический анализ, семантика, пропозитивный план, текстовая перспектива, коммуникативный вес.*

Постановка проблемы. Реконструкция индивидуально-авторской языковой картины мира является одной из важнейших задач лингвистического исследования художественного текста. Данная задача решается преимущественно с помощью анализа лексики, а конструктивно-семантическому и актуальному анализу предложения и текста уделяется недостаточно внимания. Во многом это связано с тем, что, на первый взгляд, кажется, что типы синтаксических конструкций, в отличие от выбранной автором лексики и использованных в тексте стилистических фигур, слабо отражают индивидуальность автора. Между тем именно синтаксис, конструктивный и актуальный, позволяет

автору расставить акценты, распределить роли между участниками событий, показать значимость той или иной ситуации для произведения в целом (см., например: [Васильева, Коняшкин, 2023]). Значимость конструктивного синтаксиса для создания индивидуально-авторской языковой картины мира можно продемонстрировать на примере того, как представлено обонятельное восприятие в тексте повести «Последний поклон» В.П. Астафьева.

Обзор литературы. В настоящее время существует значительное количество исследований, посвященных творчеству В.П. Астафьева [Гончаров, Романцова, 2023; Зверев, 2020; Ревенко, 2017; Самотик, 2022; Фельде, 2009; и др.]. Т.П. Медведева показала, насколько разнообразна тематика таких работ [Медведева, 2021]. Предпринята попытка исследования лексики запахов и звуков в «Последнем поклоне» [Сальникова, 2014], а конструктивное и актуальное устройство предложений, репрезентирующих восприятие в произведениях В.П. Астафьева, остается вне поля зрения лингвистов. Данное исследование должно закрыть эту лауну и показать, насколько важен для понимания многомерного устройства языковой картины мира художественного текста его синтаксический анализ.

Теоретической и методологической базой настоящей работы послужили идеи Г.А. Золотовой о структуре предложений с семантикой восприятия и размышления Т.В. Шмелевой о взаимодействии конструктивного и актуального аспектов предложения [Золотова, 1982; Шмелева, 2013]. Кроме того, для данной статьи важными являются выводы, сделанные в кандидатской диссертации И.В. Башковой¹.

Для представления восприятия в русском языке существует определенная система структурно-семантических моделей предложений. Общность комплекса семантико-синтаксических компонентов для них «предопределена их общим значением чувственного восприятия субъектом внешних явлений» [Золотова, 1982, с. 222].

«В зависимости от того, какая из составляющих процесса восприятия – действие или состояние субъекта восприятия – репрезентируется в предложении, от эксплицитности представления субъекта (как главного участника ситуации в антропоцентрической концепции языковой картины мира) и самого процесса восприятия можно выделить несколько пропозитивных планов события восприятия» [Башкова, 1995, с. 32]. «Каждый пропозитивный план представляет собой определенный тип пропозиций восприятия или же других пропозиций, в пресуппозицию которых включено значение восприятия, а также систему репрезентаций этих пропозиций» [Там же, с. 33]. Иерархизация пропозитивных и пресуппозитивных способов представления ситуации восприятия выстраивает пропозитивные планы в парадигму.

«Крупный пропозитивный план характеризуется тем, что помещает в семантический фокус предложения действия субъекта восприятия» [Там же, с. 35]. Пр.: Собака обнюхивала меня; Девушка понюхала цветок; Он принюхивается.

¹ Башкова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1995.

К крупному пропозитивному плану можно отнести предложения, в которых репрезентируется обнаружение объекта по запаху. Пр.: *Собака унюхала зайца; Лось унюхал волка.*

«Общий пропозитивный план <...> помещает в семантический фокус предложения перцептивное состояние субъекта в отвлечении от перцептивного действия» [Башкова, 1995, с. 65]. Пр.: *Я почувствовал запах зверя; Собака чует запах зайца; Ребенок слышит запах молока* – это предложения с субъектной перспективой. В предложениях с объектной перспективой существительные, обозначающие объект восприятия (запах), стоят в форме именительного падежа, а субъект восприятия репрезентируется существительными в косвенных падежах, представляется как объект воздействия. Пр.: *Меня охватил запах театра; Аромат чая ударил в ноздри; До меня доносится аромат роз.*

Дальний пропозитивный план отличается тем, что в его пропозициях субъект восприятия эксплицитно не обозначен, но используются предикаты со значением восприятия – возвратные глаголы: *чувствоваться, слышаться, ощущаться, различаться* – и краткие прилагательные: *слышен, замечен* и т.п. Пр.: *В саду слышен аромат сирени; В комнате чувствовался запах ладана.*

Закадровый пропозитивный план. В предложениях этого плана значение восприятия входит в пресуппозицию, поскольку в них нет глаголов восприятия и субъект восприятия не обозначен, при этом используются глаголы существования или распространения запаха и существительные, обозначающие запах. Пр.: *Вода воняла йодом; Весенний сад благоухал; На лугу пахнет свежескошенной травой; В кухне стоял запах гари.* Такие предложения описала [Золотова, 1982, с. 213–223].

Таким образом, в пропозициях крупного и общего пропозитивного планов субъект обонятельного восприятия эксплицитно выражен, отличие же пропозитивных планов друг от друга в том, что восприятие в них представлено либо как целенаправленное действие субъекта, либо как его состояние в отвлечении от действия, в предложениях с объектной перспективой воспринимающий назначается на роль объекта воздействия; в пропозициях дальнего пропозитивного плана субъект восприятия не обозначен, само же восприятие выражено возвратными глаголами или краткими прилагательными с семантикой восприятия; в предложениях закадрового пропозитивного плана значение восприятия входит в пресуппозицию.

Т.В. Шмелева предложила понятие текстовой перспективы, которое основывается на мысли о том, что определить «актуальную ценность пропозиции, то есть ее коммуникативный вес, можно обращаясь к шкале коммуникативных весов, фиксирующей соответствие каждому весу определенной формы выражения пропозиции» [Шмелева, 2013, с. 193], где под формой понимается следующее: самостоятельное простое предложение, предикативная единица, входящая в сложносочиненное или сложноподчиненное предложение, «полупредикативная» единица (причастие, деепричастие, инфинитив), свернутая пропозиция (атрибут, актант, сирконстант), невыраженная пропозиция.

Таким образом, наше исследование базируется на следующих идеях:

1) семантика обонятельного восприятия может быть выражена разными структурными типами предложений, каждый из которых делает точкой отсчета тот или иной компонент ситуации восприятия;

2) структурные типы предложений, репрезентирующих обонятельное восприятие, распределены по четырем пропозитивным планам, различающимся тем, какие аспекты ситуации восприятия рассматриваются в предложении;

3) выбор той или иной формы пропозиции формирует текстовую перспективу представления ситуации обонятельного восприятия.

Цель данного исследования – выявить типы синтаксических конструкций, репрезентирующих обонятельное восприятие в повести В.П. Астафьева «Последний поклон», и показать их роль в выстраивании текстовой перспективы, в формировании индивидуально-авторской языковой картины мира.

Материалом исследования послужили предложения, репрезентирующие обонятельное восприятие в повести В.П. Астафьева «Последний поклон».

Основные методы исследования – лингвистический и филологический анализ художественного текста, лексико-семантический анализ, структурно-семантический анализ предложения.

Ситуация обонятельного восприятия содержит следующие компоненты: субъект восприятия, у которого есть орган обоняния и способность к восприятию, объект восприятия, источник запаха. Это полисобытийная ситуация, которая включает наличие и распространение запаха и его восприятие.

Лексика с семантикой обонятельного восприятия, несмотря на то, что составляет незначительную долю в лексиконе «Последнего поклона», играет существенную роль в создании индивидуально-авторской языковой картины мира в этом тексте, где важны все виды чувственного восприятия: зрительное, слуховое, обонятельное, тактильное и вкусовое, – все они создают разные измерения объемного пространства.

Анализ повести «Последний поклон» показал, что в этом тексте представлено следующее количество словоупотреблений одоративной лексики:

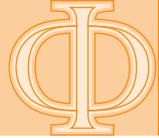
а) существительные, обозначающие запах: *аромат* – 9, *вонь* – 1, *гарь* – 3, *дурманность* – 1, *дух* – 18, *духовитость* – 2, *душина* – 2, ***запах*** – 56, *смерд* – 4, *тлен* – 1, *угар* – 3, *чад* – 7;

б) существительные, обозначающие орган обоняния, его части или способность к восприятию запаха: *ноздри* – 2, *нос* – 2, *нюх* – 4;

в) глаголы, обозначающие активное, целенаправленное восприятие запаха (действие): *внюхиваться* – 1, *занюхивать* – 2, *ловить* – 1, *нюхать* – 5, *нюхнуть* – 1, *обнюхать* – 2, *обнюхиваться* – 2, *понюхать* – 7, *принюхаться* – 1;

г) глаголы, обозначающие результативное восприятие запаха: *вынюхать* – 2, *пронюхивать* – 1, *уловить* – 1, *унюхать* – 2, *чуть* – 1;

д) деепричастия, образованные от глаголов со значением результативного восприятия запаха: *уловив* – 1, *услыхав* – 1;

е) глаголы, обозначающие наличие запаха: *вонять* – 5, *выветриться* – 1, *запахнуть* – 6, *зачадить* – 1, ***пахнуть*** – 31, *припахивать* – 2, *пропахнуть* – 2, *чадить* – 3;

ж) причастия, характеризующие объект по наличию запаха: *воняющий* – 3, *запахший* – 1, ***пахнувший*** – 22, *припахивающий* – 2, *пропахший* – 2, *свежепахнувший* – 1;

з) прилагательные, характеризующие объект по наличию запаха: *ароматный* – 1, *вонючий* – 7, *дурманный* – 1, *духовитый* – 2, *душистый* – 4, *запашистый* – 4, *пахучий* – 2, *угарный* – 2, *удушливый* – 2;

и) глаголы, обозначающие распространение запаха в пространстве: *веять* – 1, *нести* – 2, *переть* – 1, *тянуть* – 3;

к) причастия, обозначающие существование запаха: *наполненный* – 1, *объятый* – 1, *пропитанный* – 2;

л) категория состояния: *вонько* – 1.

В представленном здесь списке одоративной лексики жирным шрифтом выделены наиболее часто встречающиеся лексемы в «Последнем поклоне»: *запах* (56 словоупотреблений), *пахнуть* (31 словоупотребление) и *пахнувший* (22 словоупотребления). Это свидетельствует о том, что в тексте преобладают объектно ориентированные способы представления ситуации обонятельного восприятия. В коммуникативный фокус автор помещает объект восприятия, субъект же оказывается за кадром высказывания, поскольку из контекста понятно, кто является воспринимающим. Существительное *запах* в тексте употребляется в разных падежах, выполняя в пропозициях разные актантные роли.

В большинстве рассказов «Последнего поклона» запах представлен как часть среды, значимая, но не самая важная. В предикативных единицах, входящих в сложносочиненные и бессоюзные предложения, пропозиции имеют равный коммуникативный вес. Пр.: *Тем временем вечер прошел, в деревне все смолкло, с задов и от моста слышалась гармошка, гуце и чадней сделался запах горящего под ярами навоза, огни бакенов, засвеченные братаном Мишей, пустили тени бегучего света на воду, где-то, еще далеко-далеко, шлепал плечами пароход, правясь на их призывный свет; тупо стучались бревна, обреченно плывущие вдоль боны, спускаемые с Манской запани, сами боны поскрипывали и крякали в ночи дергачами, уже начавшими летовать в лугах, но отсюда, с реки, из-за огорода и домов, неслышимыми...* (Пеструха). Здесь зрение, слух и обоняние работают одновременно, причем зрительных и слуховых впечатлений больше, чем одоративных: семантику звучания содержат единицы *смолкло, слышалась гармошка, шлепал, тупо стучались, поскрипывали и крякали, неслышимыми*; семы зрительного восприятия входят в презумпцию словоформ и словосочетаний *огни бакенов, засвеченные, тени бегучего света, призывный свет, в ночи*; и только в одной предикативной единице дано описание запаха: *гуце и чадней сделался запах горящего под ярами навоза*.

В повести «Последний поклон» наибольшую значимость семантика запаха и обонятельного восприятия приобретает в рассказах «Запах сена» и «Где-то гремит война».

В рассказе «Запах сена» существительное *запах* входит в название, выполняя функцию именительного наименования, по терминологии [Золотова, 1988, с. 22], и в простые предложения, занимая позиции темы и ремы: *Изба (тема) // полна чужого запаха от собачьих дох (рема). Но все эти запахи (тема) // забивал сквозной, всюду проникающий запах сена (рема) (Запах сена)*. Здесь автор использует наиболее эффективные способы усиления значимости семантики запаха, увеличения коммуникативного веса этого смыслового компонента текста.

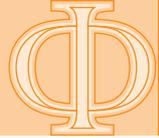
В рассказе «Где-то гремит война», входящем в третью книгу «Последнего поклона», запаху и обонятельному восприятию уделяется особое внимание, поскольку именно оно помогает главному герою спастись от смерти. На примере этого произведения рассмотрим, каким образом автор создает текстовую перспективу представления запаха и обонятельного восприятия.

Главный герой рассказа Витя, обучающийся во время войны на составителя поездов в Красноярске, получил из родного села письмо от тетки Августы со слезной просьбой навестить ее. Витю отпустили, и он в морозный ветреный зимний день пошел один пешком в родную деревню. В рассказе дано описание этого трудного пути, в котором обоняние играет не последнюю роль. Писатель использует разные типы пропозиций и разные пропозитивные планы, репрезентируя обонятельное восприятие.

Первый раз семантика запаха появляется в рассказе, когда дается описание пальто, которое Вите дал в дорогу однокурсник: *Пальто знатное. Оно, правда, не по росту мне, однако красивое и с особенными запахами* (Где-то гремит война). Здесь запах назначен на незначительную роль квалификатива.

В следующем фрагменте значимость обонятельного восприятия повышается: сначала используется крупный пропозитивный план с предикатом *обнюхиваться*, входящем в сложносочиненное предложение, далее следуют два простых распространенных предложения с закадровым пропозитивным планом: субъект восприятия отодвигается в пресуппозицию, текстовая перспектива смещается на запах, который приобретает наибольший коммуникативный вес: *Чужевато мне пальто, да я постепенно обживал его, обнюхивался. Очень оно тяжелое и пахнет разнообразно: табаком, мочалом, тлеющим сукном, но больше всего – вагонной карболкой. Совсем отдаленно, чуть осязимо, будто вздох о мирных временах, доносился из недр пальто запах нафталина* (Там же).

В дороге запах пальто навеивает воспоминания о доме бабушки, в сложносочиненном предложении используется закадровый пропозитивный план: *Поднял воротник пальто – и сразу стало душно, глухо, запахло старым-старым сундуком. Небось сундук был такой же, как у бабушки, где хранились, конфетки-лампасейки, весь в жестяных лентах, с генералами и переводными картинками внутри и с таким количеством загадочного добра, что уж и музею иному в зависть такой сундук* (Там же).

Идти нужно было через замерзший Енисей, наступила ночь, и одинокий путник потерял дорогу. Витя мог не дойти до родной деревни, мог замерзнуть в дороге, но восприятие, обонятельное и слуховое, помогло выжить: *Но нюх и слух мой были еще живы, и живым, неостывшим краем сознания я уловил скрип подвод, голоса, лай собак* (Там же).

В дороге хлеб и его запах становятся источником жизни: *От хлеба, пахнувшего пашней, родной землей, жестяной формой, смазанной автолом, идет она ко мне, эта жизнь, захлестнутая бурей, снегом и железом* (Там же).

Запах хлеба приводит главного героя к размышлениям о жизни: *В одной книге я вычитал, будто жизнь пахнет розами. «Это было давно и неправда!» – так сказали бы фэзэошники-уркаганы. Такая жизнь, если она и была, так мы в нее не верим. Мы живем в тяжелое время, на трудной земле. Наша жизнь вся пропахла железом и хлебом, тяжким, трудовым хлебом, который надо добывать с боя* (Там же).

Здесь закадровый пропозитивный план обонятельного восприятия входит в два сложноподчиненных предложения: сначала в придаточную предикативную единицу, в конце этого фрагмента – в главную, тем самым расставляются смысловые акценты, выстраивается текстовая перспектива, автор сосредоточивает внимание читателя на характеристике тыловой военной жизни фэзэошников.

В ночной темноте Витя провалился меж двух штабелей бревен, с трудом выбрался оттуда, не мог определить, куда ему нужно идти, и только по запаху нашел дорогу: *Я поскреб полозницу, заполз в желоб дороги, раскопал темные катышки конских шевяков, понюхал рукавицу. Она пахла назьмом, конским живым назьмом. Кони прошли по дороге совсем недавно!..* (Там же).

В приведенном выше фрагменте крупный пропозитивный план (целенаправленное обонятельное восприятие) сменяется закадровым пропозитивным планом, где акцент смещается на сам запах. В обоих случаях пропозиции обладают высоким коммуникативным весом, поскольку репрезентированы предикатами простых предложений. Обонятельное восприятие позволило герою рассказа сделать вывод о том, что кони, а следовательно, и люди находятся недалеко, и Витя наконец-то увидел жильё.

Пр.: *Ошеломленный видением, запахом жилья, конского назьма, древесного дыма, какое-то время стоял я под ветром и боялся верить себе* (Там же). В этом предложении наибольшим коммуникативным весом обладает пропозиция, репрезентирующая психическое состояние главного героя, поскольку именно она выражена предикатом; значение восприятия отходит на второй план, оно представлено в роли актанта – каузатива (причины психического состояния субъекта), входящего в причастный оборот.

Витя сомневается в реальности своего восприятия, но сильный запах подтверждает его реальность: *Поблазнило мне: и огонек, и запах жилья. Но в мокрый нос, в неживое мое лицо било запахом назьма, дымом било. Я заставил себя идти*

на запах дыма и нашел то, чего искал (Там же). Во втором предложении представлен общий пропозитивный план обонятельного восприятия, его интенсивность выражена дважды употребленным предикатом *было*.

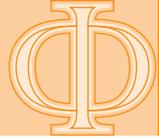
Значение запаха в спасении главного героя описано в следующем фрагменте рассказа: *Вот так, расслабившись, люди замерзают у самого порога, у дверей жилья. И если бы не запах дыма (1), что сверлил мне ноздри (2), густым дегтем плыл мне в горло (3), я перестал бы карабкаться по глухой стене избушки, расчерченной снегом в пазах. Я бы плюхнулся в снег и уснул* (Там же). Пропозиции, репрезентирующие запах и его восприятие, здесь входят в придаточные предикативные единицы, однако их коммуникативный вес высок, это достигается за счет того, что запах репрезентирован трижды (нумерация этих пропозиций дана в скобках), а также за счет ярких метафор (*сверлил ноздри, плыл в горло*) и сравнения (*густым дегтем*).

После рассмотренного фрагмента в тексте «Последнего поклона» следует абзац, в котором представлен образ родного дома, объединяющий разные перцептивные модальности: зрительную, слуховую, обонятельную и тактильную: *Но беспокойным флагом метался дым над землей и напоминал все только живое, теплое: субботнюю баню с легким угаром <...> ключевую, зуб ломящую воду, печку русскую с тихим, верным теплом; вороватый шорох тараканов <...> кисловато-умиротворяющий запах квашни и прело-сладкий дух паренок из кути <...>* (Там же). Здесь запах как объект восприятия стоит в одном ряду с объектами других органов чувств. И конечно, в «Последнем поклоне», как и во многих русских текстах, преобладают зрительные и слуховые образы.

Но в рассматриваемом в этой статье рассказе «Где-то гремит война» далее следует абзац, в котором семантика запаха приобретает текстообразующее значение, становясь главной темой фрагмента текста: *Запах дыма! Привычный с детства, до того привычный, что перестаешь его замечать. Порой и досадуешь на него, когда ест им глаза. Но нет ничего притягательней и слаще дыма. Нет. Где дым – там огонь! Где огонь – там люди. Где люди – там жизнь!..* (Там же).

Здесь *запах* представлен в виде именительного темы (это единственный пример в повести), привычный запах дыма становится символом жизни и родины, что является аллюзией к поэме А.С. Грибоедова «Горе от ума», где процитировано стихотворение Г.Р. Державина «Арфа», отсылающего читателя к мысли Гомера о сладости дыма отечества (см.: [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, 2003]).

Таким образом, в рассказе «Где-то гремит война» значение обонятельного восприятия важно для формирования сюжета: обоняние помогает главному герою остаться в живых, семантика запаха имеет текстообразующее значение, запахи хлеба и дыма становятся символами жизни. Автор использует все типы пропозитивных планов: крупный, общий, дальний и закадровый – в построении текста; с помощью разных синтаксических конструкций повышает или понижает

коммуникативный вес пропозиций обонятельного восприятия, выстраивая тем самым текстовую перспективу. Кроме того, значимость семантики обонятельного восприятия создается с помощью обращения к прецедентным текстам.

Список источников

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 1, 2. 464 с.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 5: Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 3. 384 с.

Библиографический список

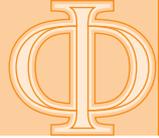
1. Васильева С.П., Коняшкин А.А. Аналитические конструкции разговорного синтаксиса в идиостиле рассказов В.М. Шукшина // Сибирский филологический форум. 2023. № 4 (25). С. 4–13. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-4-16
2. Гончаров П.А., Романцова А.А. Природа Сибири в произведениях В.П. Астафьева // Наука и образование. 2023. Т. 6, № 2.
3. Зверев В.В. «Последний поклон» В.П. Астафьева и основы крестьянского мира // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 4. С. 142–161.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
6. Медведева Т.П. Астафьеведение последнего десятилетия (обзор литературы) // Литература и культура Сибири: прошлое, настоящее и горизонты изучения: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 29–30 апреля 2021 г. Красноярск: ГУНБ, 2022. С. 61–68.
7. Ревенко И.В. Когнитивные признаки концепта «Война» в произведениях В.П. Астафьева // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2017. Т. 8, № 8. С. 169–174.
8. Ревенко И.В. Реализация составляющих концепта «Дом» в «Последнем поклоне» В.П. Астафьева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 4 (42). С. 168–177.
9. Сальникова В.В. Лексика запахов и звуков в автобиографической повести В. Астафьева «Последний поклон»: лингвокультурологический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 380–382.
10. Самотик Л.Г. Проблемы экологии в произведениях В.П. Астафьева разных периодов творчества // Литература и культура Сибири: прошлое, настоящее и горизонты изучения: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 29–30 апреля 2021 г. Красноярск: ГУНБ, 2022. С. 96–107.

11. Фадеева Т.М. Одорические сложные эпитеты русского языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4-1. С. 100–104.
12. Фельде О.В. Образная составляющая концепта «жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В.П. Астафьева (на материале произведений пермского и вологодского периодов) // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». 28–30 апреля 2009 г. Красноярск, 2009. С. 212–220.
13. Шмелева Т.В. Коммуникативный вес пропозиции // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 5. С. 189–198.
14. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/988/%D0%98 (дата обращения: 05.09.2024).

Сведения об авторах

Башкова Ирина Венадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: bbashkova@mail.ru

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: feldeo@list.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-4-15

THE SYNTAX OF OLFACTORY PERCEPTION IN V.P. ASTAFYEV'S NOVELLA *THE LAST BOW*

I.V. Bashkova (Krasnoyarsk, Russia)

O.V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The relevance of this study is due to the need to develop methods of syntactic analysis of the semantics of perception in a literary text, as well as the insufficient study of this semantics in the works of V.P. Astafyev.

The methodological and theoretical basis of the study are the works in the field of semantic, constructive and relevant syntax of G.A. Zolotova, T.V. Shmeleva, and I.V. Bashkova.

The main methods of research are linguistic and philological analysis of the fiction text, lexical and semantic analysis, structural and semantic analysis of a sentence.

The purpose of the work is to identify the types of syntactic constructions representing olfactory perception in V.P. Astafyev's novella *The Last Bow* and to show their role in building a textual perspective, in forming an individual author's linguistic picture of the world.

The results of the study showed that in V.P. Astafyev's novella *The Last Bow*, olfactory perception is presented in the most detail in the stories *The Smell of Hay* and *Somewhere the War is Rumbling*. In the latter, the meaning of olfactory perception is important for the formation of the plot, and the semantics of smell has a text-forming meaning. The author is shown to use all types of propositional plans in the construction of the text: large, general, long-range, and offscreen; with the help of various syntactic constructions, he increases or decreases the communicative weight of the propositions of olfactory perception, thereby building a textual perspective. In addition, the significance of the semantics of olfactory perception is created by referring to precedent texts.

Keywords: *V.P. Astafyev, olfactory perception, smell, syntactic analysis, semantics, propositional plan, textual perspective, communicative weight.*

List of dictionaries and sources

1. Astafyev V.P. Collected works: in 15 vol. The last bow: A story in short stories. Books 1, 2. Krasnoyarsk: Offset, 1997. Vol. 4. 464 p.
2. Astafyev V.P. Collected works: in 15 vol. The last bow: A story in short stories. Book 3. Krasnoyarsk: Offset, 1997. Vol. 5. 384 p.

References

1. Vasilieva S.P., Konyashkin A.A. Analytical constructions of colloquial syntax in the idiostyle of V.M. Shukshin's stories // Siberian Philological Forum. 2023. No. 4 (25). P. 4–13. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-4-16
2. Goncharov P.A., Romantsova A.A. The nature of Siberia in the works of V.P. Astafyev // Science and education. 2023. Vol. 6, No. 2.
3. Zverev V.V. "The Last Bow" by V.P. Astafyev and the Foundations of the Peasant World // Peasant Studies. 2020. Vol. 5, No. 4. P. 142–161.

4. Zolotova G.A. Communicative Aspects of Russian Syntax. Moscow: Science, 1982. 368 p.
5. Zolotova G.A. Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax. Moscow: Nauka, 1988. 440 p.
6. Medvedeva T.P. Research of the works of V.P. Astafiev of the last decade (review of literature) // Literature and culture of Siberia: past, present and horizons of study: materials of the all-Russian scientific and practical conference with international participation, April 29–30, 2021. Krasnoyarsk: GUNB, 2022. P. 61–68.
7. Revenko I.V. Cognitive features of the concept “War” in the works of V.P. Astafiev // Man and language in the communicative space: a collection of scientific articles. 2017. Vol. 8, No. 8. P. 169–174.
8. Revenko I.V. Implementation of the components the concept of “Home” in “The Last Bow” by V.P. Astafiev // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of KSPU). 2017. No. 4 (42). P. 168–177.
9. Salnikova V.V. Vocabulary of smells and sounds in the autobiographical story by V. Astafyev “The Last Bow”: linguocultural aspect // World of science, culture, education. 2014. No. 6 (49). P. 380–382.
10. Samotik L.G. Problems of ecology in the works of V.P. Astafyev from different periods of his creative work // Literature and culture of Siberia: past, present and horizons of study: materials of the all-Russian scientific and practical conference with international participation, 29– 30 April, 2021. Krasnoyarsk: GUNB, 2022. P. 96–107.
11. Fadeeva T.M. Odoric complex epithets of the Russian language // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2013. No. 4–1. P. 100–104 .
12. Felde O.V. The figurative component of the concept “life” in the individual linguistic picture of the world of V.P. Astafiev (based on works from the Perm and Vologda periods) // Jubilee Astafiev readings “The Writer and His Era”. April 28–30, 2009. Krasnoyarsk, 2009. P. 212–220.
13. Shmeleva T.V. Communicative weight of a proposition // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2013. No. 5. P. 189–198.
14. Encyclopedic Dictionary of Catchphrases and Phrases, 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/988/%D0%98 (access date: 09.05.2024).

About the authors

Bashkova, Irina V. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: bbashkova@mail.ru

Felde, Olga V. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: feldeo@list.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-16-27

УДК 801.733

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА «ПУТЕШЕСТВИЕ В КЯХТУ ИЗ КРАСНОЯРСКА»

Н.А. Бурмакина (Красноярск, Россия)

Т.В. Мамаева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Филологический анализ текста «Путешествие в Кяхту из Красноярска», который был опубликован в Енисейском альманахе 1828 г. за авторством А.П. Степанова с литерой S, предпринят с перспективной целью сопоставительного анализа другого текста XIX в. «Рассказы сибиряка», принадлежавшего В.И. Соколовскому, племяннику А.П. Степанова.

Цель статьи – анализ языковых средств разных уровней, которые создают идейно-художественное своеобразие текста XIX в. «Путешествие в Кяхту из Красноярска» и определяют его авторские стилистические особенности.

Методология (материалы и методы). Исследование проведено в рамках комплексного филологического анализа художественного текста с использованием метода направленной выборки, метода семантико-стилистического анализа художественного текста, контекстуального метода, элементов количественного анализа.

Результаты исследования. Охарактеризована система художественных средств и приемов, которые формируют образный строй произведения «Путешествие в Кяхту из Красноярска», выражающего его идейное содержание, описательно-повествовательную манеру автора, следующего в традиции популярного в конце XVIII и начале XIX в. жанра путешествия. Отмечаются употребление разноплановой лексики (устаревших слов относительно с современным русским языком, книжной лексики, церковнославянизмов, географических названий), размеренный тон повествования. Стилиевая принадлежность текста являет собой комбинацию художественно-эпистолярного с элементами официально-делового стиля.

Ключевые слова: *филологический анализ текста, идейно-художественное своеобразие текста, стилистические особенности, система художественных средств.*

Постановка проблемы. Филология всегда рассматривалась как наука понимания, прежде всего понимания текста. Именно текст служит в ней основным объектом изучения и интерпретации, именно он требует активности восприятия и от читателя, и от исследователя, говорит Н.А. Николина в своей работе, посвященной филологическому анализу текста [Николина, 2003, с. 15]. В методическом пособии под редакцией Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина для целостного филологического анализа текста предлагается использовать в исследовании текста три единства: лингвистический, стилистический и культурологический анализ, которые во всей полноте продемонстрированы в классических работах ученых-теоретиков М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Н.М. Шанского и др.

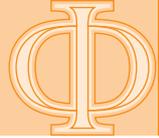
Сложность структурной, семантической и коммуникативной организации текста, его соотнесенность как компонента литературно-эстетической коммуникации с автором, читателем, обусловленность действительностью и знаковый характер являются причиной множественности подходов к его изучению. Л.Г. Бабенко предлагает выделить следующие подходы к изучению текста:

- 1) лингвоцентрический (аспект соотнесения «язык – текст»);
- 2) текстоцентрический (текст как автономное структурно-смысловое целое вне соотнесенности с участниками литературной коммуникации);
- 3) антропоцентрический (аспект соотнесенности «автор – текст – читатель»);
- 4) когнитивный (аспект соотнесенности «автор – текст – внетекстовая деятельность») [Бабенко, Казарин, 2004].

В исследовании мы ориентируемся на лингвоцентрический подход. Его логика основана на изучении функционирования языковых единиц и категорий в условиях художественного текста. Предметом рассмотрения при таком подходе могли быть как лексические, так и фонетические, грамматические, стилистические единицы и категории. Предметом лингвистического анализа художественного текста является его языковая организация: связи и отношения языковых единиц на разных уровнях, выражающих определенное идейно-художественное содержание произведения. Лингвистический анализ художественного текста предполагает изучение его языковой организации в соотнесенности с содержательным планом текста [Щерба, 1957]. Выполняя филологический анализ, мы учитываем стилистические подходы Н.М. Кожинной [Кожина, 1983] и ориентируемся на триединство (лингвистический, стилистический и литературоведческий анализ), выделенное Н.С. Болотновой [Болотнова, 2009], в основе такой точки зрения стоят аналитические разработки Н.М. Шанского [Шанский, Махмудов, 1999].

«Путешествие в Кяхту из Красноярска» впервые было опубликовано в «Енисейском альманахе на 1828 год», в подготовке которого А.П. Степанов принимал непосредственное участие. Намечена дискуссия относительно авторства «Путешествия в Кяхту из Красноярска»: утверждено, что письма принадлежат первому Красноярскому губернатору А.П. Степанову, однако есть гипотеза, что эти письма – творение молодого поэта (племянника губернатора) В.И. Соколовского. При работе над нехудожественными текстами В.И. Соколовского обнаружена характерная особенность этого автора, а именно литера S, которой автор помечал свои документы. Вся трудность заключается в том, что фактически исторического подтверждения прав того или иного деятеля не сохранилось, поэтому мы предпринимаем попытку начать последовательно проводить филологический анализ каждого текста.

Анализ текста проводится по следующему изданию: S. Путешествие в Кяхту из Красноярска / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. С. 1–98 пер. сч.

Особое внимание стоит уделить графике и фонетике представленных писем. Как говорилось ранее, «Путешествие в Кяхту из Красноярска» было опубликовано в 1828 г., дореформенное написание мы можем проследить в свидетельствующих словоформах прилагательных в форме родительного падежа с безударным последним слогом: *расположенныя*; *рогатаго*; *прекраснейшия*; *подбеленныя*; *светлыя*; *чистыя*; *прекраснаго*; *освещеннаго*; *большаго*; *местнаго*; *различныя*; *аукционнаго*; *Высокомонаришаго*; *всякия*; *необходимыя*; *обширнаго*; *фабричныя*; *особеннаго*; *суконнаго*; *каменныя*; *надлежащаго*; *белаго*; *надлежащаго*; *зеркальнаго*; *фламскаго*; *обширныя*; *практическия*; *главнаго*; *прекраснаго*; *общественныя*; *целаго*; *крупнаго*; *покрытыя*; *почтоваго*; *окружающия*; *приятнейшия*; *особенныя*; *похожия*; *Русскаго*; *богатаго*; *всякаго*; *торговья*; *Китайскаго*; *солдатския*; *застроенныя*; *определятельныя*; *торговья*; *обоюдныя*; *ровныя*; *внутреннаго*; *чёрнаго*; *серебреной таз*; *зелёнаго*; *фаршированныя*; *кирпичнаго*; *шёлковыя*; *прелестныя*; *похожаго*; *союзнаго*; *бронзовыя*; *малейшаго*; *слабаго*; *бумажныя*; *аллегорическаго*; *рисовальнаго*; *Аполлона Дельфийскаго*; *священныя*; *довременнаго*; *чудесныя*; *властительнаго*; *красныя*; *великия*; *тусклыя*; *белыя*; *толстыя*; *малыя*; *литыя*; *сарачинскаго пиена*; *человеческаго*; *безчисленныя*; *гусинаго*, – общее количество которых составляет 82 единицы.

Большинство устаревших местоимений, таких как: *сей*; *оный*; *ея*; *оного*; *коих*; *кой*, носит подчеркнуто книжный характер, и обращение к ним стилистически мотивировано.

С точки зрения грамматики наше внимание привлекает числовое соотношение лексики, а именно приоритетная роль именной лексики. Глагольные словоформы (количеством 772 единицы), их числовое соотношение наименьшее, указывают на достаточно динамическое развитие событий и смены обстановки. Существительные (2595 единиц) и прилагательные (899 лексических единиц) доминируют в тексте, определяя его размеренную тональность.

«Путешествие в Кяхту из Красноярска» написано в эпистолярном жанре в форме трех писем, адресованных писателем к другу, имя которого на протяжении всего текста так и не встречается:

Не смотря на то, любезный друг, что деревни, расположенныя на большой дороге в Восточной Сибири, довольно велики, опрятны и даже не в дальнем расстоянии одна от другой, так, что между почтовыми станциями можно встретить две и три; не смотря на то, что видишь в обширных выгонах большие табуны лошадей и стада рогатаго скота; что жители имеют прекраснейшия избы, всегда подбеленныя, светлыя и чистыя, что житницы их всегда наполнены хлебом – не знаю, все как-то здесь отзывается пустынею (S, с. 1).

В первом письме автор в виде *путевых заметок* повествует обо всем увиденном в мельчайших подробностях по пути в Кяхту. В частности, о быте небольших промышленных сибирских городков, суровости климата и устройстве фабрик:

Капитал Тельминской фабрики заключается в 434, 194 рублях. Всё производство ея обеспечивается со стороны важных для нея материалов следующим

образом: кочующие в Иркутском, Верхнеудинском и Нерчинском округах и на острове Ольхоне, Буряты и Тунгусы, доставляют в изобильном количестве шерсть (S, с. 5).

Люди сии довольствуются безденежно от фабрики, на счёт выделяемых сукон, провиантом. Жалования за работу получают от 60 до 500 рублей в течение 10 рабочих месяцев. Женщины выработывают от 2 ½ до 3 рублей в месяц. Г. Платонов построил шерстомойный двор, каменное помещение для расправки в зимнее время сукон, помещение для зеркального производства, помещение для беления пряжи и выделки фламсакого полотна и магазин для хранения пеньки (S, с. 5).

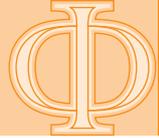
Второе письмо повествует о китайской культуре, правителях и частично о восточной кухне. В третьем письме говорится о возвращении автора в Сибирь через Бурятию, где упоминается устройство молитвенного алтаря буддистов:

...В 40 верстах от Селенгинска, за хребтом гор, в степи безлесной на берегу озера Гусинаго... церковь с деревянными четверугольными столбами, между которыми от одного до другого протянуты скамьи, на помосте разбросаны подушки и тюки для молельщиков. Между серединою и святилищем, которое отделено завесою, стоит престол со свечами и курильницами... (S, с. 90).

Позиция автора выражена отчетливо в комбинации таких функционально-смысловых типов речи, как описание, повествование.

На лексическом уровне весьма показательно соединение лексических средств разной эмоционально-стилистической окраски, значимых для утверждения идеи текста: *приятной музыки, искусной живописи*, (S, с. 1); *человек умный, ревностный* – книжн. (S, с. 2); *совершенной пользе* (S, с. 3); *чистой отделке* (S, с. 4); *неутомимые труды, любезный друг* (S, с. 5); *отличная чистота, прекрасного бульвара* (см. приложение III, с. 6); *неутихаемые ветры* (S, с. 8); *худшие, лучшие, пленительный свет* (S, с. 17); *будущую судьбу* (S, с. 20); *добрые приятели* (S, с. 21), – 16 единиц. Эмоционально окрашенная лексика, выбранная автором, задает положительный тон письмам: *пленительный свет* и *неутихаемые ветры*. Метафоричность языка выступает как один из способов выражения оценки происходящего: *всё как-то здесь отзывается пустынею; Не смотря на то, любезный друг, что деревни, расположенные на большой дороге в Восточной Сибири, довольно велики, опрятны и даже не в дальнем расстоянии одна от другой, так, что между почтовыми станциями можно встретить две и три; не смотря на то, что видишь в обширных выгонах большие табуны лошадей и стада рогатого скота; что жители имеют прекраснейшие избы, всегда подбеленные, светлые и чистые, что житницы их всегда наполнены хлебом – не знаю, всё как-то здесь отзывается пустынею»* (S, с. 1–2).

Устаревшей лексики в данном тексте встречается сравнительно немного, а именно: *житница, распря, горница, жирондоль, верста, аршин, лик, слабодка, лохань*; церковных слов – *стихарь*; иноязычных – *кафтан, фуза, Абулгази, Цинь-ван-дао, Шаге-Муни*.

Таким образом, все лексические средства, выбранные автором, носят описательный характер и свидетельствуют об умелом использовании их, в тексте не встречается разговорная или просторечная лексика.

С точки зрения синтаксиса интересна организация текста как законченного смыслового целого, выражающегося за счет различных средств языка: лексических – употребление личных местоимений, местоименных наречий (*затем, потом, тогда*, выполняющих функцию скрепления элементов предложения), морфологических (соотношение видовременных форм глаголов-сказуемых в объединяемых предложениях).

Художественно-эпистолярный стиль проявляет себя элементами официально-делового, представляющего точность, сжатость и однозначность представления фактов о производстве, рабочей силе и последовательности совершаемых финансовых операций: *На реке Тельме был некогда железной завод; опустел и разрушился. Купец Бобровский в 1751 году, сделавшись владельцем сего места, построил маленькую суконную фабрику, которая от него перешла к купцу Сибирякову; но за долги его была в 1793 году продана с аукционного торга и куплена в ведение Иркутского Коммисариата за 10 тысяч рублей. В то время фабрика производила в год от 4 до 9 тысяч аршин сукна, посредством 87 приписных душ (S, с. 6); Тканье производится на 57 самолетных и на 11 простых двуручных станах. Из выделяемых 62 тысяч аршин сукна 50 тысяч доставляются (S, с. 14).*

Рабочих людей по единоделению употребляется:

Взрослых... 257

Мальчиков... 57

всего 314 муж. пола (S, с. 15).

«Путешествие» вызывает у читателя ответную лирическую эмоцию, эстетическое чувство сопричастности путешествию. Текст отражает воплощенные в словесно-художественной форме характеристики и оценки описываемой действительности. Письма адресованы обобщенно-личному субъекту. Художественно-образная конкретизация эмоционального состояния «лирического героя» выражается за счет эмотивной лексики: *приятность* (S, с. 3); *веселыми кликами* (S, с. 4); *ревностный* (S, с. 6); *удивление* (S, с. 12); *страшные* (S, с. 19); *спокойствие* (S, с. 22); *дружелюбие* (S, с. 34); *дружелюбие охладело* (S, с. 34); *люблю* (S, с. 48).

Текст отражает динамику чувств: часто восхищение или удивление героя, используется этикетное обращение к любезному другу: *Признаться, любезный друг, приятно быть обманутым, как я обманулся на счёт всех заведений здешняго края; приятно за 6 тысяч вёрст от столицы, в Восточной Сибири встретить не только колыбель промышленности, но и такую степень ея совершенства, которая со всею вероятностию заставляет надеяться в скором времени увидеть её на ряду с тою, которая существует в средоточии Государства (S, с. 5).* Организация текста проникнута уважением и восхищением перед отдельными лицами, о которых повествуется в письмах.

«Путешествие» оказывает сильное эстетическое воздействие на адресата, вызывая ответную лирическую эмоцию: *Часто случается слышать в разговорах и читать в книгах о знаменитом фарфоре Китайском: однако же я не видал ни одной вещи, в которой бы глина была чище Саксонской. О рисовке нечего и говорить: она мила по своей странности; относительно же колеров, столь превозносимых – право не знаю – а кажется, наши лучше. Формы не имеют никакой правильности новых времён и изящества древних Греков и Римлян; кажется всё выкопано не из Геруклана, а из Чудских могил Енисейской...* (S, с. 63).

Характер адресата связан с обращением к некому другу, обладающему необходимым уровнем духовной и языковой культуры, способному понять данное послание: *Итак скажешь ты мне: твоё путешествие было приятно. ...Остановитесь, прошу вас; позвольте не думать о будущем и дайте наперёд образумиться от настоящего путешествия...* (S, с. 97–98);

В правом приделе на возвышении сидит Хо-шень, дух огня: лицо и руки красные; одет бронёю, в правой руке меч, в левой сосуд с огнём. Рядом с ним Нюван, князь и покровитель скотоводства, поддерживает конец бороды правую рукою, в левой Жуи. В правом приделе перед сими кумирами поставлены столы для жертвоприношений, и возле каждого кумира находится резное изображение фигуры предстоящей (S, с. 79–80).

Письменная форма речи представляет собой индуктивное повествование с выводами в конце каждого письма: *Признаться, любезный друг, приятно быть обманутым, как я обманулся на счёт всех заведений здешняго края; приятно за тысячи вёрст от столицы, в Восточной Сибири встретить не только колыбель промышленности, но и такую степень её совершенства, которая со всею вероятностью заставляет надеяться в скором времени увидеть её на ряду с тою, которая существует в средоточии Государства* (S, с. 20) – письмо первое.

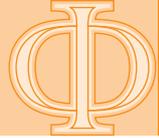
После обеда мне хотелось-было побродить по лавкам или фузам; но устал и поздно. Прощай, мой друг, до будущей почты (S, с. 55) – письмо второе.

Стилевые черты монолога лирического героя отражают:

а) образность, способность создавать представления о реалиях современного мира той эпохи: *...а также растение называемое по Китайски в переводе благословенная ручка. Его не едят: но только от времени до времени берут в руки и нюхают, услаждая тем своё обоняние: запах сходен с лимонным* (S, с. 46);

б) эстетически направленную экспрессивность, обусловленную системой изобразительно-выразительных средств, обозначающих нравственно-этические понятия: *дума, красота, польза, усердие, совершенство, мечта, жизнь*, называющие движение природы: *снежные берега, река даже не струится, вершины венчались лиственницами, белели покрытые снегом горы;*

в) эмоциональность (употребление книжных средств и эмоционально-оценочной лексики): *приятной музыки, искусной живописи, здание великолепное, приятную наружность, великолепное селение, правильной улицы, величайшие залы, веселыми кликами* (S, с. 1); *человек умный, ревностный* (S, с. 2); *совершенной*

пользе (S, с. 3); *чистой отделке* (S, с. 4); *неутомимые труды, белый песок, любезный друг* (S, с. 5); *отличная чистота, прекрасного бульвара* (S, с. 6); *неутомимые* (S, с. 7); *неутихаемые ветры* (S, с. 8); *высокое подножие, худшие, лучшие, пленительный свет* (S, с. 17); *будущую судьбу* (S, с. 20); *добрые приятели* (S, с. 21) – отражает высокую идейную направленность путешествия и его взволнованную эмоциональную тональность;

г) многостильность окраски языковых средств (наряду с нейтральными словами в тексте используется стилистически маркированная, как уже отмечалось).

Среди языковых примет стиля частотны используемые:

– олицетворения: *вершины венчались лиственницами* (S, с. 24); *подножие опуталось розовыми цветами крупного багульника* (S, с. 24); *белели покрытые снегом горы* (S, с. 25); *...луч его блеснул через высоты и распростёрся мгновенно по гладкой поверхности Байкала, тогда – тогда, любезный друг, запылали все предметы меня окружающие, небо, горы и вода!* (S, с. 25–26);

– эпитеты: *лазурная, жемчужная, пушистые снега, рубиновая поверхность, парчовые наметы, берилловые кристаллы льдин, радужный перламутр*;

– риторические вопросы: *Мне хотелось видеть храм языческий – нечто, может быть, подобное знаменитым храмам древности, ежели не по великолепию (ибо где его искать в маленьком торговом городке), то по крайней мере по религиозным установлениям. Не озарит ли что-нибудь понятия моего о жертвеннике Юпитера Аммона или Аполлона Дельфийского?* (S, с. 70); *Ваша Религия допускает ли существование Бога брани, Бога мира, бога ада и моря?* (S, с. 72); *Что делать?* *любезный друг* (S, с. 89).

Все это служит средством эмоционального и смыслового усиления индивидуального эстетического видения мира автора, позволяет читателю приобщиться к нему.

Образ автора автобиографичен, целью текстовой деятельности является рассказ о путешествии, жанр которого был весьма популярен в конце XVIII в. Автор-повествователь проявляет себя как путешественник-сентименталист.

Как говорилось ранее, «Путешествие в Кяхту из Красноярска» опубликовано в «Енисейском альманахе на 1828 год», авторство которого поставлено под сомнение. Путевые заметки писателя о поездке из Сибири в Кяхту приходятся на 1828 г. В «Путешествии в Кяхту из Красноярска» мы наблюдаем неподдельный интерес писателя к восточной культуре, жизненному укладу и философии буддизма. Все это красочно и подробно описывается в письмах к *любезному другу*. Для анализируемого эпического текста характерны описательность, психологизм, номинативность, прозаическая организация речи, монологизм.

Произведение относится к жанру *путешествия*, расцвет и популярность которого приходился на конец XVII – начало XIX в. На смену классицистической школы в этот период приходит сентиментализм как литературное направление. Первые работы в жанре путешествия: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина.

Социокультурный тип проблематики текста, пейзажные зарисовки с естественной последовательностью фактов, выраженный сентиментальный пафос позволяют говорить о некой умилённости и витиеватости слога: *Рубиновая поверхность восточного хребта предваряла уже о скором появлении солнца; но когда первый луч его блеснул через высоты и распростёрся мгновенно по гладкой поверхности Байкала, тогда – тогда, любезный друг, запылали все предметы меня окружающие, небо, горы и вода! Ежели бы я был живописец, или твой любимый Пушкин, то, может быть, имел бы силы сообщить понятие о том явлении, которое мгновенно озарило меня, о парчовых наматах покрывающих горы, о берилловых кристаллах льдин, разбросанных колоссальными штуфами по трещинам озера; о том радужном перламутре, который покрывал всю поверхность Байкала; но я не в состоянии в сём случае совершенно удовлетворить тебя; скажу только, что в два с половиною часа перелетел 60 вёрст через озеро, что быстрые неутомимые кони с маху перескакивали трещины, где струилась вода, шириною в полтора аршина, и доставили наконец меня невредимо в Посольский монастырь – первую станцию по ту сторону Байкала (S, с. 26–27).*

Общая эмоциональная тональность произведения жизнеутверждающая, окрашенная восторженными отзывами автора, с выраженными образами восточных скульптур: *В левом пределе от входа на возвышении сидят два разных кумира: Цей-шень, Дух счастья, с чёрною бородою и усами до пояса; он держит в руках кубак/н или Жуи. Другой Ма-ван, князь или покровитель коней; он изображён с шестью руками: две обыкновенныя вооружены луком и стрелою, так, что левою придерживает лук лежащий на левом колене, а правую упирает острие стрелы на лук; две поднятые кверху из-за плечей держат крестообразно мечи над головою; и наконец в одной из двух, выходящих от крестца и распростёртых в обе стороны находится печать (знак властительнаго достоинства); а другой зеркало. – Кротость изображается на лице духа, и ярость на лице покровителя коней; первый в мирной одежде, а другой в воинственной (S, с. 78–79).*

Или: *Го-ан-ди, в честь котораго воздвигнут храм, был человек, оказавший великия услуги отечеству и подвергшийся во время жизни своей великим несчастьям. Он сидит на престоле, облечённый в голубую одежду; лице имеет золотое; в руках держит Жуи, на который с благоговением вперены взоры его: – сим изображаются обеты, приносимые Богу. У ног его фиал со святою водою; во семь знаков изображающих достоинство жертв; четыре подсвечника, четыре чаши и неугасимый светильник (анн), который во тьме освещает изображение Го-ан-ди и двух ужасной велечины Драконов, извивающихся по разным направлениям снизу в верх и составляющих своды над кумирами. Тускляя зеркала, расположенныя на высоте, отражая лучь сего светильника, мелькают подобно слабому свету зари восточной между вершинами гор, покрытых мраком (S, с. 80–81).*

Художественные особенности путешествия определяются его идейно-тематическим своеобразием, намерением поведать о культурной организации другого государства с его особенным бытом и укладом.

Таким образом, система ярких художественных средств и приемов формирует образный строй произведения, выражающий его идейное содержание. Предприняв попытку проведения филологического анализа текста «Путешествие в Кяхту из Красноярска», мы заметили характерные особенности писателя – употребление разноплановой лексики (устаревших слов, соотносительно с современным русским языком, книжной лексики, церковных слов, географических названий). Приоритетное употребление именной лексики (2595 единиц существительных) и прилагательных (899 лексических единиц) задают размеренный тон повествованию. С фонетической точки зрения наше внимание привлекают словоформы прилагательных с характерным безударным окончанием: *средняго, главнаго, великия, человеческаго*; местоимения третьего лица: *оний, оная*. Такое употребление лексики в письменной речи весьма характерно для конца XVIII – начала XIX в. С точки зрения грамматики наличие экспрессивных синтаксических конструкций, метафоричность языка вырисовывают описательно-повествовательную манеру автора. С точки зрения стилевой принадлежности «Путешествие в Кяхту из Красноярска» являет собой достаточно сложную конструкцию – художественно-эпистолярный жанр с элементами официально-делового стиля. Кроме того, мы отмечаем характерную особенность – использование жанра «путешествия», популярного в художественной литературе конца XVIII – конца XIX в., корни которого восходят к произведению Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768). В нашей стране к этому жанру принято относить произведения: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (записки в форме писем к друзьям) (1797). В основу писем положено реальное путешествие, которое Н.М. Карамзин совершил в 1789–1790 гг.; «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева; «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина (1829). Отличие «Путешествия в Кяхту из Красноярска» заключается в обращении автора к Востоку, его буддийской философии, культуре бытия монахов, описанию культурных особенностей восточных людей, тем самым проявляется интерес к этой культуре, произведение выделяется из общего фона текстов, посвященных жанру путешествия.

Список источников

1. S. Путешествие в Кяхту из Красноярска / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск. М.: Типография С. Селивановского, 1828. С. 1–98 пер. сч.

Библиографический список

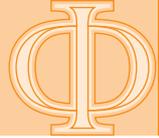
1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. 2-е изд. М.: Флинта, Наука, 2004. 496 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта, Наука, 2009. 520 с.

3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
5. Шанский Н.М., Махмудов Ш.А. Лингвистический анализ художественного текста. СПб.: Спец лит., 1999. 319 с.
6. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М.: Гос. уч. пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1957. 582 с.

Сведения об авторах

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Мамаева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: mamaevatv@yandex.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-16-27

PHILOLOGICAL TEXT ANALYSIS OF THE JOURNEY TO KYAKHTA FROM KRASNOYARSK

N.A. Burmakina (Krasnoyarsk, Russia)

T.V. Mamaeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The philological analysis of the text *Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk*, which was published in the Yenisei Almanac in 1828 by A.P. Stepanov with the letter S, was undertaken with the promising purpose of comparative analysis of another text of the 19th century *Stories of a Siberian*, which belonged to V.I. Sokolovsky, the nephew of A.P. Stepanov.

The purpose of the article is to analyze the linguistic means of different levels that create the ideological and artistic originality of the 19th century text *Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk* and determine its author's stylistic features.

Methodology (materials and methods). The study was conducted as a comprehensive philological analysis of a literary text using the method of directed sampling, the method of semantic and stylistic analysis of a literary text, the contextual method, and elements of quantitative analysis.

Research results. The results of the study lead to the characteristics of the system of artistic means and techniques that form the figurative structure of the work *Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk*, expressing its ideological content, the descriptive and narrative manner of the author, following the tradition of the travel genre popular in the late 18th and early 19th centuries. The use of diverse vocabulary (obsolete words in relation to the modern Russian language, book vocabulary, Church Slavonicisms, geographical names) set a measured tone to the narrative. The stylistic affiliation of the text is a combination of artistic-epistolary with elements of official-business style.

Keywords: *philological analysis of the text, ideological and artistic originality of the text, stylistic features, system of artistic means.*

List of sources

1. S. *Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk* / A.P. Stepanov // The Yenisei Almanac for 1828 by Ivan Petrov. Krasnoyarsk [on the back of tit. l.: Moscow: Printing house of S. Selivanovsky, 1828]. P. 1–98 trans. sch.

References

1. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice. 2nd ed. Moscow: Flinta, Nauka, 2004. 496 c.
2. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text: textbook. The manual. 4th ed. Moscow: Flinta, Nauka, 2009. 520 p.
3. Kozhina M.N. Stylistics of the Russian language. M.: Enlightenment, 1983. 223 p.
4. Nikolina N.A. Philological analysis of the text. Moscow: Academy, 2003. 256 p.
5. Shansky N.M., Makhmudov Sh.A. Linguistic analysis of a literary text. St. Petersburg: Spec lit., 1999. 319 p.

6. Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. Moscow: State Academic Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education. RSFSR, 1957. 582 p.

About the authors

Burmakina, Natalia A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Mamaeva, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: mamaevatv@yandex.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-28-40

УДК 81.27 + 659.123

СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ В НАЧАЛЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Р.Ш. Зайнулин (Бишкек, Кыргызская Республика)

Аннотация

В представленной статье анализируются тексты печатной рекламы переходного периода обретения суверенитета Кыргызстаном в 1991 г. Используются архивные материалы двух самых популярных периодических изданий начала постсоветского периода – газет «Вечерний Фрунзе» (после 5 февраля 1991 г. – «Вечерний Бишкек») и «Слово Кыргызстана».

Цель статьи – выявить активные рекламные жанры указанного периода, определить тематику и направленность рекламных объявлений.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный метод и метод контент-анализа. Приведен обзор исследований по проблематике работы статей К.П. Тарасовой, К.Д. Мадиева, О.Б. Арчакова.

В результате исследования автор приходит к выводам о том, что в 1991 г. в Кыргызстане появляются новые жанры и форматы подачи рекламного материала. Реклама прозрачно отражает изменения на рынке Кыргызстана в 1991 г.

Авторский вклад состоит в том, что тема истории и специфики текстов печатной рекламы в 1991 г. впервые исследована на материале первоисточников. Автор не только собрал архивный материал, но и на примерах показал основные тенденции в формировании жанровой специфики текстов зарождающегося рекламного рынка.

Ключевые слова: история текстов рекламы Кыргызстана, печатная реклама, рекламные жанры, газетные рекламные тексты, авторы рекламы, требования заказчиков к текстам рекламы.

Постановка проблемы. 1991-й – год больших перемен. Кыргызская Республика приобретает суверенитет. Рекламный рынок во время перестройки 1985–1991 гг. только начал формироваться. В 1991 г. стали появляться разнообразные жанры в газетной рекламе, которые раньше не были представлены в газетных объявлениях, а также широкоформатные объявления на всю страницу газеты. В рекламных объявлениях появилось больше креатива и юмора. «Главным фактором, влияющим на различные трансформации всех жанров, становится исторический фон, в котором они пребывают, так как каждая веха диктует свои цели с определенными правилами игры» [Султанова, 2014, с. 7]. Автор данной статьи предпринял попытку проанализировать представленные жанры в постсоветской рекламе в Кыргызстане, а также на основе изучения текстов рекламных объявлений того времени выявить, какие сферы рынка получили развитие в 1991 г.

Цель статьи – выявить активные рекламные жанры указанного периода, определить тематику и направленность рекламных объявлений; проанализировать тексты рекламных объявлений на русском языке в газетах Кыргызстана на предмет способов и методов рекламирования товаров и услуг в начале постсоветского периода в 1991 г.

Обзор научной литературы по проблеме. По теме истории текстов печатной рекламы Кыргызстана специализированных научных исследований обнаружено не было. Исходя из этого, рассмотрены публикации по становлению и развитию в целом периодической печати в конце XX в., а также по истории рекламы и рекламных текстов в целом. По истории развития кыргызской журналистики ценной является работа С.У. Усупова [Усупов, 2007].

Интересным является исследование по текстам рекламы Н.А. Прохоровой «Социально-экономические условия развития рекламы Кыргызстана в 90-е гг. XX вв.» [Прохорова, 2016]. К.К. Какишов исследовал особенности развития кыргызоязычных печатных СМИ в годы Независимости Кыргызстана [Какишов, 2019]. Ж.О. Султанова стала автором диссертационного исследования «Жанровое своеобразие газет Кыргызстана в первые годы переходного периода (на материалах прессы 1991–1992 гг.)» [Султанова, 2014]. Важна также работа И.В. Деевой «Особенности типологии русскоязычных СМИ в Кыргызстане» [Деева, 2009].

Интерес представляют работы российских исследователей, которые используют продуктивную методику анализа текстов газетной рекламы. Особо нужно отметить статью К.П. Тарасовой [Тарасова, 2018], в которой исследуется процесс развития рекламных объявлений как отдельного речевого жанра на материале российских газет. В статье О.Б. Арчакова «Изучение становления амурской рекламы на основе анализа газеты объявлений “Амурский коммерческий посредник”» [Арчакова] анализу подвергнуто дореволюционное издание – первая газета объявлений «Амурский коммерческий посредник».

В статье исследователя из Таджикистана К.Д. Мадибаева «Роль и место рекламы в печатных СМИ Таджикистана» [Мадибаева, 2022] дается общее представление о рекламе в печатных изданиях Таджикистана. Рассматриваются особенности функционирования негосударственной печатной прессы в условиях рыночной экономики.

Методология. В статье использовались сравнительно-сопоставительный метод и контент-анализ.

В качестве *материалов* исследования выступили первоисточники – архивные материалы газет из отдела периодики Республиканской детской библиотеки имени К. Баялинова. В статье использовались текстовые материалы двух самых популярных периодических изданий на тот период: «Вечерний Фрунзе» (после переименования столицы с 5 февраля 1991 г. – «Вечерний Бишкек») и «Слово Кыргызстана». Критериями отбора рекламного материала были следующие: во-первых, частота появления в указанных газетах; во-вторых, отбирались

те тексты рекламных объявлений, в которых нашла отражение семантика перехода к рыночной экономике в 1991 г.; в-третьих, представляли интерес тексты рекламы, в которых использовались нестандартные подходы и рекламный креатив.

«Слово Кыргызстана» – общенациональная газета, издающаяся на русском языке. Старейшее издание в Кыргызстане. Газета, основанная 23 марта 1925 г. под названием «Батрацкая правда», спустя некоторое время была переименована в «Крестьянский путь». В 1927 г. название сменили на «Советская Киргизия». В советское время газета была органом Совета Министров Киргизской ССР, Верховного Совета и ЦК Компартии. Она выходила ежедневно тиражом в 132 тысячи экземпляров. Нынешнее название «Слово Кыргызстана» газета получила в 1991 г., учредителем является правительство Республики Кыргызстан [slovo.kg].

Газета «Слово Кыргызстана» в 1991 г. выходила тиражом 300 номеров в год (цена 10 копеек). В конце газеты публиковался раздел «Наша реклама». Газета состояла из 4 страниц, рекламные объявления и коммерческие публикации занимали 15–25 % от объема газеты. В субботу выходил номер под названием «Слово Кыргызстана. В конце недели» (стоил 30 копеек), информация размещалась на 14 страницах. Газета в 1991 г. выходила под лозунгом *Пролетарии всех стран, соединяйтесь.*

Газета «Вечерний Фрунзе (далее, после переименования столицы 5 февраля 1991 г. – «Вечерний Бишкек»)» выходит с 1 января 1974 г. (цена 10 копеек). Газета в 1991 г. также выходила под лозунгом *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

1980–1990 гг. стали определяющими в области формирования современной рекламы Кыргызстана. В 1984 г. прошел XI съезд потребительской кооперации, где были поставлены цели по использованию всех средств для увеличения торгового спроса. Среди прочих постановлений было принято постановление об улучшении уровня рекламно-информационной деятельности [Прохорова, 2016, с. 28].

Следует отметить, что переход к рыночным основам функционирования, ориентация на удовлетворение запросов аудитории преобразовали принципы работы СМИ и их подход в освещении процессов и событий, происходящих в республике. Децентрализация государственной власти, устремленность к формированию демократических ценностей в обществе повлияли на становление в стране новых типов периодики [Какишов, 2019, с. 3].

В представленном контент-анализе выбранных газет главную роль в анализе играют рекламные сообщения и объявления. Газеты были заинтересованы в том, чтобы на их страницах размещались рекламные объявления, и сами старались представить свои издания в лучшем виде. К примеру, в газете «Вечерний Фрунзе» 8 января 1991 г. было размещено следующее объявление: *Руководители предприятий, организаций и кооперативов! Вы, конечно же, знаете, что реклама в современном мире не только двигатель торговли, но и источник информации о нашей деятельности. Если вы хотите успешно работать в условиях зарождающегося рынка, то вы обязательно воспользуетесь услугами рекламы.*

Рассказать о продукции предприятия, пригласить на работу опытных специалистов, реализовать излишнее сырье, оборудование и купить новое – все это поможет вам сделать наша реклама. Выбирая газету для размещения вашей информации, имейте в виду, что «Вечерний Фрунзе» имеет самый большой тираж в Кыргызстане, распространяется абсолютно во всех районах республики, публикует рекламу в самое удобное для рекламодателя время, пользуется услугами самых опытных и квалифицированных специалистов рекламы. Реклама «ВФ» – ваш очередной шаг к успеху (Вечерний Фрунзе. 1991. 8 января. № 5. С. 6). Заканчивается объявление фразой, в которой указывается, что представленная газета является отличной площадкой для рекламы и очередным шагом к успеху. В информационном объявлении имеется информация о географии распространения издания и об эффективном времени выхода газеты для рекламодателей.

В газете «Вечерний Фрунзе» в данный период существовали несколько рекламных рубрик, в частности рубрика по подбору персонала – «Работа ищет человека!». В данном разделе публиковалась информация об актуальных вакансиях. К примеру: *Республиканская клиническая инфекционная больница: Медицинским сестрам. Предоставим работу в стационаре (средний заработок 180–220 рублей) и гарантируем место в благоустроенном общежитии (с городской пропиской) (Вечерний Фрунзе. 1991. 8 января. № 5. С. 6).* Или вот такое объявление: *Если вы хорошо знаете географию, у вас хорошая дикция и хороший почерк и при этом вам не больше 40 лет – У вас есть возможность получить интересную профессию. Республиканское производственное объединение электросвязи набирает группу учениц телефонистов международной телефонной связи (Вечерний Фрунзе. 1991. 14 января. № 9. С. 4).* Как можно видеть, в объявлении размещена подробная информация о том, какими качествами должен обладать соискатель, а также о возрастном ограничении.

Фирма «Киргизия» активно публиковала свои объявления в газете «Вечерний Фрунзе» с креативным слоганом: «У нас мужчины одеваются быстро». В объявлении создается некая интрига, которая обличается в следующую форму: *...так говорят в ателье № 15 фирмы «Киргизия». И действительно, мужскую верхнюю одежду шьют здесь в самые сжатые сроки: брюки – 2 дня; костюмы – 7 дней. В ателье принимают одежду и на реставрацию (срок – 2 дня). Обратите только внимание, что при замене подклада ткань предоставляет заказчик (Вечерний Фрунзе. 1991. 8. января. № 5. С. 6).* Или вот такое объявление: *Ваше хобби может стать вашей профессией. Фирма «Киргизия» открывает цех по изготовлению мягкой игрушки и поделок из лоскута (Вечерний Фрунзе. 1991. 6 февраля. № 26. С. 4).*

1991 г. – время очень трудное, многие остались без работы, психологически сложно было перестроиться и согласиться с теми изменениями, которые произошли в стране. Все это стало причиной появления в сообщениях объявлений рекламного характера о различных курсах психологического и псевдопсихологи-

ческого толка. К примеру, объявление с кричащим заголовком: «Исцели себя сам». В объявлении утверждается: *На наших курсах вы сможете выявить свои резервные способности, овладеть оздоровительной методикой очищения по АЮРВЕДЕ, саморегуляции, защиты от стресса и патогенных систем верований, получить понятия о биоэнергетике, био-психокоррекции, овладеть методикой бесконтактного массажа и в трудную минуту помочь своим близким при возникновении ряда заболеваний: простудных, головных, зубных и прочих болях, повышенном и пониженном артериальном давлении, тахикардии, эпилепсии, заболеваниях эндокринной системы и т.д.* (Вечерний Фрунзе. 1991. 8 января. № 5. С. 6).

На страницах газет можно встретить и объявления индивидуальных предпринимателей, которые занимаются вопросами психологического консультирования: *Разлад в душе – это не болезнь, это всегда мучительно ...Если у вас есть сложности в отношениях с детьми, друзьями, коллегами, наши специалисты-психологи могут и готовы помочь в решении ваших проблем* (Вечерний Фрунзе. 1991. 25 января. № 14. С. 12). У представленного объявления нет названия фирмы, зато четко прописано, что специалисты-психологи, могут помочь в решении проблем.

Гласность и открытость, объявленная в период перестройки, позволила Республике Кыргызстан выходить на международный рынок и самостоятельно формировать экономические и торговые отношения. На рынке появились фирмы, которые специализировались на переводческих и консалтинговых услугах. В архивных газетах можно встретить следующие объявления: *«Интурист-Фрунзе» предлагает Советским организациям, иностранным фирмам, совместным предприятиям и частным лицам следующие услуги: последовательный перевод на переговорах, приемах, выставках, конференциях, симпозиумах; письменный перевод коммерческой, информационной литературы, официальных документов; организация и проведение экскурсий по музеям Фрунзе и по городу, а также в природный парк «Ала-Арча»; работа переводчиков с зарубежными делегациями по стране и с советскими делегациями за рубежом; услуги осуществляются квалифицированными гидами-переводчиками на 7 иностранных языках* (Вечерний Фрунзе. 1991. 14 января. № 9. С. 4).

Именно в 1991 г. стали появляться объявления о языковых курсах, в частности английского языка: *Правление общества «Знание» Республики Кыргызстан. Объявляет набор слушателей на курсы по углубленному изучению английского языка. Для выпускников школ и поступающих в высшие учебные заведения. Принимаются также все желающие усовершенствовать свои знания»* (Вечерний Фрунзе. 1991. 18 февраля. № 34. С. 4).

Одним из самых значимых преобразований в 90-е гг. было создание кооперативов. По вопросам их создания шли большие споры, но количество кооперативов неуклонно росло. Открывались рекламные и дизайнерские агентства [Прохорова, 2016. с. 30]. В 1991 г. рекламный рынок Кыргызстана претерпевал этап становления и развития, были несколько учреждений, которые специали-

зировались на создании и выпуске рекламного контента. В качестве примера можно привести рекламное агентство «Киргизкоопреклама»: *Рекламное агентство «Киргизкоопреклама». Приглашает на работу, Квалифицированного электрика (250 руб). Инспектора отдела кадров (160 руб)* (Вечерний Фрунзе. 1991. 14 января. № 9. С. 4).

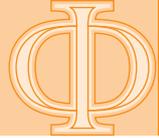
Молодежный центр НТТ «ОРИЕНТИР» также реализовывал стандартные рекламные услуги: *...предлагает предприятиям разработку: фирменного стиля: эмблем; торговых знаков. Изготавливает небольшими тиражами: обложки меню; вымпелы; конверты; пригласительные билеты; визитные карточки* (Вечерний Бишкек. 1991. 20 марта. № 55. С. 20).

Консультационная фирма «Профессионал-менеджер» отличается своими броскими фразами в начале и в конце объявлений: *Лицо фирмы определяется не только ее делами, но и деловыми бумагами. Фирменные бланки, рекламные буклеты, визитные карточки, компьютерная графика. Доверьте их разработку и изготовление нашим опытным специалистам и партнеры оценят имидж вашей фирмы по достоинству!* (Вечерний Бишкек. 1991. 26 марта. № 59. С. 4). Эхофраза: фирма «Профессионал-менеджер» обеспечит Ваш престиж!

Всесоюзный университет управления также размещал свою рекламную информацию, используя в начале коммуникационную подстройку к целевой аудитории: *Обеспечить благополучие. Реализовать мечты, обрести уверенность в себе и приобрести высокий профессионализм в наше время не просто, но и не безнадежно. Все это вам будет по плечу как только вы станете Деловым человеком. А стать таковы вам поможет Высшее учебное заведение нового типа Всесоюзный университет управления. Менеджеров и специалистов по маркетингу, обещая стажировку зарубежом* (Слово Кыргызстана. 1991. 20 августа. № 193 (18868). С. 4). – Реклама на весь разворот страницы. Фотография мужчины в деловом костюме на фоне работающих за неким оборудованием.

Представляет интерес и рекламный жанр – разговор с целевой аудиторией: *В ПТУ № 5 тебя ждут, будут рады принять в свой дружный коллектив. Выбор – рубрика для молодых, всех кто еще не решил кем быть. Шестнадцать лет трудный возраст, ведь именно в шестнадцать лет нужно сделать главный выбор – выбрать профессию, выбрать будущее. Бишкексий кооперативный техникум, предлагает новую профессию – «Организация коммерческой деятельности»* (Слово Кыргызстана. 1991. 10 июля. № 158–159 (18833–34). С. 6).

Встречаются объявления о наборах на различные курсы, где есть прямое обращение к целевой аудитории: *Дворец культуры ККСК. Мужчины для вас! Объявляется набор на 5-месячные курсы кройки и шитья модной молодежной одежды. В программе обучения: пошив головного убора, сорочки, куртки, брюки и пр.* (Вечерний Фрунзе. 1991. 25 января. № 14. С. 12). В представленном объявлении в самом обращении заложена целевая аудитория – мужчины, что может захватить и увлечь читателей газеты именно мужского пола.

В таком же стиле непосредственного обращения к целевой аудитории можно встретить и объявления, относящиеся к женской аудитории: *Современным и деловым женщинам! Если вы имеете небольшой навык в вязании спицами и хотите всегда быть красивой и модной общество «Знание» открывает курсы по моделированию современной одежды, реставрации и комбинированию трикотажной одежды, бывшей в употреблении, отделке трикотажной одежды декоративными украшениями (вышивка, аппликация, бисер, тесьма)* (Вечерний Бишкек. 1991. 13 марта. № 50 (5179). С. 7).

«На заметку деловому человеку»: именно с таким обращением можно встретить объявление в «Вечернем Бишкеке» в 1991 г.: *...Республиканское молодежное научно-экономическое объединение готовит к изданию «Информационно-рекламный справочник» об услугах и продукции, выпускаемой предприятиями, кооперативами, объединениями, ассоциациями, молодежными центрами Республики Кыргызстан. В справочник войдут также сведения о сырье, возможностях взаимо-общения по принципу «товар на товар». Рекламно-информационный справочник будет распространяться как в республике, так и за ее пределами в I квартале 1991 г. Ежегодно справочник будет корректироваться и дополняться с учетом последних изменений... (...) Наше единственное условие: мы гарантируем публикацию ваших данных в нашем рекламном издании при условии перечисления вами 80 рублей на расчетный счет. Не теряйте уникальный шанс всего за 80 рублей найти партнеров по бизнесу, покупателей, поставщиков, распространить вашу рекламу, как в республике, так и по стране* (Вечерний Бишкек. 1991. 8 мая. № 89. С. 4). Формирование информационно-рекламного справочника говорит о том, что независимый рекламный рынок в Кыргызстане начал постепенно складываться, стали появляться инициативы по созданию общих информационно-рекламных систем, которые были бы полезны для предпринимателей.

В 1991 г. можно наблюдать рекламу международного издания: *Если вы деловой человек – Ваш журнал «Деловые люди». Независимое иллюстрированное издание на русском и английском языках для предпринимателей, кооперативов, арендаторов, акционеров, руководителей и специалистов – всех, кого интересует бизнес. Делается в Москве, печатается в Париже, распространяется во всем мире. Реклама в журнале за валюту. Публикация объявлений в разделе «Афиша» – за рубли. Номеров в год. На английском Business in USSR* (Слово Кыргызстана. 1991. 26 июля. № 172. С. 4).

Реклама банковского сектора представлена в 1991 г. Один из крупнейших банков того времени в Кыргызстане – «Курулуш»-банк. *Курулуш-банк – банк, строящий ваше будущее: Сегодня – вклад, завтра – прибыль. «Курулуш» банк – член единой банковской ассоциации СССР. Уставной фонд – 15 млн. рублей. Кредитный оборот – 300 млн. рублей. Для всех юридических лиц, желающих выгодно поместить свой капитал, сообщаем: деньги, вложенные в Банк «Курулуш» это деньги, вложенные в строительство жилья, детских садов и плавательных*

бассейнов, больниц и магазинов, выпуск товаров народного потребления и благоустройство нашей республики, – деньги, которые вернутся к вам высокими процентами с доходов! Скажи мне, кто твой банкир, и я скажу, кто ты. «Курулуш» банк – гарантия успеха вашего дела! (Вечерний Бишкек. 1991. 3 апреля. № 65. С. 4). В представленной рекламе банка можно встретить много эхофраз, которые выделяются крупными буквами. Реклама размещена на формате А3 на весь разворот. На фотографии изображено дерево, на ветках которого размещены деньги. На страницах газеты «Слово Кыргызстана» также есть реклама данного банка, сообщающая об адресах филиалов: *Коммерческий банк. «Курулуш» – строитель вашего будущего: сегодня – вклад, а завтра – прибыль!* (Слово Кыргызстана. 1991. 13 августа. № 188. С. 4). Информация про филиалы в городе Пржевальске и Токмоке.

Стиль многих объявлений того периода оптимистический, часто можно встретить интересные лингвистические обороты и психологические трюки: *ВО «Киргизвнешторг» не ждет рынка – оно его формирует, делая уже сегодня ваши рубли свободно конвертируемыми. Вы можете стать обладателем современной множительной аппаратуры производство Япония. Оплата только в рублях, цены ниже рыночных, поставки – немедленно* (Вечерний Фрунзе. 1991. 4 февраля. № 24. С. 4).

Креативное объявление сети парикмахерских: *С такой прической настроение только праздничное! Сделать красивую стрижку. Предлагают мастера фирмы «Айсулуу»* (Вечерний Фрунзе. 1991. 18 февраля. № 34. С. 4). Называются адреса сети парикмахерских «Айсулуу». Слева объявления размещена фотография мужчины в галстук с модной прической. Или объявление: *Такую дыру на брюках незаметно залатать могут только в Ателье № 24. Кстати, там всего за три дня сошьют и новые! Ателье № 24! – в центральном Доме быта по Ленинскому проспекту, 150г.* (Вечерний Бишкек. 1991. 18 марта. № 52. С. 4). Объявление с пометкой – Фирма «Киргизия» АО «Кыргызрекламсервис»

Интересная форма подачи и у рекламы компании Аэрофлот Soviet airlines: *Ну что тебе сказать про Сахалин? На острове нормальная погода! И... никаких проблем с билетами на рейсы 4749 и 4751 по маршруту Бишкек – Южно-Сахалинск. Рады сообщить, что несмотря на «жаркое» отпускное время, всегда есть билеты и на рейс Бишкек – Ташкент* (Слово Кыргызстана. 1991. 24 июля. № 170. С. 4). Аэрофлот использует интересный рекламный жанр – дружеское общение со своей целевой аудиторией, используя обращения на «ты», а также применяя неожиданные лингвистические повороты, рекламируя при этом сразу несколько рейсов на разные направления, в данном случае Бишкек – Южно-Сахалинск и Бишкек – Ташкент.

В 1991 г. туристический сектор имел достаточно креативную рекламу, предлагая различные туристические маршруты: *Фрунзенское бюро путешествий и экскурсий «Турист». Туристско-экскурсионный комплекс «Пишпек». Приглашает*

в увлекательное путешествие поездом по маршруту Бишкек-Ташкент. Стоимость путевки – 94 рубля. За время путешествия по Ташкенту туристы знакомятся со столицей Узбекской ССР. Посетят метрополитен, Музей искусств и Музей Востока. В стоимость путевки входит проезд в оба конца, питание, проживание, экскурсионное обслуживание. Принимаются коллективные и индивидуальные заявки. Оплата перечислением или за наличный расчет (Вечерний Бишкек. 1991. 18 марта. № 52. С. 4). – Логотип с надписью «Турист», слева на логотипе размещено изображение горы.

Универсальная биржа «Кыргызстан» представляет свои брокерские конторы, которые размещаются в разных локациях города. Используется рекламный призыв: *«Господа брокеры», пресс-служба УБК предлагает вам свои услуги по рекламе вашей деятельности. АО «Кыргызрекламасервис». Кыргызская товарно-сырьевая биржа (с логотипом КТСБ) проводит аукцион по продаже незавершенных строительных объектов на базе которых можно построить все что угодно от детского сада до ресторана¹.*

Выводы. Таким образом, проведя исследование по теме печатной рекламе на русском языке в переходный период приобретения суверенитета 1991 г. в Кыргызстане можно сделать следующие выводы.

1991 г. – переходный год, когда Кыргызстан получил свой суверенитет и стал самостоятельно формировать рыночные отношения. Реклама как «зеркало эпохи» способна отражать тенденции, которые были свойственны 1991 г. В этот период стали появляться новые жанры и стандарты в рекламной сфере. В частности, появляется большая модульная реклама на всю страницу газеты и нестандартные модули, в которых размещалась информация рекламного характера.

Проанализированы рекламные жанры, которые представлены в 1991 г. в газетах «Вечерний Фрунзе», «Вечерний Бишкек», «Слово Кыргызстана». Отмечены организации, которые задавали определенные стандарты рекламы: фирма «Киргизия», рекламное агентство «Киргизкоопреклама», «Кыргызрекламасервис», Молодежный центр НТТ «ОРИЕНТИР».

В представленном исследовании было выявлено что «Интурист-Фрунзе» предоставляет различные услуги по сопровождению различных международных мероприятий. Консультационная фирма «Профессионал-менеджер» отличается своими броскими фразами в начале и в конце объявлений. Общество «Знание» предоставляет курсы по углубленному изучению английского языка, используя при этом серьезную подачу рекламной информации. После этапа перестройки в 1991 г. продолжают тенденции публикации рекламы профессионально-технических образовательных учреждений. Была обнаружена информация о подготовке к изданию информационно-рекламного справочника. Отличным от советской рекламы способом продвигается журнал «Деловые люди» – независимое иллюстрированное издание на русском и английском языках для предпринимателей,

¹ Слово Кыргызстана. В конце недели. 1991–1992. 17 августа. № 171 (18866). С. 14.

кооперативов, арендаторов, акционеров и т.д. Коммерческий банк «Курулуш» неоднократно встречается в рекламных разделах газет, при этом занимает большие рекламные площади изданий. Финансовая компания «Имфико» – первая в республике акционерная финансовая компания – в 1991 г. использует нестандартные формы подачи рекламной информации, используя различные модули с яркими и броскими иллюстрациями. Отличительную особенность имеют креативные объявления сети парикмахерских «Айсулуу», а также ателье № 5 и 24. Интересна подача рекламы компании «Аэрофлот Soviet airlines» и Фрунзенского бюро путешествий и экскурсий «Турист». ЦУМ «Айчурек» регулярно в 1991 г. публикует рекламу, используя при этом свой логотип и фирменную подачу. Также можно встретить и объявления индивидуальных предпринимателей, которые занимаются вопросами психологического консультирования.

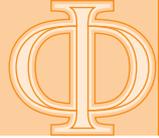
Для того чтобы всесторонне проанализировать влияние печатной рекламы на формирование рынка и влияние рынка на рекламный контент, можно продолжить исследование печатной рекламы в разные периоды. В частности, представляются важными время перестройки и гласности 1985–1991 гг. и периоды после обретения суверенитета Кыргызстаном: 1991–1995; 1995–2000 гг.

Список архивных источников

1. Вечерний Фрунзе. 1991. № 5, 9, 12, 14, 24, 26, 34.
2. Вечерний Бишкек. 1991. № 42, 47, 50, 51, 52, 53, 55, 59, 61, 63, 65, 80, 89, 103.
3. Слово Кыргызстана. 1991. № 152, 153, 154, 157, 158–159, 163, 170, 171, 172, 188, 193.

Библиографический список

1. Арчакова О.Б. Изучение становления Амурской рекламы на основе анализа газеты объявлений «Амурский коммерческий посредник» // Историческая наука и образование: историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее: IV Смирновские чтения. Благовещенск. С. 57–60.
2. Деева И.В. Особенности типологии русскоязычных СМИ в Кыргызстане: дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2009.
3. Какишов К.К. Особенности развития кыргызоязычных печатных СМИ в годы Независимости Кыргызстана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2019.
4. Мадibaева К.Д. Роль и место рекламы в печатных СМИ Таджикистана // Медиаисследования. Алтайский государственный университет. 2022. № 9. С. 254–262.
5. Прохорова Н.А. Социально-экономические условия развития рекламы Кыргызстана в 90-е гг. XX вв. // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16, № 4. С. 28–31.
6. Султанова Ж.О. Жанровое своеобразие газет Кыргызстана в первые годы переходного периода (на материалах прессы 1991–1992 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2014.

7. Султанова Ж.О. Характеристика жанров русскоязычной прессы Кыргызстана в начале переходного периода (1991–1992 гг.) // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13, № 9. С. 176–179.
8. Тарасова К.П. Развитие печатной рекламы как речевого жанра на материале российских газет XVIII–XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 225–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-225-230>
9. Усупов С.У. История кыргызской журналистики: учеб. пособие. Бишкек: БГУ, 2007. 176 с.
10. URL: <https://slovo.kg/> – сайт газеты «Слово Кыргызстана».
11. URL: <https://www.vb.kg/> – сайт газеты «Вечерний Бишкек»

Сведения об авторе

Зайнулин Рашид Шамильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Кыргызско-Российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина; e-mail: zaynulin_rashid@mail.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-28-40

THE SPECIFICS OF THE TEXTS OF PRINT ADVERTISING IN RUSSIAN IN KYRGYZSTAN AT THE BEGINNING OF THE POST-SOVIET PERIOD

R.Sh. Zainulin (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Abstract

Statement of the problem. The presented article analyzes the print advertising of the transition period of Kyrgyzstan's independence in 1991. The article uses archival materials from two of the most popular periodicals of the early post-Soviet period – *the Evening Frunze (Evening Bishkek* after February 5, 1991) and *The Word of Kyrgyzstan* newspapers.

The purpose of the article is to identify the active advertising genres of the specified period, to determine the direction of advertisements.

Research methods are comparative method and content analysis method. An overview of the research problems is given based on the analysis of articles by K.P. Tarasova, K.D. Madibaev, and O.B. Archakov.

The author comes to the *conclusion* that in 1991 new genres and formats of advertising material appeared in Kyrgyzstan. Advertising transparently reflects changes in the Kyrgyz market in 1991.

The author's contribution consists in the fact that the topic of the history and specifics of the texts of print advertising in 1991 was first studied on the basis of primary sources. The author not only collected archival material, but also showed examples of the main trends in the formation of genre specificity of texts of the emerging advertising market.

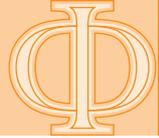
Keywords: *the history of advertising texts in Kyrgyzstan, print advertising, advertising genres, newspaper advertising texts, advertising authors, customer requirements for advertising texts.*

List of archival sources

1. Evening Frunze. 1991. No. 5, 9, 12, 14, 24, 26, 34.
2. Evening Bishkek. 1991. No. 42, 47, 50, 51, 52, 53, 55, 59, 61, 63, 65, 80, 89, 103.
3. The word of Kyrgyzstan. 1991. No. 152, 153, 154, 157, 158–159, 163, 170, 171, 172, 188, 193.

References

1. Archakova O.B. The study of the formation of Amur advertising based on the analysis of the newspaper ads “Amur commercial intermediary” // Historical science and education: historical science and education: past, present and future. IV Smirnov readings. Blagoveshchensk. P. 57–60.
2. Deeva I.V. Features of the typology of Russian-language media in Kyrgyzstan. Diss. for the degree of Candidate of Philological Sciences. Bishkek, 2009.
3. Kakishov K.K. Features of the development of Kyrgyz-language print media in the years of Independence of Kyrgyzstan Abstract diss. for the degree of Candidate of Philological Sciences. Dushanbe, 2019.

4. Madibayeva K.D. The role and place of advertising in the print media of Tajikistan // Media research. Altai State Medical University. Barnaul, 2022. No. 9. P. 254–262.
5. Prokhorova N.A. Socio-economic conditions for the development of advertising in Kyrgyzstan in the 90s of the XX century. Bulletin of the KRSU. 2016. Vol. 16, No. 4. P. 28–31.
6. Sultanova J.O. Genre originality of newspapers of Kyrgyzstan in the first years of the transition period (based on press materials 1991–1992). Diss. for the degree of Candidate of Phil. sciences. Bishkek, 2014. P. 7.
7. Sultanova Zh.O. Characteristics of the genres of the Russian–language press of Kyrgyzstan at the beginning of the transition period (1991–1992) // Bulletin of the KRSU. 2013. Vol. 13, No. 9. P. 176–179.
8. Tarasova K.P. The development of print advertising as a speech genre based on the material of Russian newspapers of the XVIII–XX centuries // Bulletin of Kemerovo State University. 2018. No. 2. P. 225–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-225-230>
9. Usupov S.U. History of Kyrgyz journalism: textbook. B. BSU. 2007. 176 p.
10. URL: <https://slovo.kg/> – Website of the newspaper “The Word of Kyrgyzstan”.
11. URL: <https://www.vb.kg/> – Website of the newspaper “Evening Bishkek”.

About the author

Zaynulin, Rashid Sh. – PhD (History), Associate Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (Bishkek, Kyrgyzstan); e-mail: zaynulin_rashid@mail.ru

УДК 801

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ «РАДОВАТЬСЯ» И «ВЕСЕЛИТЬСЯ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАНТИКИ

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются эмоциональные предикаты с семантикой радости и веселья (прежде всего духовного).

Цель статьи состоит в анализе предикатов с эмоциональной семантикой, показывающих внутреннюю жизнь правителя и его врагов, в древнерусских текстах о власти, прежде всего в «Повести временных лет», в текстах «Повестей Смутного времени» и др.

Авторами произведен *обзор научной литературы* по проблеме. Книжники выражают этическую оценку субъектов древнерусской власти, испытывающих определенные чувства и эмоциональные состояния. Выявлены контексты с лексемами радovati(ся) и веселити(ся), именных предикатов на базе корней *-рад-* и *-весел-*. Охарактеризованы типы синтаксических отношений предикатов эмоционального плана. В результате исследования получены выводы о способах выражения эмоционального наполнения духовного мира властвующих персон Древней Руси, о типах взаимодействия предикативных блоков внутри высказывания.

Авторский вклад в изучение проблемы представителей власти в текстах и в целом изучение потестарной области социального пространства Древней Руси оценивается через призму собственной методики анализа лексики потестарных текстов и их синтаксической структуры в сопряжении с семантикой описываемых образ персон.

Ключевые слова: *древнерусские тексты, семантика властного пространства, образ властителя, оценочные предикаты, конструкции на базе семантики радости и веселья.*

Постановка проблемы. Образы верховной власти являлись важнейшими с самого начала развития древнерусской письменной культуры. Книжникам необходимо было создать и в дальнейшем развивать правильные с точки зрения истинного христианина идеалы князя (и позднее – царя), при этом сохранявшие опору на языческие нормативные представления о князе. См. также, например, о сочетании языческих и христианских представлений о чести в формировании образа древнерусского князя в текстах XI–XII вв. в работе Л.А. Черной [Черная, 1991].

Идеал, конструируемый книжниками, должен быть принят теми социальными группами, на восприятие которых были рассчитаны тексты, не должен был вызывать у них резкое неприятие, поэтому во властной тематике можно наблюдать поиск общих, бесспорных для различных ценностных систем, оснований для оценивания персон, стоящих у власти, и, наоборот, персон-антагонистов,

представителей враждующих территорий или представителей внутренних оппозиционных группировок. Эмотивная семантика обладает способностью показать внутреннюю жизнь правителя и его врагов, тем самым дает возможность книжнику выразить эксплицитную этическую оценку субъектов, испытывающих определенные чувства и эмоциональные состояния.

Такой способ экспликации оценочной семантики можно наблюдать уже в Повести временных лет (далее – ПВЛ. – *Т.М., А.М.*), где формировались приемы описания правителей, и в последующих текстах, вплоть до середины XVII в., когда конструирование должных образов власти получило дальнейшее развитие.

Цель данной статьи – описать оценочные высказывания в древнерусских текстах потестарной семантики, включающие эмоциональные предикаты радости и веселья.

Обзор литературы. Эмотивная лексика давно привлекает интересы исследователей [Колесов, 2019; Калимуллина¹, 2006; Ларин, 1977; Шаховской, 1994].

Изучение концептов радости и веселья в русской культуре также имеет уже достаточно большую историю [Пеньковский, 1991, с. 148–154; Степанов, 1997; Дмитриева, 2015].

В.В. Колесов в своих работах, посвященных изучению парных русских выражений, обращал внимание на то, что пара «радость и веселье» имеет библейское происхождение, хотя, по мнению ученого, древнерусские книжники наполнили библейские формулы собственным содержанием [Колесов, 2019, с. 509–515].

О библейском влиянии на формирование концепта говорят и другие исследователи: «концепт “радость” включается в круг этических концептов: “любовь”, “милосердие”, “душа”, “спасение” и др.». «...радость возникает, во-первых, благодаря любви к тому, о ком человек радуется, кому помогает, о ком заботится с радостью; во-вторых, в связи с надеждой на спасение души для Небесного Царствия, так как исполняет христианские заповеди» [Дмитриева, 2015, с. 23].

Не ставя перед собой задачу изучения концептов радости и веселья в древнерусских текстах, авторы статьи опираются на достижения исследователей в этой области, поскольку эмоциональные предикаты *радоваться* и *веселиться*, используемые для построения оценочных высказываний, несомненно, связаны единым семантическим полем со всеми репрезентациями данных концептов. При этом эмоциональные предикаты, являясь ядром высказывания, имеют свои возможности для выражения различных смыслов, в том числе и оценочных. Об этом писали, например, И.Б. Барамыгина [Барамыгина, 2007], а также Е.М. Вольф [Вольф, 1988].

Глагол (и шире – предикат) содержит в своей семантике свернутую информацию о ситуации, то есть сведения о субъекте действия, объекте действия,

¹ Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронические аспекты (с привлечением материала славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 499 с.

адресате действия, отношениях между субъектами и объектами и другими участниками ситуации и т.п. Для русского языка это особенно очевидно, см. в работе К.С. Аксакова «О русских глаголах»: «Язык наш обратил внимание на внутреннюю сторону, или качество действия... Мир действия представляет иное начало, чем мир предмета... Действие есть сила внутренняя... здесь возникает личное, так сказать, психическое начало» [Аксаков, 1855, с. 15–16].

Результаты исследования

1. Оценочные высказывания с использованием библейской формулы «радоваться и веселиться».

В высказываниях с использованием этой формулы создается положительная оценочность очень большой интенсивности. Использование этого устойчивого сочетания является характерной чертой для древнерусских гимнографических текстов (например, в текстах Кирилла Туровского).

В текстах властной тематики эта формула необходима для создания или поддержания политического авторитета властвующего субъекта. Например, автор Вассиан Рыло создает высокий идеал русского князя (этот идеальный образ, как известно, в действительности не вполне соответствовал реальному лицу) через комплекс различных приемов, среди которых основным является использование парной формулы и дальнейшее ее распространение.

Радуюемь и веселимься, слышаще доблести твоя и крѣпость и твоего сына Богомъ данную ему побѣду, и великое мужество, и храбрость, и твоего брата, – государей наших, показавшимъ противу безбожныхъ агарянь [ПВУ, с. 537].

Еще один пример использования этой формулы в политических целях – это текст Иного сказания (памятник Смутного времени), в котором важно было подчеркнуть положительную оценку царствования Василия Шуйского, поскольку отношение к этому царю в разных текстах Смутного времени было неоднозначным.

*Егда же увѣдѣ великій государь царь и великий князь Василей Ивановичь всеа Русіи яко всѣ; государства и грады и земли великія Росіи хотяще стояти... и по немъ, государи своемъ противъ его измѣнниковъ хотяще всѣ умерети, || **возрадова же ся и возвеселися згло** и бысть надеженъ и наипаче противъ воровъ и измѣнниковъ своихъ дерзновенень* [ИС, стлб. 108].

Данная предикативная формула может трансформироваться в сочетание знаменательного глагола, выступающего в роли связки и имен существительных, – «исполниться радости и веселья». Такие трансформации были вполне обычными для древнерусского литературного языка [Пименова, 2013; Хоменко², 1990].

*Слышавъ же таковая, благовѣрный царь **радости и веселія исполнися**, вскорѣ повелѣваетъ превысочайшимъ сопрестольникомъ Божія церкви архіереемъ со всѣмъ благодарочетымъ клиросомъ и людми сотворити*

² Хоменко Н.М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII–XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 18 с.

веле боготщателное срѣтеніе святому съ великою церковною честію и со благочестіемъ внести въ царьское созданіе, идѣже восхоти Богъ прославити его чудесы... [ЖЦД, стлб. 893].

Формула «удивить и возвеселить». Это также устойчивое сочетание, имеющее библейские аллюзии. Видимо, не случайно автор, прославляя Дмитрия Донского, указывает на точку зрения Высших субъектов.

...и донынѣ похваляемъ есть и славимъ, не только отъ человекъ, но и отъ Бога. Ангелы удиви и человекы возвесели своим мужеством... [ПВУ, с. 528].

2. Оценочные высказывания с эмоциональным предикатом высшей благодатной радости и веселья.

Казалось бы, семантика рассматриваемых предикатов связана с описанием внутреннего мира человека – мира его чувств и эмоциональных состояний. В древнерусских агиографических текстах такие состояния представлены с самого начала их создания.

Но в текстах общественно-политической направленности, посвященных преимущественно описанию княжеской или царской власти, например в ПВЛ или Повестях Смутного времени (далее – ПСВ. – Т.М., А.М.), мы находим небольшое количество ситуаций, когда эмоциональный предикат описывает внутреннее состояние субъекта-властителя. Поэтому если такая ситуация находит отражение в текстах властной семантики, то часто это связано с созданием образа идеального христианского правителя.

«Радость, как благодать, обращенная к человеку, требует ответного дара... обычно в форме глагола, т.е. как действие» [Колесов, 2019, с. 510].

Образ княгини Ольги, первой статусной христианки Руси, был идеологически важен для летописца, поэтому в тексте говорится о познании Бога, что и приводит ее к состоянию благодатной радости. Репрезентация семантики состояния осуществляется в форме глагола 1-го лица в прямой речи княгини, что помогает автору показать внутренний мир персонажа. Напомним, что в тексте существует оппозиция: ‘христианский правитель’ (Ольга) / ‘языческий правитель’ (Святослав). Разговор между ними показывает недоступность состояния высшей радости для Святослава, если он не выполнит условие матери.

Якоже бо Ольга часто глаголаше: «Азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся, аще ты познаеши и радоватися почнешь» [Лавр., л. 18 об.].

Как уже отмечалось, значение благодатной радости реализуется в житийных текстах, но похвала Ольге, как известно, включает в себя агиографические и гимнографические элементы, в которых используются предикаты *радоваться* и *веселиться* в этом значении.

В дальнейшем в текстах потестарной тематики появление предиката «высшей радости» можно наблюдать в посланиях царю в ситуациях, когда необходимо ободрить и вдохновить правителя на совершение важного поступка, как правило, направленного на защиту страны. Автор «Послания на Угру» говорит о небесной радости, о которой земной человек может только догадываться.

Аще ли убо ты, о крѣпкый, храбрый царю, и еже о тебѣ христоролюбивое воинство до крове и до смерти постражут за православную христову вѣру и за Божиа церкви... восприимут от Вседержителя Бога вѣнца нетлѣнны и радость неизреченную, ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не взиде... [ПВУ, с. 530].

Ситуация «небесного» веселья встречается в текстах гораздо реже. Эта ситуация востребована для выражения каритивной (лишительной) семантики. В приведенном ниже примере автор показывает, что, став посланником к «злочестивому» польскому королю, субъект лишил себя вечного небесного веселья:

И ради мимошедшїя суетныя сія славы улишиши себя будущаго превѣчнаго живота и бесконечнаго веселїя, и устроиши себе посланниками къ злочестивому королю, аки отъ царствующаго града, просити на великую Россїю державствовати сына королева [ППРМГ, стлб. 229].

3. Оценочные высказывания со статичными предикатами (именным предикатом «рад» и бытийной связкой либо предикатом «радоваться») в социально значимых ситуациях.

В текстах это довольно частый способ репрезентации эмоции радости. Эмоциональный предикат не столько передает состояние субъекта, сколько объясняет социально-общественные ситуации, важные для автора и адресата. В данных типах высказываний субъектом может быть правитель (князь, дружинник, царь, благой советник) либо, напротив, их антагонисты, враги личные и государственные. Оценочные смыслы встраиваются в анализируемый тип высказывания в зависимости от общей (текстовой) оценки субъекта чувства и от имплицитной оценки ситуаций, которые следуют или предшествуют описанию радости.

3.1. Эмоциональный предикат предшествует ситуации, выражающей желание (намерение) субъекта.

Казалось бы, такие высказывания описывают внутренний мир субъекта, но поскольку это властный субъект, то это способ изобразить внешнюю общественно значимую ситуацию с помощью описания внутреннего мира властителя. Кроме того, семантическая структура предикатов намерения, хотя и связана с отображением психической деятельности человека, но, в отличие от предикатов *рад* и *радоваться*, являющихся стативами, согласно классификации Т.В. Булыгиной, отображают действия субъекта, психические процессы, которые предполагают определенную динамику поступков субъекта, направленных на внешний мир [Булыгина, 1982, с. 7–86]; см. также [Селиверстова, 1982, с. 139–146].

Сочетание высказываний с эмоциональным статическим предикатом с высказыванием, включающим в себя динамический предикат намерения, создает впечатление обусловленных отношений между этими высказываниями.

Игорь же призва слы гречьския, рече имъ: «Глаголите, что вы казаль царь?» И реша сли цареви: «Се посла ны царь, радъ есть миру, хоцетъ миръ имети со княземъ рускимъ и любьве» [Лавр., л. 14].

Общая положительная оценка, создаваемая в данном контексте, строится на имплицитном фоновом знании о правильности установления мира с русским князем.

Высказывание с отрицательной оценкой.

*...и велми радъ бысть въ сердца своемъ, и нѣкоея ради вины еще не до конца его видитъ въ рукахъ своихъ; тако же и онъ, окоянный король, – ни ему искони дано отъ Бога и паки ни достояніе, ни отечество – а **хочеть сіе великое наше государство взяти...** и владети имъ... [НППРЦ, стлб. 193].*

3.2. Эмоциональный предикат предшествует ситуации, выраженной акциональными предикатами.

*Изяслав же радъ бысть крестному целованью, приеха къ стрыема в Пересопницу, и седшим имъ на едином месте, и уладишася, где что свое познавшие лицом имати. **Изяславъ же поклоняся стрыема и еха Володимерю.*** [Лавр., л. 108 об.].

Общая положительная оценка в данном высказывании конструируется посредством выражения радости князя и описания ряда действий, выводящих князей из конфликта (**уладишася**).

Пример отрицательной оценки в подобном типе высказываний см. ниже:

*И отъ той прелести **радъ бысть** злыми лукавый сластолюбець Борисъ, и **одаривъ** ту лукавую окоянную бабу великими дарами, и **воздалъ ей великую честь...*** [СЦФИ, стлб. 761].

3.3. Эмоциональный предикат предшествует прогностической ситуации.

Такой тип высказывания использует условную синтаксическую конструкцию с прогностическим модусом. О возможности определенным образом квалифицировать действительность с помощью обусловленных конструкций см. работы [Ляпон, 1986; Евтюхин, 1997].

В высказывании говорится о (не)желаемом с опорой на потенциальные возможности развития ситуации. Например:

*Аще бо **възмете рать межю собою погани имуть радоватися и возмутъ землю нашу,** юже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрствомъ, побарающа по Русьскей земли, ины земли приискываху, а **вы хочете погубити** землю Руськую [Лавр., л. 88 об.].*

3.4. Эмоциональный предикат следует за ситуацией восприятия.

Во многих высказываниях такого типа чувство радости, возникающее у властного субъекта, есть результат увиденного или услышанного. Положительная или отрицательная оценочность зависит от этического статуса субъекта восприятия и от того, чему радуется субъект.

*Сий бо благоверный князь Всеволодъ... **Бе же и самъ въздержася от пья[н]ства и от похоти, темъ любимъ бе отцемъ своимъ, яко глаголат отцю к нему: «Сыну мой! Благо тебе, яко слышю о тебе кротость и радуюся, яко ты покоиши старость мою...»*** [Лавр., л. 72].

Сравним высказывание, построенное по тому же принципу, но с отрицательной оценочностью.

И во градъ внидоша вкупъ съ Петрушею воромъ къ Болотникову, и другъ друга сотонины угодники узръвшие, и возрадовашася радостію [ИС, стлб. 112].

Надо отметить, что такой тип высказывания не всегда имеет какую-либо оценочность, он может иметь лишь дескриптивное значение и использоваться для описания социально значимых ситуаций.

Глебъ же, слышавъ, радъ бысть, оже на него честь вскладываютъ, а шюрину его хотятъ. И, утвердивъшеся хрестънымъ целованьемъ и святою Богородицею, послаша по нею, рекуще: «Отець ваю добръ былъ, коли княжилъ у нас, а поедита к нам княжитъ, а инех не хотимъ...» [Лавр., л. 125 об–126].

Итак, отрицательный или положительный характер эмоции, а также своеобразие, интенсивность, длительность ее внешнего проявления обуславливались, с одной стороны, узуальной теологической оценкой, с другой – общественной значимостью внешней ситуации. **Поэтому древнерусские писатели в своих сочинениях отображали эмоциональную сферу человека как часть общественной жизни** [Буряков, 2022, с. 60].

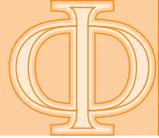
Выводы

Таким образом, рассмотрены следующие высказывания и ситуации: оценочные высказывания с использованием библейской формулы «радоваться и веселиться», оценочные высказывания с эмоциональным предикатом высшей благодатной радости и веселья, оценочные высказывания со статичными предикатами в социально значимых ситуациях; предшествование эмоциональных предикатов описаниям ситуаций, выражающих желания/намерения субъекта, предшествование эмоциональных предикатов описаниям ситуаций, выраженных акциональными предикатами, предшествование эмоциональных предикатов описаниям прогностических ситуаций.

Можем констатировать долженствующую (предписывающую) модальность повествования, включающего эмоциональные предикаты, сосредоточенность специфических лексем на основе корневых формантов *-ад-* и *-весел-* в области высших проявлений персоны, облеченной властью. В дальнейшем предполагается рассмотрение и других лексем, характеризующих эмоциональность властных персон Древней Руси, в частности предикатов на базе корня *-див-* (например, *удивляти ся, дивити ся*) и под.

Библиографический список

1. Аксаков К.С. О русских глаголах. М., 1855. 254 с.
2. Барамыгина И.Б. Семантика и синтаксис предикатов состояния, отношения и оценки. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2007. 251 с.
3. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–86.

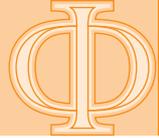
4. Буряков М.А. Генезис эмотивного предиката и семантика соответствующих названий эмоций в диахронии (на материале русского языка X–XIX вв.). Тамбов: Юконф, 2022. 266 с.
5. Вольф Е.М. Оценка и норма в модальных структурах // Риторика и синтаксические структуры. Красноярск, 1988. С. 52–56.
6. Дмитриева Н.М. Этическая нагрузка концепта «радость» в церковнославянском и древнерусском языках // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 4. С. 23–30.
7. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 198 с.
8. ЖЦД – Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 877–898.
9. ИС – Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 1–144.
10. Колесов В.В. Мир человека средневековой Руси. М.: Академический проект, 2019. 659 с.
11. Лавр. – Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2012 / Интернет-портал Президентской библиотеки. Оригинал рукописной книги из фонда Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург: Лаврентьевская летопись. 1377 г. 173 л. Шифр: Ф.п. IV. 2. URL: <https://www.prlib.ru/item/342021> (дата обращения: 05.09.2024).
12. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. 224 с.
13. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текста. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 386 с.
14. НППРЦ – Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 187–218.
15. ПВУ – Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 523–525.
16. Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 148–154.
17. Пименова М.В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. С. 439–449.

18. ППРМГ – Плач о пленении и разорении Московского государства // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 219–234.
19. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–158.
20. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 491 с.
21. СЦФИ – Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 755–836.
22. Черная Л.А. ‘Честь’: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. М.: Наука, 1991. С. 56–84.
23. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20–25.

Сведения об авторах

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-41-52

EMOTIONAL PREDICATES ‘REJOICE’ AND ‘HAVE FUN’ IN ANCIENT RUSSIAN TEXTS OF POTESTAR SEMANTICS

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines emotional predicates with the semantics of joy and fun (primarily spiritual one).

The purpose of the article is to analyze predicates with emotional semantics showing the inner life of the ruler and his enemies in ancient Russian texts about power, primarily in *the Tale of Bygone Years*, in the texts of *Tales of the Time of Troubles*, etc.

The authors have reviewed *the scientific literature* on the problem. Scribes express an ethical assessment of subjects of ancient Russian power who experience certain feelings and emotional states. The contexts with the lexemes *radovati (sya)* and *veseliti (sya)*, nominal predicates based on the roots ‘-rad-’ and ‘-vesel-’ are revealed. The types of syntactic relations of predicates of the emotional plane are characterized.

As a result of the research, *conclusions* were drawn about the ways of expressing the emotional content of the spiritual world of the ruling persons of Ancient Russia, about the types of interaction of predicative blocks within the utterance.

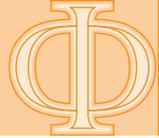
The authors’ contribution to the study of the problem of representation of government representatives in texts and, in general, the study of the potestiar area of the social space of Ancient Russia is evaluated through the prism of their own methodology for analyzing the vocabulary of potestiar texts and their syntactic structure in conjunction with the semantics of the described personages.

Keywords: *ancient Russian texts, semantics of the power space, the image of the ruler, evaluative predicates, constructions based on the semantics of joy and fun.*

References

1. Aksakov K.S. On Russian verbs. Moscow, 1855. 254 p.
2. Baramygina I. B. Semantics and syntax of predicates of state, relations and evaluation. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk University, 2007. 251 p.
3. Bulygina T.V. Towards the construction of the typology of predicates in the Russian language // Semantic types of predicates. Moscow: Nauka, 1982. P. 7–86.
4. Buryakov M.A. The genesis of the emotive predicate and the semantics of the corresponding names of emotions in diachrony (based on the material of the Russian language of the X–XIX centuries). Tambov: Yukonf, 2022. 266 p.
5. Wolf E.M. Evaluation and norm in modal structures // Rhetoric and syntactic structures. Krasnoyarsk, 1988. P. 52–56.
6. Dmitrieva N.M. The ethical burden of the concept of “joy” in Church Slavonic and Old Russian languages // Bulletin of the RUDN, series Russian and foreign languages and methods of teaching them. 2015. No. 4. P. 23–30.

7. Evtyukhin V.B. The category of conditionality in modern Russian and questions of the theory of syntactic categories. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1997. 198 p.
8. ZhD – The Life of Tsarevich Dimitri Ioannovich, included in the Mines of German Tulupov // Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 877–898.
9. IS – The so-called Other legend // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodova, 1891. Stlb. 1–144.
10. Kolesov V.V. The human world of medieval Russia. Moscow: Academic project, 2019. 659 p.
11. Lavr. – Laurentian Chronicle: [digital copy]. Electronic text data. (St. Petersburg: Russian National Library, 2012). Access mode: the Internet portal of the Presidential Library. The original handwritten book from the collection of the Russian National Library, St. Petersburg: Laurentian Chronicle. 1377, 173 l. Cipher: F.P.IV.2. <https://www.prilib.ru/item/342021> (access date: 05.09.2024).
12. Larin B.A. History of the Russian language and general linguistics (Selected works). Moscow: Prosveshchenie, 1977. 224 p.
13. Lyapon M.V. Semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intertextual relations. Moscow: Nauka, 1986. 386 p.
14. NPPRC – A new story about the glorious Russian Kingdom and the great state of Moscow // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodova, 1891. Stlb. 187–218.
15. PVU – Message to the Ugra by Vassian Rylo // Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XV century. Moscow: Fiction, 1982. P. 523–525.
16. Penkovsky A.B. Joy and pleasure in the presentation of the Russian language // Logical analysis of language: Cultural concepts. Moscow: Nauka, 1991. P. 148–154.
17. Pimenova M.V. Stable lexico-semantic units and their fixation in historical dictionaries // Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. Russian Historical Library. Vol. 9. P. 439–449.
18. PPMG – The Lament of the captivity and ruin of the Moscow state // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodova, 1891. Stlb. 219–234.
19. Seliverstova O.N. The second version of the classification grid and the description of some predicate types of the Russian language // Semantic types of predicates. Moscow: Nauka, 1982. P. 86–158.
20. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience. Moscow: School of “Languages of Russian culture”, 1997. 491 p.

21. Russian Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 755–836.
22. Chernaya L.A. ‘Honor’: ideas about honor and dishonor in Russian literature of the XI–XVII centuries // Old Russian literature: The image of society. Moscow: Nauka, 1991. P. 56–84.
23. Shakhovsky V.I. Types of meanings of emotive vocabulary // Questions of linguistics. 1994. No. 1. P. 20–25.

About the authors

Mikhaylova, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, the Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru

Mikhaylov, Alexey V. – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-53-69

УДК 821.161.1

БЕДНЫЙ ПЛУТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТОТИПА И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ В ПОВЕСТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «ПОХОЖДЕНИЯ ШИПОВА»

М.А. Александрова (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Повесть Окуджавы, недооцененная первым поколением интерпретаторов и заново открытая современным литературоведением, представляет особый исследовательский интерес как парадоксальное заострение вопроса о милосердии к падшему.

Цель статьи – осмыслить соотношение образа Шипова с историческим прототипом и со значимым для автора литературным типом «маленького человека», чтобы на этом основании охарактеризовать своеобразие статуса персонажа в художественном мире Окуджавы.

Обзор научной литературы по проблеме. Возможность анализа образа в избранном ракурсе подготовлена работами Е. Клепиковой, А. Цуркан, М. Назаренко, С.С. Бойко, а также отдельными тезисами Ю.М. Лотмана.

Методология. Используются описательный и герменевтический методы, сравнительный анализ.

Результаты исследования. В статье показано, что Окуджава, построивший фабулу повести на реальных фактах жандармского «дела Толстого», отказался от целого ряда черт прототипа заглавного персонажа. Это обусловлено следующими аспектами художественно-философской концепции повести: 1) символизацией маргинальной фигуры; 2) возведением мытарств плута в ранг универсальных человеческих проблем; 3) прозрением «братской» связи между антиподами – великим человеком и ничтожнейшим из ничтожных. Воссоздавая фантазмагорию политической слежки за Львом Толстым, Окуджава переносит внимание с вредоносной функции секретного агента на его собственную уязвимость перед государством. Психология социальной ущербности, свойственная прототипу, преобразуется в тоску «маленького человека» по прочности бытия.

Выводы. Императив милосердия обусловил переосмысление прототипа Шипова. Потенциал метафорического расширения, заключенный в понятии «маленький человек», дает ключ к художественной антропологии Окуджавы.

Ключевые слова: Булат Окуджава, гротеск, фантазмагория, прототип, исторический документ, «дело Толстого», трикстер, «маленький человек», художественная антропология.

Постановка проблемы. Повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль», озаглавленная в журнальной публикации «Мерси, или Похождение Шипова» (1971), для первого поколения интерпретаторов оказалась текстом трудным. Настоящим камнем преткновения стал заглавный персонаж, прототипом которого послужил участник политической слежки за Львом Толстым. Хотя историки давно изучили парадоксы «дела Толстого» (1862) и роль в событиях реального Шипова, появление секретного агента на страницах повести

трактовалось как авторская «неразборчивость в выборе средств, героев и ситуаций» [Меженков, 1972, с. 197]. В глазах процитированного критика вину Окуджавы усугубляло «подражание» сомнительному образцу – роману «Мастер и Маргарита»; то был голос «собрата Латунского», глубоко травмированного недавней публикацией великой книги [Бойко, 2013, с. 193]. Но ценитель булгаковского шедевра [Золотусский, 1976, с. 45–57] и песенной лирики Окуджавы [Там же, с. 60] тоже негодовал, отказываясь понять, ради чего выстроен сложный художественный мир с Шиповым в центре: «Ради того, чтобы доказать нам, что царская охранка занималась липовыми делами? <...> И что вообще все эти полицейские и агенты – “слуги дьявола”? Господи, какая провинциальная мысль!» [Там же, с. 60]; «И ради нее <...> пародируется документалистика, пародируется фантастика и “мистика”», а в итоге Шипов, «прямо как у Булгакова, превращается не то в черта, не то в ангела, взлетающего на небеса под крики изумленной охраны (собирающейся везти его на каторгу) и в назидание одураченной им полиции. Очень смело!» [Там же, с. 61]. Неприемлемо для И.П. Золотусского само присутствие Шипова и прочих эксцентричных фигур «вблизи Толстого» [Там же, с. 62], в общем художественном пространстве.

Другие литературные критики оправдывали выбор Шипова в качестве фигуры сугубо служебной. Изобразив Толстого не напрямую, а в системе кривых зеркал – корыстных вымыслов секретных агентов и фантастических жандармско-полицейских умозаключений, Окуджава показал, что «сам факт и характер существования этого человека <молодого Толстого> выводят из равновесия политическую жизнь империи» [Гордин, 1975, с. 204]. Сыщик, запутавшийся в своих жалких играх с начальством, доводит до абсурда бесплодную работу государственной машины, которая заведомо не властна над олицетворенной в Толстом истинной жизнью [Оскоцкий, 1980, с. 191–193]. Такой подход продуктивен до известного предела, поскольку ни Я.А. Гордин, ни В.Д. Оскоцкий не учитывают поэтику заглавного образа. На артистическое удовольствие, художническое «гурманство», с которым Шипов нарисован, своевременно обратила внимание только Е. Клепикова [1976, с. 35–37].

Когда настало время осмысления общих закономерностей творчества Окуджавы, повесть была заслонена романной трилогией «Бедный Авросимов» – «Путешествие дилетантов» – «Свидание с Бонапартом». Г.А. Белая в окуджавской главе монографии «Литература в зеркале критики» (1986), переработанной затем в предисловие к двухтомнику прозы поэта (1989), упоминает «Похождения...» бегло; связь с историческими романами, чье действие «концентрируется вокруг крайне серьезных событий, связанных с восстанием декабристов» [Белая, 1986, с. 207], установлена через образ Льва Толстого – личности, живущей (подобно всем любимым героям Окуджавы) «по самым высшим законам»¹ [Там же, с. 217]. Шипов здесь даже не назван – хотя бы ради сравнения с «маленьким человеком»,

¹ Г.А. Белая использует формулу из рассказа Окуджавы «Промоксис» (1965).

причастным к судьбе Пестеля; эта параллель, актуальная для текущей литературной критики [Клепикова, 1976, с. 36; Хотимский, 1979, с. 497; Оскоцкий, 1980, с. 191], на этапе обобщений показалась, видимо, частностью.

Суммируем факторы, затруднившие адекватное истолкование повести в 1970–1980-е гг. 1. В ситуации «булгаковского бума» любая фантазмагория ассоциировалась с «Мастером и Маргаритой», что налагало печать вторичности на самобытные тексты («смешны попытки подражать Булгакову <...>, попытки писать в фантазмагорическом духе, чередуя реальную жизнь с чертовщиной» [Золотусский, 1976, с. 57]). 2. За полтора десятилетия литературной известности Окуджавы сформировалась инерция ожиданий: создатель *московского муравья, бумажного солдата, бедного Авросимова*, живущих, вопреки своей «малости», *по самым высшим законам*, в «Похождениях Шипова» словно бы уклонился от магистрального пути, лишив читателей привычных ориентиров. Растерянность перед «странным» текстом сквозит и в первых постсоветских библиографических статьях об Окуджаве, где опыты исторической прозы представлены «декабристской» трилогией, а «водевильная» повесть скрыта за обозначением «и др.» [Кякшто, 1998, с. 136]. 3. Преимущественный интерес литературной критики к художественному познанию выдающихся личностей мешал признать, что ничтожная – особенно рядом с гением – фигура является «главным объектом изображения, а не более или менее замутненным магическим кристаллом, сквозь который видна эпоха» [Назаренко, 2008, с. 411].

Настоящее открытие «Пождений...» состоялось в последние годы. *Обзор современных исследований* выводит нас к постановке вопроса о статусе заглавного персонажа повести в художественном мире Окуджавы. А. Цуркан оспорила приписанное Окуджаве подражание булгаковской «чертовщине», проанализировав творческую рецепцию гоголевской «завуалированной фантастики», а также отметила трагедийный потенциал «водевильной» фигуры [Цуркан, 2004, с. 158–162]. М. Назаренко вместо привычного тезиса об исторической трилогии Окуджавы предложил концепцию тетралогии: «три трагедии объединены сквозным <историческим> сюжетом», тогда как в «Похождениях Шипова», выполняющих «функцию сатирической драмы», коллизия отношений человека с высшими силами (роком, историей, государством) разработана «в ином, комическом регистре» [Назаренко, 2008, с. 407]. «Похождениям Шипова» посвящен целый ряд статей С.С. Бойко, положенных в основу соответствующих глав монографии «Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века». Выявив документальные источники фабулы «Пождений...» и подробно рассмотрев гротескный характер реальных обстоятельств, исследовательница сделала важные для дальнейшего осмысления повести акценты. Во-первых, она подчеркнула большую – сравнительно с *бедным Авросимовым* – сложность образа Шипова [Бойко, 2013, с. 198]; во-вторых, отметила [Там же, с. 199], что спровоцированное плутней филера жандармское усердие уже сравнивал с *водевилем и фарсом*

историк, дополнивший и обобщивший разыскания о яснополянском обыске: «<...> первое крупное дело о Толстом <...> зрело, разрослось до размеров чуть ли не выдающегося государственного преступления и вдруг лопнуло мыльным пузырем, обнаружив *водевильную глупость* генералов охранителей, увенчанную бесчестным, полуграмотным, пьяным сыщиком “для карманных воришек” Михаилом Ивановичем Шиповым. Совершенно исключительной ролью Шипова в деле о яснополянском обыске объясняется то внимание, которое нам пришлось уделить этой темной личности», «не только колоритной, но и *загадочно-интересной*»² [Ильинский 1932, с. 375].

Специального обсуждения требует оценка заглавного персонажа «Похождений...» Ю.М. Лотманом. В статье «О Хлестакове» (1988) он упомянул окуджавского Шипова как пример убедительного воплощения «психологии социальной ущербности» [Лотман, 1997, с. 680]; именно в ней исследователь видел общую основу поведения разнообразных авантюристов XIX в. – специфических плутов, веривших в собственные фантазии и заражавших этой верой сильных мира сего. Ранее, в 1972 г. (т.е. вскоре после журнальной публикации «Похождений...») Ю.М. Лотман передал Окуджаве через общую знакомую «Тезисы докладов IV Летней школы в Кяэрику» со своей статьей «О семиотике понятий “стыд” и “страх” в механизме культуры», сопроводив ее следующей надписью: «Прошу рассматривать эту статью как предисловие к еще не написанному письму о Ваших исторических повестях» [Сонкина, 2016, с. 101]. Состоялось ли такое письмо – неизвестно, но само намерение позволяет считать, что читательские впечатления о «Похождениях Шипова» повлияли на концепцию статьи «О Хлестакове».

Соотнеся два высказывания Ю.М. Лотмана, можно реконструировать его логику сближения Шипова (литературного персонажа, а не прототипа) со знаменитым Романом Медоксом, который долго водил за нос самого императора Николая Павловича, обещая раскрыть связи ссыльных декабристов с их тайными сообщниками в кругах высшей аристократии. Разжалованный из офицеров после нескольких дерзких преступлений, Медокс был хорошо образован, даже в тюрьме и нищенской жизни ссыльного сохранил некоторый светский лоск, что позволяло ему входить в доверие к высокопоставленным особам и поддерживать общение с сибирскими изгнанниками. Шипов – бывший дворовый человек, способный вообразить себя равным графу Толстому только в пьяных мечтах, а потому не смеющий даже приблизиться к объекту жандармской «разработки». Что же у них общего, почему «напрашивается сопоставление» [Лотман, 1997, с. 680]? Носитель психологии социальной ущербности – вне зависимости от ее конкретной почвы – практически не знает такого переживания, как *стыд*, будучи внутренне отчужден от обладателей развитого морального сознания: «Регулирование стыдом <...> показатель высшей организации» [Лотман, 2000, с. 665]. Униженный маргинал подвержен элементарному *страху*.

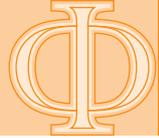
² Курсив здесь и далее наш. – М.А.

Временно блокировать регулятивную функцию страха может соблазн самоутверждения, потребность компенсировать собственную ущербность; тогда бесстыдный становится отважным, вдохновенным – и убедительным в своих самых фантастических измышлениях (как Медокс и Шипов). Оправданность предложенного Ю.М. Лотманом сравнения предстоит выяснить в ходе достижения конкретных *целей анализа*: необходимо уточнить соотношение образа Шипова с прототипом и со значимыми для писателя литературными моделями.

Результаты анализа текста базируются на следующих принципиально важных положениях. «Дворянин с арбатского двора» [Окуджава, 2001, с. 393] – поздний представитель «аристократической линии русской литературы» [Хазагерев, Хазагерова, 2005, с. 298–312]; сущность этой традиции – стоицизм, идея чести, неизменность критериев благородства вопреки переменам идеологической моды. Этос шестидесятнической (интеллигентской) «аристократии» был выработан в кругу достаточно узком; к нему применим лотмановский тезис о стыде как признаке высшей организации. В то же время Окуджава мыслит себя одним из многих, голосом большинства, выживающего то на войне, то в дни *тревожного перемирия* (как будет сказано в позднем его романе). Интеллигент признает своим двойником «маленького человека». Об универсальности самосознания *малых сих* писала Л.Я. Гинзбург: если для гуманиста прежних времен «маленький человек» являлся «предметом отчужденного сострадания», то в XX столетии он стал «выразителем всех – больших и малых, глупых и умных, умудренных и малограмотных», испытавших нищету, бездомность, полицейский запрет, повседневную смертную угрозу [Гинзбург, 1989, с. 285].

Именно тот, кто на собственном опыте познал человеческую уязвимость, призван быть милосердным: «Я чувствую себя последним богом, // единственным умеющим прощать» [Окуджава, 2001, с. 278]. Казалось бы, нельзя проникнуться состраданием к секретному агенту, измышляющему все новые подробности неблагонадежности поднадзорного лица. Однако в мире Окуджавы невозможное происходит.

Автор по-своему интерпретирует сведения о служебном положении Шипова-прототипа. Дореволюционные исследователи удивлялись, что следить за Толстым был приставлен уголовный филер низшего разряда. Позднее была выяснена связь агента с семьей шефа жандармов и главного начальника III отделения князя Долгорукова: на момент открытия «дела Толстого» Шипов значился бывшим дворовым человеком и временнообязанным Долгорукова-младшего; желая выделиться среди прочих исполнителей секретных поручений, он «не упускал случая пользоваться своим “высоким” званием» домашнего челядинца шефа жандармов, «спекулируя им везде, где было можно» [Ильинский, 1932, с. 381]. Эти колоритные черты прототипа в образе Шипова сведены к минимуму. Для Окуджавы более важен символический потенциал маргинальной фигуры, блуждающей по лабиринтам полицейского и жандармского ведомств.

Мотивам высшего начальника, избравшего Шипова для слежки за Толстым, писатель придал специфическую «семейную интимность»: шеф жандармов убежден, что наилучшее выполнение деликатного задания гарантировано личной преданностью сыщика благодетелю. Услужливость лукавого раба когда-то подкупила князя, и вот теперь владеющие им патриархальные иллюзии рожают химеры: новоназначенному секретному агенту приходится имитировать преданность, плуруя с таким размахом, какого в его прежней жизни не случилось. Кураторы сыскной операции испытывают шок при виде княжеского протезе: «Где вы раздобыли это чудовище? – спросил генерал»; «Почему охотник за жуликами должен соваться в жизнь графа Льва Николаевича? <...> Нет, я понимаю желание князя, но я в недоумении» [Окуджава, 1979, с. 299]. Им остается лишь предполагать известные шефу жандармов «особые, скрытые достоинства <...> агента» [Там же, с. 325], а самого агента регулярно пугать именем всесильного благодетеля. Так устанавливается сокровенная связь между государством и мелким филером. Возложенное на исполнителя бремя отнюдь не способствует мобилизации пресловутых «достоинств», которые в любом случае не удалось бы применить на практике: бессмысленно следить за Толстым, действующим прямо и открыто.

Поскольку «дело Толстого» рождено предубеждением высшей власти против странного тульского помещика (заводит школы для крестьянских детей, издает педагогический журнал, «к тому же и пишет, говорят» [Там же, с. 431]), активность плута главным образом поддерживает и лишь иногда ускоряет холостые обороты государственного механизма. Трепеща от смешанного чувства ослепительной удачи («такой взлет, который вчера и не приснился бы!» [Там же, с. 298]) и грозной опасности («Держись, Шипов!» [Там же, с. 299]), корыстный ловкач ступает на путь «маленького человека», обманщик становится жертвой тех, кто на него положился.

Покуда Шипов действует в пределах полицейского околотка, он уверен в себе, артистичен, витален (с одинаковой ловкостью дерется, ловит карманников, присваивая отобранные у них деньги, демонстрирует для собственного развлечения виртуозные лакейские приемы) и даже инфернален. Его сыскное чутье все признают непостижимым. Его зеленые глаза светятся в полутьме трактира; хозяину заведения чудится, что «над головой странного человека вспыхнуло и погасло сияние» [Там же, с. 285]; сами стихии ему подвластны:

Последняя лампа догорала в трактире.

Шипов шагнул к дверям. <...>

– Эх, – сказал хозяин, – куды ж вы в такую-то метель?

– А мы господу помолимся, – засмеялся Шипов и <...> вышел вон.

И метель тотчас же прекратилась.

– Свят-свят! – закрестился хозяин испуганно [Там же, с. 300].

Итак, охотник за мелкими жуликами – трикстерское пограничное существо, промысляющее под сенью официальной власти и в то же время независимо от нее. Но стоило Шипову приобщиться к делу «государственной важности», как он почувствовал себя мышкой в хищных лапах: «...Ах, вот и я мышка несчастная, <...> для вас кошка, а для них мышка-с...» [Там же, с. 294]; «Попалась, мышка!» [Там же, с. 343].

Загадочную силу Шипова словно бы перехватывает подручный – Амадей Гирос. Уже отмечалось, что младший в дуэте секретных агентов выполняет функцию беса-искусителя: безудержная ложь Гироса по поводу дружеских встреч с графом Толстым побуждает Шипова фальсифицировать донесения [Цуркан, 2004, с. 159]. Развивая и уточняя эти наблюдения, обратим внимание на нюансировку приемов изображения двух плутов. Первоначальная inferнальность Шипова выражена средствами «завуалированной фантастики», отчего странные ситуации могут получать двойное объяснение [Там же, с. 158–162]. Напротив, в структуре образа Гироса фантастический элемент получает определенность. Поначалу акцентирована лишь необыкновенная живучесть пройдохи, не получающего урона ни от мороза, ни от побоев. Затем выясняется, что он умеет надолго выпадать из реальности, причем сообщает об этом повествователь: «...Бежали дни. *Гирос все спал, <...> розовея, округляясь*» [Окуджава, 1979, с. 418]. Пробудившись после трехнедельного сна, Гирос безошибочно угадывает местонахождение Шипова, а тот прежде напрасно метался в поисках компаньона, повсюду встречая его подобия: «Господи, – испугался Шипов, – али меня нечистый водит?» [Там же, с. 335]. Жандармы, ищущие Гироса для ареста, тоже выходят на двойника, что удостоверяет здравомыслящий полковник Муратов [Там же, с. 434]. Пока Шипов пешком удирает от гнева начальства, Гирос разъезжает в погребальном катафалке под своим именем, но с чужим обликом: «В <...> гробу лежал старый человек <...> с розовыми щеками, словно разоспался» [Там же, с. 449]; тем самым предсказана реинкарнация мошенника в эпилоге. Комическая inferнальность неуязвимого Гироса оттеняет страдальческое положение Шипова, подверженно-го всем бедствиям мира сего. По старой памяти он может представить себя «в образе сатаны», соблазняющего «ангельскую» вдовушку («даже потянулся рукой к пяткам и нащупал копытца» [Там же, с. 386–387]), но это самоутешение делом не подтверждается: мнимый сатана заморожен ловкими трюками жандармского полковника, соперника в любви и в сыске.

Уступив Гиросу все демоническое, плут предстает гротескным воплощением *человеческого, слишком человеческого*: «Ваше высокоблагородие, человек свое всегда возьмет, а как же. <...> Это не воровство, не разбой, не грех, а природа. <...> Вы мне просто так отдать мое не хотите? Ладно, я вам, ваше высокоблагородие, письмо напишу по всей форме. Чтоб было вам приятно мне деньги отдавать...» [Там же, с. 355–356]; «Довожу до сведения Вашего Высокоблагородия, что многократные мои поездки в “Ясную Поляну” раскрыли мне глаза на тайные приготовления, которые ведутся в доме Его Сиятельства Графа

Льва Николаевича Толстого...» [Там же, с. 356–357]. Гомерические размеры вранья Шипова объясняются не дерзостью мошенника, которая была свойственна прототипу, а страхом лишиться единственного (после смены поприща) источника пропитания.

Стремление персонажа к сытости, теплу и прочим земным благам автор представляет как общечеловеческую жажду прочности бытия, поиск (выражаясь философским языком) «онтологической уверенности». Изначально Шипов способен страдать только от самих физических лишений; затем его накрывает тень «онтологического беспокойства»: «Что деньги делают с людьми! С ума сводят... А что безденежье? Еще хуже! *И не потому, что голодно, а потому, что страшно*» [Там же, с. 406]. По мере накопления таких эффектов Шипов все меньше походит на традиционных бессовестных авантюристов: ведь страх как регулятор поведения перестает связываться только с начальственным гневом. Растревоженный чем-то, что сам не мог бы назвать, плут лишается энергии, присущей его прототипу.

При первой возможности окуджавский Шипов укрывается в малом мире, повторяя заклинание: «Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте...». Оторванный начальственной волей от московского пристанища (милого его сердцу жилья покладистой Матрены), Шипов пробует приютиться на новом месте, в Туле, и под любыми предлогами откладывает поездку в Ясную Поляну. Окуджава возводит в символ неудачу единственной попытки секретного агента добраться до предписанной ему цели. Когда Шипов все же пускается в дорогу, им овладевает смятение: «...что-то уже на душе было не так, какая-то тяжесть успела ее коснуться, какой-то неведомый крик копился уже в ее глубине» [Там же, с. 348]. Предчувствие страшного подтверждается ночным разгулом бесов. Автор от души потешился, наслав на Шипова говорящих волков³, но персонажу не до смеха, и с этих пор никакая сила не может выманить его из наскоро обжитого мирка: «Надо бы съездить в Ясную, – *подумал Михаил Иванович, дрожа.* – Посмотреть, как там, чего...» [Там же, с. 410]; «Эх, – подумал он, – а ведь надо было в Ясную съездить, надо было» [Там же, с. 460]; «А надо было съездить в Ясную!» [Там же, с. 471]. В разработке этого мотива Окуджава отталкивался от фактов из «дела Толстого». Комментируя документы за подписью секретного агента, историк стремился выявить рациональное зерно фантазмагии: «<...> как бы ни были фантастичны доносы Шипова на яснополянскую усадьбу, *психологически невозможно допустить*, чтобы их писал человек, никогда не бывавший в Ясной Поляне» [Ильинский, 1932, с. 388]. Напротив, Окуджава вполне допускает такую возможность, но устраняет даже намек на самоуверенность лжеца. «Отчет» Шипова о поездках в «логово заговорщиков» вдохновлен желанием никогда больше не подвергаться дорожной опасности и убежденностью пострадавшего в своем праве взыскать с начальства повышенный гонорар. Искренность этого желания (*человек свое возьмет*) создает у адресата иллюзию особого рвения секретного агента.

³ Автокомментарий к этому приему см.: [Окуджава, 2008, с. 175].

Все сказанное позволяет вернуться к лотмановской параллели между Шиповым-персонажем и Медоксом, чтобы ограничить ее правомочность одним общим свойством: это «хлестаковский» полет фантазии, компенсирующий ничтожество лгуна. Другие проявления психологии социальной ущербности роднят зловещую фигуру Медокса только с реальным Шиповым – весьма энергичным провокатором, каким он проявил себя еще до слежки за Толстым [Ильинский, 1932, с. 380, 381]. Медокс пускался в письменные рассуждения, выдававшие его злобную зависть к жертвам провокаций [Лотман, 1997, с. 679]; Шипов-прототип, будучи малограмотен, не оставил подобных текстов, но ресентимент как психологический стимул служебной активности вполне вероятен. Иное дело – заглавный персонаж «Похождений...»⁴.

Формально линия его обманного поведения соответствует фактам «дела Толстого»: подобно своему прототипу, он выманивает у начальства деньги будто бы на устройство типографии, предназначенной заинтересовать и тем самым изобличить яснополянских «заговорщиков». Но если типичный провокатор воистину бесстыден, то Шипов до самой кульминации не ведает, что творит, а его представления о графе остаются «умиленно-сказочными» [Клепикова, 1976, с. 36]. Растерянно наблюдая обыск усадьбы Толстого, Шипов мысленно взывает к оскорбленной сестре хозяина: «Эх Марья Николаевна, <...> казните меня, голубушка! *Да кабы я знал!..*» [Окуджава, 1979, с. 478]; «Ваше сиятельство, Мария Николаевна, *в душу загляните мою!*» [Там же, с. 481].

Итак, вредоносные фантазии Шипова подогреваются не ресентиментом, а желанием подействовать на воображение суровых начальников, заставить их расщедриться. Свои социальные амбиции он утоляет только «благородными» удовольствиями в духе памятного домашнего обихода князей Долгоруковых: ублажает себя едой, вином, переодевается в щегольской костюм («натянул клетчатые панталоны цвета беж, <...> надел коричневый сюртук из альпага, обшитый по бортам коричневою же тесьмой, взбил бакенбарды, и ринулся к зеркалу, и застыл перед ним с бьющимся сердцем при виде чудесного красавца...» [Там же, с. 409]). Прodelав все это, Шипов забывает о необходимости писать лживые отчеты для получения новых сумм: «Чего мне там, в Ясной-то, надо? – попытался вспомнить Михаил Иванович. – Чего? – И тут же вспомнил: – Да граф же Лев Толстой, господи! <...> А чего Толстой-то, чего? Чего я ему?.. Чего я должен?..» [Там же, с. 411]. Воспарение над реальностью (усугубленное, впрочем, пьяным загулом) превращает заочные отношения сыщика с хозяином Ясной Поляны в тесную семейную связь: деньги, получаемые от начальства, оборачиваются доходами с поместья, которые граф делит с «братцем», то ли троюродным, то ли двоюродным [Там же, с. 414, 421]. Конфликт, не имеющий шансов на разрешение, снимается в этой плутовской утопии вполне гуманным образом.

По мере приближения финала окуджавский персонаж все дальше от прототипа. Рассказывая о том, как реальный Шипов лично предстал перед высшими

⁴ Ю.М. Лотман, вероятно, контаминировал окуджавского Шипова с историческим прототипом.

жандармскими и полицейскими чинами для восстановления доверия, историк констатирует: «Делает это Шипов <...> не без таланта. С каждым новым допросом плоды его фантазии все обильнее. Чувствуется, как постепенно он заинтриговывает допрашивающих, в конце концов овладевая вниманием своего начальства вплоть до самого шефа жандармов Долгорукова»; «Шипов своего добился. Он заставил себе поверить и на некоторое время вновь возродился из праха» [Ильинский, 1932, с. 395, 397]. От целой серии допросов, увенчавшихся торжеством мошенника, Окуджава оставляет один эпизод – добровольную явку Шипова к московскому частному приставу Шляхтину. Не имея мистификаторской стратегии, секретный агент поддерживает себя надеждой, что система в нем все еще нуждается. Начинает он с осторожной попытки припугнуть низшего начальника своим покровителем («Ваше благородие, я ить из Петербурга только что... Их сиятельство князь...») [Окуджава, 1979, с. 456]), но выдержать этой линии не может («У-у-у, – подумал Шипов с ужасом, <...> ежели князь не поленятся, они меня согнут!..») [Там же, с. 458]), обороняется, ловчит из последних сил («Ах, да уж разом бы все...») [Там же, с. 460]) и в итоге с облегчением отправляется под арест: «Теперь можно было никуда не бежать, *ни от кого не спасаться*» [Там же, с. 461]. История временной реабилитации плута изложена в переписке высокопоставленных лиц, которые оказываются единственной активной стороной этого процесса: «дело Толстого» зашло так далеко, обнаружение истины нанесет такой удар по репутации жандармского корпуса и министерства внутренних дел, что все усиленно оберегают свою веру в призрачный яснополянский заговор.

Реальный Шипов охотно променял арест на роль «легавой» при жандармской экспедиции в Ясную Поляну: «Он сам должен был настойчиво предлагать себя в спутники» [Ильинский, 1932, с. 399], готовясь на месте придумать очередную плутню. Напротив, персонаж, включенный в команду полковника Дурново для выполнения тех же функций, что и прототип, оказывается кроткой жертвой, влекомой на заклятие. Очутившись в мире Толстого, он преображается в последний раз: теперь это дитя человеческое, чьи провинности подлежат только высшему суду. Шипов буквально впадает в детство, прячась от своих мучителей («ринулся прочь из зала, скатился с лестницы и оказался на дворе. Не теряя времени, он забежал за ближайшие кусты и упал в прохладную траву» [Там же, с. 478]), и остается ребенком в эпизоде воображаемого разговора с Толстым:

Он лежал в траве. Над ним медленно проплывали розовые утренние облака.

Граф Лев Николаевич Толстой в серой дорожной рубаше сидел на траве рядом. <...>

– А я, ваше сиятельство, к вам бечь собрался, – сказал Шипов. – Дай, думаю, добегу, где граф кумыс пьет, расскажу, что да как... Я все рассуждаю, в ножки бы упасть, прощения у вас просить, да ведь вы не простите...

– Отчего же нет? – засмеялся граф и *погладил Михаила Ивановича по голове*. – Чудно мне, ей Богу. Разве ты виноват?

– Не, не виноват, – откликнулся Михаил Иванович с благодарностью. – Рази ж это вина? Вы меня, ваше сиятельство, хоть на вилы подденьте, а по-другому я не мог <...>.

– Конечно, конечно, – согласился граф.

– Ежели б я господину полковнику Шеншину не докладывал, что у вас тут типография, они бы мне денег не слали. А куда ж без них? За квартиру вдове этой дай, Гиросу, прощелыге, дай, Матрене послать надо? Надо. Опять же сюртук из альпага, выпить-закусить, того-сего-десятого...

Граф тяжело вздохнул и *провел по соломенному хохолку Шипова* [Там же, с. 478–479].

Жесты великодушного собеседника подтверждают «детский» статус Шипова. В атмосфере сыскного морока человечность Толстого истинно чудесна – как прощение свыше. Тем самым подготовлено «вознесение» комического мученика в эпилоге, смущавшее только невнимательных читателей.

Осужденный на каторжные работы Шипов узнает в конвойном офицере оплаканного им Гироса, но бессмертный черт, которому всегда найдется выгодная роль среди людей, отрекается от бывшего напарника:

– <...> Чтоб ты сгинул, проклятый мошенник!..

И тут же арестантская шинель медленно сползла с плеч преступника, и все увидели, что на нем *клетчатые панталоны цвета беж и сюртук из коричневого альпага*, обшитый по бортам коричневой же шелковой тесьмой.

Каторжник слегка пошевелил руками, переступил едва заметно, и цепи, словно устав под собственной тяжестью, легко соскользнули на землю.

<...>

– Вот теперь хорошо, – сказал преступник. – Мерси... – И сложа на груди руки, вытянувшись весь, застыл на мгновение и вдруг начал медленно подниматься в воздух, все выше, выше и полетел легко и свободно, не меняя торжественной позы, с едва заметной благостной улыбкой на устах, озаренный пламенем заката, все выше, выше, пока не превратился в маленькую красную точку и не исчез совсем в сумеречном небе [Там же, с. 492].

Чудесное прекращение мытарств Шипова окончательно проясняет функцию сквозной портретной детали. Коричневый сюртук и клетчатые панталоны – отсылка к джентльмену-приживальщику из кошмаров Ивана Карамазова и к булгаковскому «клетчатому»; настойчивость вариативного повторения «цитатных» элементов облика Шипова [Там же, с. 403, 409, 413, 414, 416, 419, 422, 428, 437, 449, 455, 472] поддразнивает, но не дезориентирует читателя – при должном доверии к тексту, разумеется: персонаж Окуджавы противопоставлен знаменитым литературным чертям, а вовсе не дублирует их (как это показалось И.П. Золотускому и другим *торопливым судьям*). Комический мученик, ставший таковым

в результате нескольких преобразований, контрастирует с собою прежним, с классическим трикстером в ореоле демонизма, каким он впервые вышел на сцену. Напоминание о «свернутых» ходах – жест творческого самоутверждения писателя. Фактура документально-исторического материала идеально подходила для создания трикстериады, в том числе в духе московских походов свиты Воланда, но Окуджава последовательно уклонялся от этой возможности ради освоения – и обновления – иной литературной модели.

Вскоре после книжной публикации «Похождений Шипова» (1975) Окуджава скажет в интервью журналисту «Литературной газеты»: «...А третью вещь <“Путешествие дилетантов”> пишу не о “маленьком” человеке, а о представителе русской аристократии, но, думаю, по сути они все одинаковы. Он тоже “маленький” человек» [Окуджава, 1976, с. 3]. Автокомментарий освещает творческую перспективу вплоть до «Свидания с Бонапартом», где метафора «малости» распространена на героев *века богатырей* [Александрова, 2021, с. 318–332].

В мире Окуджавы *бедный плут*, ничтожнейший среди *малых сих*, заведомо не способный жить *по самым высшим законам*, все же «брат по племени людей» для совестливых и рефлексирующих [Окуджава, 2001, с. 268]. Эта истина транслируется через самого Шипова, когда его вранье о графе Толстом становится бескорыстным, детским: «Родственники мы, – заявил Михаил Иванович, – *братья*» [Окуджава, 1979, с. 440]. «Водевильная» повесть оттеняет дальнейшее – трагическое – развитие темы человеческого братства⁵ и является этапом созревания идеи, сформулированной автором «Путешествия дилетантов»: все люди живут «посреди трагедий, притворяющихся водевилями» [Окуджава, 1980, с. 424].

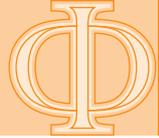
Выводы. Императив милосердия обусловил переосмысление исторического прототипа Шипова: личность презренная, хотя и «загадочно-интересная» (И. Ильинский), трансформируется в *бедного плута* (вариант «маленького человека»). Авторская этическая интенция реализуется в череде превращений Шипова, позволяющих ему искать защиты у самого Льва Толстого. Потенциал метафорического расширения, заключенный в понятии «маленький человек», дает ключ к художественной антропологии Окуджавы – единой основе всего его творчества.

Библиографический список

1. Александрова М.А. «Русская француженка» в романе Булата Окуджавы *Свидание с Бонапартом*: полемика с классиком // *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*. 2023. No. 104. P. 307–328. URL: https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2023.104.15

⁵ Так, в «Свидании с Бонапартом» многообразно актуализируется тезис «Войны и мира»: «Оба они в эту одну минуту смутно перечувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья» [Толстой 1940, с. 39]; см. об этом: [Александрова, 2021, с. 338–339; 2023, с. 307–328].

2. Александрова М.А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке»: монография. М.: Флинта, 2021. 592 с.
3. Белая Г.А. Литература в зеркале критики. Современные проблемы: монография. М.: Советский писатель, 1986. 368 с.
4. Бойко С.С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века: монография. М.: РГГУ, 2013. 602 с.
5. Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. Л.: Советский писатель, 1987. 400 с.
6. Гордин Я.А. Возможен ли роман о писателе? // Вопросы литературы. 1975. № 9. С. 190–210.
7. Золотусский И.П. Час выбора. М.: Современник, 1976. 319 с.
8. Ильинский И. Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г. По архивным и печатным материалам // Звенья. 1932. Кн. 1. С. 374–412.
9. Клепикова Е. Доказательство от обратного [Рец. на: Окуджава Б. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. М., 1975] // Литературное обозрение. 1976. № 4. С. 35–37.
10. Кякшто Н.Н. Окуджава Булат Шалвович // Русские писатели, XX век: биобиблиогр. слов.: в 2 ч. / под ред. Н.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. Ч. 2. С. 133–137.
11. Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 664–666.
12. Лотман Ю.М. О Хлестакове // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. С. 659–688.
13. Меженков Вл. Странная проза // Октябрь. 1972. № 7. С. 197–200.
14. Назаренко М. «Прогулки фрайеров»: историческая тетралогия Булата Окуджавы как целое (к постановке проблемы) // Голос надежды: Новое о Булате / сост. А.Е. Крылов. М.: Булат, 2008. Вып. 5. С. 401–424.
15. Окуджава Б. Далекое и близкое / Интервью вела И. Ришина // Литературная газета. 1976. 17 ноября. С. 3.
16. Окуджава Б. Двадцать писем другу. Письма к Л.А. Краваль 1960–1985 гг. / публ. и комм. А. Крылова // Голос надежды: Новое о Булате / сост. А.Е. Крылов. М.: Булат, 2008. Вып. 5. С. 162–183.
17. Окуджава Б. Избранная проза. М.: Известия, 1979. 510 с.
18. Окуджава Б. Путешествие дилетантов: из записок отставного поручика Амира-рана Амилахвари: роман. М.: Советский писатель, 1980. 543 с.
19. Окуджава Б. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с. (Новая библиотека поэта).
20. Оскоцкий В.Д. Роман и история (Традиции и новаторство советского исторического романа). М.: Художественная литература, 1980. 384 с.
21. Сонкина Ф.С. Юрий Лотман в моей жизни: Воспоминания. Дневники. Письма. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.

22. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 12. 431 с.
23. Хазагеров Г., Хазагерова С. Окуджава и аристократическая линия русской литературы // Голос надежды. Новое о Булате Окуджаве / сост. А.Е. Крылов. М.: Булат, 2005. Вып. 2. С. 298–312.
24. Хотимский Б. Поэт приходит в прозу // Окуджава Б. Избранная проза. М.: Известия, 1979. С. 493–505.
25. Цуркан А. Гоголевские традиции в повести Булата Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» // Булат Окуджава: его круг, его век: материалы Второй международной научной конференции, 30 ноября – 2 декабря 2001 г., Переделкино. М.: Соль, 2004. С. 158–162.

Сведения об авторе

Александрова Мария Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Фундаментальные и прикладные аспекты исследований культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; e-mail: nam-s-toboi@mail.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-53-69

POOR SCOUNDREL: TRANSFORMATION OF THE PROTOTYPE AND LITERARY MODELS UPDATING IN BULAT OKUDZHAVA'S STORY *THE ADVENTURES OF SHIPOV*

M.A. Aleksandrova (Nizhny Novgorod, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Okudzhava's story, underestimated by the first generation of interpreters and rediscovered by modern literary criticism, is remarkable for the research as a work that emphasizes the issue of mercy for the fallen.

The purpose of the article is to analyze the correlation between the image of Shipov and the historical prototype and the literary type of the "little man" that is significant for the author; the above mentioned basis lets the author of the article point out the unique status of the leading character of the story in the artistic world of Okudzhava.

Review of the scientific literature on the problem. The opportunity to analyze the image according to the chosen perspective has been prepared by the works of E. Klepikova, A. Tsurkan, M. Nazarenko, S. Boyko, Yu. Lotman.

Methodology. The descriptive and hermeneutic method, and comparative analysis are used.

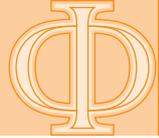
Research results. The author of the article shows that Okudzhava, who based the plot of the story on real facts related to Tolstoy, abandoned a number of features of the prototype of the leading character. This creative decision is due to the following principle: 1) symbolization of the marginalized person; 2) elevation of the tragedies of the scoundrel to the rank of universal human problems; 3) understanding of the deep "brotherly" bond between the antipodes – a great man and the one, who is the most insignificant. Recreating the phantasmagoria of the real circumstances of political surveillance of Leo Tolstoy, Okudzhava shifts attention from the harmful function of a secret agent to his own vulnerability from the state. The psychology of social inferiority inherent in the prototype is transformed into the little man's "longing" for haven in life.

Conclusions. The topic of mercy led to rethinking of the historical prototype of Shipov. The potential for expanding the concept of "little man" provides the key to Okudzhava's literary anthropology.

Keywords: *Bulat Okudzhava, grotesque, phantasmagoria, prototype, historical document, political surveillance of Leo Tolstoy, trickster, "little man", literary anthropology.*

References

1. Aleksandrova M. Bulat Okudzhava's creative work and the myth of the "golden age": monograph. Moscow: Publ. House "Flinta", 2021. 592 p.
2. Aleksandrova M. "Russian Frenchwoman" in Bulat Okudzhava's novel *Date with Bonaparte*: dispute with the classic writer // *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*. 2023. No. 104. P. 307–328. URL: https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2023.104.15
3. Belaya G. Literature in the mirror of criticism. Modern problems: Monograph. Moscow: Publ. House "Soviet writer", 1989. 368 p.

4. Boyko S. Bulat Okudzhava's creative work and the Russian literature of the second half of the 20th century. Moscow: Publ. House RGGU, 2013. 602 p.
5. Ginzburg L. Literature in search of reality. Leningrad: Publ. House "Soviet writer", 1987. 400 p.
6. Gordin Ya. Is it possible to create a novel about a writer? // Questions of Literature. 1975. No. 9. P. 190–210.
7. Ilinskiy I. Gendarmerie search in Yasnaya Polyana in 1862 // Almanac "Zven'ya". 1932. Book 1. P. 374–412.
8. Khazagerov G., Khazagerova S. Okudzhava and the aristocratic tradition of Russian literature // Voice of Hope. New about Bulat Okudzhava / Comp. by A.E. Krylov. Moscow: Publ. House "Bulat", 2005. Iss. 2. P. 298–312.
9. Khotimskiy B. The poet becomes a prose writer // Okudzhava B. Selected prose works. Moscow: Publ. House "Izvestiya", 1979. P. 493–505.
10. Klepikova E. Proof to the contrary // Literary Review. 1976. No. 4. P. 35–37.
11. Kyakshto N. Okudzhava Bulat Shalvovich // Russian writers, 20th century: Biobibliographical dictionary: in 2 parts / Ed. by N. Skatov. Moscow: Publ. House "Education", 1998. P. 2. P. 133–137.
12. Lotman Yu. About Khlestakov // Lotman Yu. About Russian literature. St. Petersburg: Publ. House "Iskusstvo-SPB", 1997. P. 659–688.
13. Lotman Yu. About the semiotics of the concepts of "shame" and "fear" in the mechanism of culture // Lotman Yu. Semiosphere. St. Petersburg: Publ. House "Iskusstvo-SPB", 2000. P. 664–666.
14. Mezhenkov Vl. Strange fiction // October. 1972. No. 7. P. 197–200.
15. Nazarenko M. "Progulki frajyerov": Bulat Okudzhava's historical tetralogy as a whole (to pose the problem) // Voice of Hope. New about Bulat Okudzhava / Comp. by A.E. Krylov. Moscow: Bulat, 2008. Iss. 5. P. 401–424.
16. Okudzhava B. Far and near: Interview // Literary newspaper. 1976, November 17. P. 3.
17. Okudzhava B. Selected prose works. Moscow: Publ. House "Izvestiya", 1979. 510 p.
18. Okudzhava B. The Journey of Dilettantes: Novel. Moscow: Publ. House "Soviet writer", 1980. 543 p.
19. Okudzhava B. Poems. St. Petersburg: Humanitarian Agency "Academic project", 2001. 712 p.
20. Okudzhava B. Twenty letters to a friend. Letters to L.A. Craval 1960–1985 // Voice of Hope. New about Bulat Okudzhava / Comp. by A.E. Krylov. Moscow: Bulat, 2008. Iss. 5. P. 162–183.
21. Oskotskiy V. Novel and history. Moscow: Publ. House "Fiction", 1980. 364 p.
22. Sonkina F. Yuriy Lotman in my life: Memoirs. Diaries. Letters. Moscow: Publ. House "New Literary Review", 2016. 416 p.
23. Tolstoy L. Complete Works: In 90 vol. Moscow: Publ. House "Fiction", 1940. Vol. 12. 431 p.

24. Tsurkan A. Gogol's Traditions in Bulat Okudzhava's Story "Adventures of Shipov, or Ancient Vaudeville" // Bulat Okudzhava: his circle, his century: Proceedings of the Second International Scientific Conference, November 30 – December 2, 2001, Peredelkino. Moscow: Publ. House "Sol", 2004. P. 158–162.
25. Zolotusskiy I. Hour of choice. Moscow: Publ. House "Contemporary", 1976. 319 p.

About the author

Aleksandrova, Maria A. – DSc (Philology), Leading Researcher, Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN) (Nizhny Novgorod, Russia);
e-mail: nam-s-toboi@mail.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-70-81

УДК 82.0 (092)

ПРОЦЕСС ПСИХИЧЕСКОГО ОМЕРТВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЖА В НОВЕЛЛЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «АВТОБИОГРАФИЯ ТРУПА»

А.А. Мансков (Барнаул, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье исследуется феномен болезни души в новелле С.Д. Кржижановского «Автобиография трупа». Название этой болезни – психоррея (истечение души). Оно является авторским неологизмом. Согласно логике текста, вирус психорреи смертельно опасен, так как приводит к полному психическому омертвлению. Все человечество заражено им. *Цель* исследования – найти предпосылки возникновения болезни, описываемой в новелле, выявить особенности ее протекания.

Методы исследования: структурно-семиотический, историко-типологический и интертекстуальный.

Результаты исследования. Причиной возникновения процесса омертвления души является отказ персонажа от Бога. Эта особенность объясняется посредством биографического кода писателя: сложное отношение Кржижановского к вере, поиски Бога, увлечение теософией и антропософией. Интерес автора «Сказок для вундеркиндов» к учению Р. Штейнера подтверждается не только фактами его биографии, но и научными штудиями.

Выводы. Попытки персонажа в новелле заменить Бога различными эзотерическими эрзацами не имеют успеха. Они усугубляют его душевное состояние. Вирус психорреи оказывается губительным для всех, кто вступает с ним в контакт. Результатом этого является самоубийство автора рукописи и осознание журналиста Штамма, что он тоже болен.

Ключевые слова: «минус»-пространство, болезнь, истечение души, Бог, вера, эзотерика, пустота, самоубийство, смерть.

Постановка проблемы. С.Д. Кржижановский (1880–1950) – прозаик-новеллист, один из ярких представителей литературного модернизма в России. Его художественное наследие представляет собой образец интеллектуальной прозы, ориентированной на читателя, обладающего богатым культурным контекстом (литература, философия, религия). По идеологическим причинам произведения Кржижановского не могли быть напечатаны при жизни писателя. Они впервые увидели свет спустя почти сорок лет после смерти их автора. Первая книга «Воспоминание о будущем» была напечатана в 1989 г. по инициативе В. Перельмутера. Это событие послужило началом последующих научных исследований, связанных с изучением прозы «прозванного гения».

Новелла «Автобиография трупа» (1925) входит в книгу прозы «Чем люди мертвы», написанную в московский период творчества Кржижановского. Уже в самом названии обнаруживается интертекстуальная отсылка к рассказу Л.Н. Толстого «Чем люди живы» (1881). Изначально книга новелл задумывалась

как возможность литературной полемики писателя с русским классиком, опровержения его религиозных максим. Кржижановский стремился продемонстрировать своему литературному предшественнику глубину экзистенциальных состояний, переживаемых им, значимость его духовных ориентиров¹.

Автор считал новеллу одним из самых значительных своих произведений². В ней он сумел показать широкий диапазон противоречий и переживаний человека, утратившего духовную опору в стремительно меняющемся мире (Первая мировая война, две революции). Предпосылкой для этого во многом стал известный постулат Ф. Ницше о смерти Бога. Это событие пошатнуло формировавшиеся столетиями мировоззренческие основы и явилось причиной кризиса морали и религии. Разочаровавшись в вере, многие мыслители искали ответы на философские вопросы в эзотерических учениях: теософия, антропософия и др. Стремление персонажа в новелле обрести истину является иллюстрацией обозначенной идеи Ницше.

Обзор литературы. Изучение новеллы началось с работы В.Н. Топорова «“Минус-пространство” Сигизмунда Кржижановского»³. По мнению исследователя, «(...) “Автобиография трупа” – одно из наиболее характерных произведений Кржижановского о “минус-пространстве”, о том, как омертвляется пространство жизни, и о том, как сама жизнь связана с пространством и зависит от него».

Под особым углом зрения (в контексте литературоведения и философии) исследуется новелла в диссертации В.В. Горошниковой «Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского». «В “Автобиографии трупа” воспроизведена экзистенциальная онтология Кржижановского, где черты бытия проступают через противостояние жизни и смерти. Эта борьба, начинающаяся в душе конкретного человека, вливается в бури социальных потрясений – войны и революции» [Горошников, 2005, с. 103].

Изучением антропологического кризиса на событийном, нарративном и рецептивном уровнях художественной структуры в новелле «Автобиография трупа» занимается С.П. Лавлинский [Лавлинский].

В диссертации И.В. Луниной «Художественный мир новелл С.Д. Кржижановского: человек, пространство, коммуникация» на материале новеллы рассматриваются женские персонажи в текстах писателя. Посредством исследования телесных характеристик исследователем воссоздается портрет персонажа (девочки, символизирующей собой жизнь) [Лунина, 2009].

¹ При сопоставлении текстов становится очевидным, что логические построения С.Д. Кржижановского в новелле уступают ясности известных религиозных максим Л.Н. Толстого, а высоты мысли при всей их интеллектуальной изоциренности свидетельствуют о тупиковых ветвях развития духа и психической патологии. Потеря персонажем веры в тексте является главной причиной утраты смысла жизни и приводит его к самоубийству.

² В комментариях к новелле Вадим Перельмутер пишет о Кржижановском следующее: *На журнальную публикацию «Автобиографии трупа» он возлагал примерно такие надежды, как на издание книги «Возвращения Мюнхгаузена»* [Кржижановский, 2001, с. 684].

³ Изучению новеллы посвящена пятая глава исследования В.Н. Топорова «“Минус-пространство” Сигизмунда Кржижановского».

Е.Г. Трубецкова занимается проблемами органов зрения в художественном мире Кржижановского. В своих работах она апеллирует к новелле «Автобиография трупа» [Трубецкова].

В.Н. Карпухина изучает прозу С.Д. Кржижановского на стыке литературоведения и лингвистики. В статье «Семиотика пространства в переводах текстов М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского на английский язык» [Карпухина, 2020, с. 218–230] исследуется новелла «Автобиография трупа». Обозначенной тематике посвящены статьи «“Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского и “плюс”-пространство Михаила Булгакова в переводах их текстов на английский язык» [Карпухина, 2016, с. 132–136], «Пространственные характеристики текстов М. Булгакова и С. Кржижановского и их переводов на английский язык» [Карпухина, 2016, с. 110–117].

Все это свидетельствует о научно-исследовательском интересе к новелле С.Д. Кржижановского «Автобиография трупа».

Актуальность статьи определяется впервые предпринимаемым целостным подходом к изучению процесса психического омертвления персонажа, вызванного вирусом психорреи (истечением души) в новелле «Автобиография трупа». До сих пор в российском и зарубежном литературоведении не рассматривались предпосылки возникновения этого явления, а само оно осмыслялось как сложившаяся данность.

Цель статьи – изучение болезни души, от которой страдает персонаж в новелле: выявление причин ее возникновения, рассмотрение особенностей протекания и последствий. Значимым является исследование рассматриваемого феномена в контексте мировоззренческих взглядов писателя: уход от веры, увлечение эзотерическими учениями⁴. Такой подход позволяет выйти на новый уровень в осмыслении художественного мира Кржижановского и понимания его авторского замысла. Анализ новеллы в свете христианских коннотаций определяется биографическим кодом писателя и внутренней логикой исследуемого текста.

Методологическую основу составили работы представителей отечественного и зарубежного литературоведения: тартуско-московской семиотической школы (Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Б.М. Гаспарова, В.Н. Топорова). В связи с исследованием интертекстуальности нами использовались труды М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, И.П. Смирнова.

⁴ Е.И. Воробьева первой начала исследовать творчество С.Д. Кржижановского в эзотерическом контексте. Она связывает увлечение писателя теософией и оккультизмом с его литературными взглядами: принадлежность к символистской парадигме. «В пору обучения в университете он вращается в кругах, близких теософии и оккультизму, чьи литературные устремления ориентированы на творчество символистов, поскольку оно сближается с целями теософии» [Воробьева, 2002, с. 70]. Исследователь Е.В. Ливская продолжает изучение тематики, инициированной Е.И. Воробьевой. «Ранее творчество писателя оказывается под влиянием эзотерических идей (что подтверждается тематикой, проблематикой, сюжетным построением, образной системой его ранних произведений)» [Ливская, 2021].

Методы исследования: структурно-семиотический, историко-типологический и интертекстуальный.

Результаты исследования. В новелле представлены две сюжетные линии: журналиста Штамма, приехавшего из провинции покорять Москву, поселившегося в комнате 24, и самоубийцы, жившего до этого момента в той же комнате. Основное действие новеллы является содержанием рукописи (автобиографии трупа), оставленной прежним жильцом комнаты Штамму. Рукопись, найденная в дверной петле, состоит из трех логически законченных частей: это три ночи, предшествующие самоубийству. Три ночи включают в себя несколько лет жизни таинственного Х: от юности (студенческая пора) до зрелости (Гражданская война, революция).

В рукописи изображается процесс психического омертвления человека. Уже в начале рукописи персонаж приходит к осознанию того, что для него утрачен смысл жизни. *С этого дня, помню, и начался период мертвых, пустых дней. Они и раньше приходили ко мне. И уходили. Сейчас же я знал: навсегда* [Кржижановский, 2001, с. 515]. Обратим внимание на словосочетание «период мертвых пустых дней». Это словосочетание очень точно передает характер категории «время» в художественном мире новеллы. Свое мироощущение будущий самоубийца транслирует на все, что окружает его, поэтому время приобретает новый темпоритм. Оно утрачивает свою жизненность и наполненность, конечные точки которых «*мерть*» и *молч*. Эта ситуация напоминает собой смерть поэзии в новелле Кржижановского «Бог умер», когда при внешней неизменности происходящего ощущается безысходность и неизбежность конца. (...) *ничто не шевельнулось: все было там, где было и так, как было. Но из всего – пустота: будто кто-то, коротким рывком выдернул из букв звуки, из лучей свет, оставив у глаз одни мертвые линейные обводы. Было все, как и раньше, и ничего уже не было* [Кржижановский, 2001, с. 258].

Как и в «Автобиографии трупа», в новелле «Бог умер» повторяются образы всепоглощающей пустоты и общего омертвления. При этом в обеих новеллах персонажи в силу различных причин являются самоубийцами и осознают то, что они не в состоянии изменить ход вещей. Подтверждение этому – повторяющееся высказывание персонажа *навсегда* в новелле «Автобиография трупа» и мысль поэта Ренье: (...) *поэзии нет. И не будет. Никогда* [Кржижановский, 2001, с. 258].

Взгляд персонажа на мир поражает своим пессимизмом и безысходностью. Классификация скук наглядно иллюстрирует состояние его души. *Много их, скук: есть вешняя скука, когда одинаковые любят одинаковых, земля в лужах, а деревья в зеленом прыще. А есть и череда нудных осенних скук, когда небо роняет звезды, тучи роняют дожди, деревья роняют листья, а «я» роняют себя самих* [Кржижановский, 2001, с. 515]. Атмосфера мучительной тоски усиливается далее в тексте. *Стекла были в дождевом брызге. Но и сквозь брызг было видно, как деревья в саду, под ударами ветра, мерно раскачиваются, точно люди, мучимые зубною болью* [Кржижановский, 2001, с. 515].

Оконные стекла с каплями дождя на них («дождевой брызг») семантически продолжают образ стекол пенсне с прилипшими к ним «пылинами» («осевшими

на стеклистых вгибах»). Здесь снова происходит уравнивание внешнего и внутреннего мира, их тождество. Сравнение деревьев с людьми, мучимыми зубной болью, показывает глубину переживаний персонажа. Он соотносит себя с деревом, которое видит из окна комнаты. *А иногда и я, как дерево, мучимое ветром, мерно раскачивался меж дубовых ручек кресла в ритм нудным качаниям мысли* [Кржижановский, 2001, с. 515].

При рассмотрении этих фрагментов в христианском контексте становится очевидной причина душевного недомогания персонажа. Все начинается с того, что он утрачивает связь с Богом. От своей самости (гордыни) персонаж испытывает чувство уныния. Мир кажется ему полным тоски и печали. К этому еще добавляется чувство одиночества и ненужности.

Находясь в состоянии уныния, персонаж начинает сопоставлять мир живых и мертвых. (...) *тем, мертвым, маячила мысль: хорошо. Чуть заkostenели – сверху крышка: поверх крышки – глина: поверх глины – дерн. И все. А тут – как закачался на дрогах, так и повезут тебя, так и повезут с ухаба на ухаб, сквозь весны и зимы, из десятилетий в десятилетия, неоплаканного, ненужного* [Кржижановский, 2001, с. 515].

В православии грех уныния является смертным, одним из тягчайших грехов. Он символизирует собой полное неприятие Божьей воли. Размышления персонажа о смерти поражают своим цинизмом. Будущий самоубийца отвергает веру и не нуждается в церковных таинствах. Это проявляется в его добровольном отказе от причастия и отпевания: *повезут неоплаканного*. Кошунственным кажется и сомнение в существовании бессмертной души. В размышлениях о неудавшемся свидании персонажа встречается логическое допущение о ее исчезновении. *Мне не совсем понятно, как могло душу, если тогда она еще была у меня, такой пылинкой придавить и разбездушить* [Кржижановский, 2001, с. 516].

Значимость другого человека для него сводится к нулю. Это подтверждает сравнение происшествия, случившегося с ним, с пылинкой (нивелирование события). Наряду с этим персонаж сомневается в бытии Бога. Эта мысль обнаруживается и далее в тексте, это идея «жить в дательном падеже»: *Мне: хлеба, самку, покоя и царствица б небесного. Если есть. И можно...* [Кржижановский, 2001, с. 530]. В этом фрагменте автор обыгрывает символику числа три в православии. Вместо святой Троицы он демонстрирует желания персонажа, нивелирующие идею веры как таковую.

Вся автобиография трупа представляет собой оправдание персонажем себя: своего эгоизма и безверия. Попытки спрятаться за научными штудиями (диссертация «О букве “Т” в тюркских языках», филология «я», математическая логика) – прямое доказательство этому. В этом случае интерес вызывает размышление персонажа о местоимении «я». *Кстати, при подсчете слова «ich» у Штирнера оказалось: под «ich» ушло почти 25 % текста (если считать все производные). Этак еще немного – и весь текст зарастет сплошным «я»* [Кржижановский, 2001, с. 530].

Упоминание анархиста Штирнера не случайно в тексте, однако здесь обнаруживаются и другие смыслы. За фигурой Штирнера может скрываться образ немецкого философа Рудольфа Штейнера, идеи которого повлияли на Кржижановского в киевский период его жизни⁵. Рудольф Штейнер является создателем эзотерического учения – антропософии, возникшей на основе европейской теософской доктрины. Сам философ обозначал свое учение как науку о духе и духовном мире. Отвергая современные философские и научные концепции, Штейнер провозглашал свое видение мира единственно подлинным. Его работы стали манифестом человеческой самости, так как в них он ставит человека выше Бога, не отвергая при этом высшее начало. Религиозные представления Штейнера радикально отличаются от традиционного христианства и могут показаться верующим людям кощунственными. Наиболее часто повторяющееся слово в его работах – местоимение «я», так как оно является центральным понятием антропософского учения.

Религиозно-философские представления персонажа в новелле совпадают с мировоззренческой концепцией Рудольфа Штейнера. Отсылка к антропософской доктрине может интерпретироваться как имплицитный диалог Кржижановского с немецким мыслителем⁶. В новелле «Автобиография трупа» персонаж делает акцент в познании мира на научном объяснении явлений действительности. В этом он следует по стопам немецкого мыслителя, всегда акцентировавшего научный характер антропософского учения. Влиянием Штейнера

⁵ «Поиски истины у С.Д. Кржижановского многогранны, как свойственно представителям Серебряного века, и включают антропософские и розенкрейцерские увлечения, влияние А.Р. Минцловой и Р. Штайнера» [Ливская, 2021].

⁶ В этом случае следует упомянуть имя поэта и мыслителя А. Белого, являвшегося негласным пророком антропософского учения в России. Поэт был лично знаком с Рудольфом Штейнером, неоднократно встречался с ним в Германии и на родине философа в Швейцарии, а также принимал непосредственное участие в строительстве антропософского центра Гётеанум в Дорнахе. Кризисный перелом в отношении к Штейнеру, произошедший с Белым в 1922 г., не помешал ему сохранить антропософское мировоззрение до конца жизни. Учение о человеке имело для Белого очевидные мистические коннотации, так как сам создатель этой доктрины считал даже христианство мистическим фактом. Речь идет о книге Штейнера «Christentum als mystische Tatsache». Современник поэта Давид Штейнберг писал об авторе романа «Петербург»: *Мировоззрение Белого носило магический характер. <...> Можно сказать, что антропософия для Белого была наукой о сверхъестественном, знанием не теоретического, а сверхъестественного – знанием непосредственным и живым. <...> Для него сливалось его собственное отношение к сверхъестественному и магическому с антропософским учением* [Валентинов, 2000, с. 227]. Кржижановский был поклонником творчества Белого и считал его крупным русским поэтом, одним из блестящих представителей русского символизма. В 1920-х гг. Кржижановский читал открытые лекции по литературе и часто выступал с ними для различных аудиторий. Одной из его литературных программ была сопоставительная лекция «Саша Черный и Андрей Белый», получившая известность благодаря мемуарам супруги писателя Анны Бовшек «Глазами друга». В Москве Кржижановский неоднократно встречался с Белым на Никитинских субботниках и в других литературных объединениях.

является и осознание самоубийцей себя самого как центра мира. Однако в такие нестабильные периоды, как Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война, упоминаемые в тексте, наука является недостаточной духовной опорой. Будучи неверующим человеком, обитатель комнаты № 24 ощущает экзистенциальный страх перед жизнью. Результатом этого становится уход в эзотерику и псевдонауку⁷. Отсутствие веры в Бога объясняет пустоту в душе персонажа, ее постепенное психическое омертвление.

В своих логических построениях будущий самоубийца стремится к объяснению феномена пустоты. Для него это явление оказывается связанным с визуальным восприятием реальности, проникновением за границу «стекла», т.е. *вовне*. В качестве примера он приводит высказывание на латыни «Природа боится пустоты», переворачивая его и изменяя смысл античной сентенции. *Попытки проникнуть в мир, начинающийся по ту сторону моих двояковогнутых овалов, и раньше были редки и робки. Теперь-то я знаю, отчего если формула natura horreat vacuam опровергнута, то обращение ее – vacuam horreat natura еще и не было под ударами критики. Думаю: оно их выдержит. Так или иначе, я прекратил всякие попытки войти в свое в н е* [Кржижановский, 2001, с. 516].

Удивительно, что та же самая мысль занимала Кржижановского и прежде. Игра с латинской максимой обнаруживается и в новелле «Бог умер», изображающей гибель мира, в силу растущей в нем пустоты («Ничто»). *Происходило то, чему и должно было произойти: был Бог – не было веры; умер Бог – родилась вера. Оттого и родилась, что умер. Природа не «боится пустоты» (старые схоласты путали), но пустота боится природы: молитвы, переполненные именами богов, если их бросить в ничто, несравнимо меньше нарушат его нереальность* [Кржижановский, 2001, с. 263]. Эти цитаты демонстрируют мировоззренческую позицию Кржижановского, сложное отношение писателя к вере. Утратив ее, он не мог обрести ее снова. Его метания от эзотерики теософских доктрин и штейнерианства к научному атеизму не дали ему устойчивой духовной опоры. Здесь очевидно сходство автора и персонажа. Подтверждение этому – записные книжки и дневники писателя, где иронически осмысливается природа веры и самым частотным образом является смерть⁸.

⁷ «Из биографических источников известно о мировоззренческом кризисе, произошедшем с писателем в конце 1910-х годов, вследствие которого он осуществил “выбор между мышлением в понятиях – философией и мышлением в образах – литературой”. Влияния, связанные с биографическим кодом, и смена мировоззренческой парадигмы во многом обусловили формы восприятия реальности автора “Сказок для вундеркиндов”» [Мансков, 2007, с. 16]. Отказ Кржижановского от его прежних мировоззренческих взглядов не дал ему устойчивой духовной опоры. На протяжении всей его жизни вопрос утраты и обретения веры оставался для него актуальным.

⁸ «Если когда и был Бог, то люди давно довели его до самоубийства» [Кржижановский, 2001, с. 341], «Если вы пришли к занятому человечеству, делайте вашу жизнь и уходите» [Кржижановский, 2001, с. 343], «Почем жизнь?» [Кржижановский, 2001, с. 346].

От размышлений о местоимении «я», отсылающих сознание читателя к антропософской доктрине, в тексте осуществляется переход непосредственно к описанию болезни персонажа. Имя ей – психоррея.

Это слово является авторским неологизмом и представляет собой процесс постепенного психического омертвления человека. Психоррея – следствие душевной пустоты самоубийцы и отсутствия веры. По логике текста, божественный свет не может проникнуть в душу персонажа, а он, в свою очередь, дотянуться до абсолюта, так как границу невозможно перейти ни в одну, ни в другую сторону.

Во фрагменте, связанном с описанием земных скук, обнаруживается косвенная отсылка к явлению болезни души. (...) *небо роняет звезды, тучи роняют дожди, деревья роняют листья, а «я» роняют себя самих* [Кржижановский, 2001, с. 515]. Через семантику падения явление психорреи эксплицируется и далее. *И всякий раз мне ясно было слышимо, как в пустоту, с тонким и острым звоном, капля за каплей, – душа. Капли были мерны и звонки, и был в них все тот же знакомый стеклистый звук. Может быть, это была псевдогаллюцинация, не знаю: мне все равно. Но тогда я назвал этот феномен особым словом: психоррея. Что значит: истечение души* [Кржижановский, 2001, с. 516].

Введение психорреи в структуру текста осуществляется посредством аудиального кода: *мне ясно было слышимо*. Здесь повторяется образ пустоты, в которую происходит истечение души. Кржижановский намеренно обращается к используемым им ранее образам: неудавшееся свидание персонажа. Речь идет о пенсне (*с тонким, острым звоном упали на ковер* [Кржижановский, 2001, с. 514]). Общим является звукообраз (*тонкий острый звон*) и прилагательное *стеклистый*, лейтмотивом повторяющееся на протяжении всего текста. Все это соединяет смысловые элементы в новелле вместе, придавая им ощущение целостности. Звучание падающих капель, слышимое персонажем, представляет собой не столько аномальное восприятие, сколько обман чувств, так как в этом случае речь идет о явлениях, не существующих в действительности. Не случайно он сам называет их «псевдогаллюцинацией», «псевдозвуком». *Иногда этот мерный – капля за каплей – лет в пустоту даже пугал меня. Я зажигал свет и прогонял и сумерки, и псевдозвук прочь* [Кржижановский, 2001, с. 518].

Образ падающих капель необычным образом осмысляется в контексте теории психорреи. От частного случая она приобретает масштабный характер. Психоррея оказывается вирусом болезни, которой подвержено все человечество. Осознание этого факта изменяет представление о мире у персонажа. *Я не подозревал, что процесс психического омертвления мог быть ползучим – из черепа к черепу, с особи на группу, с группы на класс, с класса на весь общественный организм. Пряча свое полубытие за непрозрачными стенками черепа, тая его, как стыдную болезнь, я не учел того простого факта, что то же могло происходить и под другими черепными крышками, в других защелкнувшихся друг от друга комнатах* [Кржижановский, 2001, с. 521].

Именно в этом случае актуализируется образ капель, известный читателю из бредовых видений персонажа. Как и всегда, автор подбирает методологическую основу для своих суждений, чтобы придать им характер достоверности. Опорой для этого является работа Герберштейна. *Совсем недавно, перелистывая «Rerum Moscoviticorum Commentarii» Герберштейна, посетившего Россию в первые годы XVI века, я отыскал такое: «...иные же из них, – пишет наблюдательный чужестранец, – производят имя своей страны от арамейского слова Ressaia или Resessaia, что означает: разбрызганная по каплям»* [Кржижановский, 2001, с. 521]. Согласно логике персонажа, Россия всегда была страной, в которой жили люди, страдавшие истечением души, и именно они *мыслили и заставляли мыслить Россию как Ressaia: в разбрызге розных друг другу капель* [Кржижановский, 2001, с. 521].

Выводы. Исходя из логики статьи, можно сделать следующие выводы. В сознании персонажа в новелле происходят патологические психические деформации. Он сам стремится определить характер своего душевного расстройства. Будущий самоубийца обозначает его как психическое омертвление, вызванное вирусом психорреи. Страдающий истечением души оказывается не в состоянии выявить предпосылки собственной болезни. Он ощущает их и замечает проявления болезни у других: размышления о Штирнере – Штейнере и осмысление России как страны, разбрызганной по каплям. При этом главная причина кроется в отсутствии веры как духовно-нравственной опоры. Попытки ее замены эзотерическими и псевдонаучными эрзацами (теософия, антропософия) лишь усугубляет его душевное состояние, и он теряет путь в метафизических лабиринтах. Результатом этого становится самоубийство автора рукописи, а журналист Штамм, прочитав ее, осознает, что он уже не будет прежним.

Библиографический список

1. Валентинов Н. Брюсов и Эллис // Валентинов Н. (Н. Вольский). Два года с символистами. М.: Издательский дом XXI век – Согласие, 2000. 381 с.
2. Воробьева Е.И. Жанровое своеобразие творчества С.Д. Кржижановского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 200 с.
3. Горошников В.В. Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2005. 178 с.
4. Карпухина В.Н. «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского и «плюс»-пространство Михаила Булгакова в переводах их текстов на английский язык // Язык и культура: сб. ст. XXVI международной научной конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2016. С. 132–136.
5. Карпухина В.Н. Пространственные характеристики текстов М. Булгакова и С. Кржижановского и их переводов на английский язык // Филология и человек. 2016. № 3. С. 110–117.

6. Карпухина В.Н. Семиотика пространства в переводах текстов М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского на английский язык // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью: кол. монография. СПб., 2020. С. 218–230.
7. Кржижановский С.Д. Соч.: в 6 т. СПб.: Symposium, 2001. Т. 1. 687 с.
8. Кржижановский С.Д. Соч.: в 6 т. СПб.: Symposium, 2001. Т. 2. 702 с.
9. Кржижановский С.Д. Соч.: в 6 т. СПб.: Symposium, 2010. Т. 5. 640 с.
10. Лавлинский С.П. Позиция нарратора и читателя в повести Сигизмунда Кржижановского «Автобиография трупа». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-narratora-i-chitatelya-v-povesti-sigizmunda-krzhizhanovskogo-avtobiografiya-trupa> (дата обращения: 06.08.2024).
11. Ливская Е.В. Эзотерическая составляющая ранней прозы С.Д. Кржижановского: текст как часть посвятительного ритуала. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezotericheskaya-sostavlyayuschaya-ranney-prozy-s-d-krzhizhanovskogo-tekst-kak-chast-posvyatitelnogo-rituala> (дата обращения: 06.08.2024).
12. Лунина И.В. Художественный мир новелл С.Д. Кржижановского: человек, пространство, коммуникация: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009. 166 с.
13. Мансков А.А. Поэтика «Музыкальных новелл» С.Д. Кржижановского: интертекстуальный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 203 с.
14. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
15. Трубецкова Е.Г. Мотив деформации зрения в новеллах С.Д. Кржижановского // Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения): матер. VI Международной научной конференции, Москва 18–19 декабря 2018 г. М.: Макс Пресс, 2018. С. 145–149.
16. Трубецкова Е.Г. Мир как «дочка зрения»: опыты «Остранения» Сигизмунда Кржижановского. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-kak-dochka-zreniya-opyty-ostraneniya-sigizmunda-krzhizhanovskogo> (дата обращения: 06.08.2024).

Сведения об авторе

Мансков Алексей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул); e-mail: a-manskov@yandex.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-70-81

THE PROCESS OF MENTAL DEATH OF A CHARACTER IN THE NOVEL BY S.D. KRZHIZHANOVSKY *AUTOBIOGRAPHY OF A CORPSE*

A.A. Manskov (Barnaul, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the phenomenon of soul disease in the novel *Autobiography of a Corpse*. That disease is a psychorrhoea (the outflow of the soul). It is an author's neologism. According to the logic of the novel narrative, the psychorrhoea's virus is dangerous, because it leads to the general necrosis. All of the humanity is infected with it.

The purpose of the article is to find the prerequisites of the beginning of psychorrhoea, and to identify the features of its course.

Methodology. The research uses structural-semiotic, historical-typological, and intertextual methods.

Research results. The reason of the soul mortification is the character's rejection of the God. This feature is explained by the biographical code of the writer. Krzhizhanovsky had a complex attitude to faith, he searched for the God, and was interested in the theosophy and the anthroposophy. The interest of the author of *The Fairy Tales for Children Prodigies* in the theories of R. Steiner is confirmed not only by the facts of his biography, but also by scientific studies.

Conclusion. The attempts of the character to replace the God with various esoteric ersatzes are not successful in the novel. It aggravates his state of mind. The psychorrhoea virus turns out to be fatal for everyone who contacts with it. The final is the suicide of the author of the manuscript and understanding of the journalist Stamm that he is also ill.

Keywords: "minus"-space, illness, outflow of the soul, God, faith, esoteric, emptiness, suicide, death.

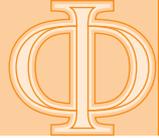
References

1. Valentinov N. Bryusov and Ellis. In: Valentinov N. (N. Volskiy). Two years with symbolists. Moscow: The Publ. House 21 Century – Consent, 2000. 381 p.
2. Vorobeva E.I. Genre specifics of S.D. Krzhizhanovsky's works. PhD thesis. Moscow, 2002. 200 p.
3. Goroshnikov V.V. Existential problems of Sigizmund Krzhizhanovsky's prose. PhD thesis. Yaroslavl, 2005. 178 p.
4. Karpukhina V.N. "Minus"-space of Sigizmund Krzhizhanovsky and "plus"-space of Mikhail Bulgakov in the translations of their texts into English. In: Language and culture. Tomsk: TGU Publ., 2016. P. 132–136.
5. Karpukhina V.N. Space characteristics of the texts by M. Bulgakov and S. Krzhizhanovsky and their translations into English. In: Philology and a person. 2016. Is. 3. P. 110–117.

6. Karpukhina V.N. Space semiotics in the translations of the texts by Mikhail Bulgakov and Sigizmund Krzhizhanovsky into English. In: The novel of M. Bulgakov *The Master and Margarita*: the dialogue with the contemporary: a monograph. St. Peterburg, 2020. P. 218–230.
7. Krzhizhanovsky S.D. Works: in 6 vol. St. Petersburg: Symposium, 2001. Vol. 1. 687 p.
8. Krzhizhanovsky S.D. Works: in 6 vol. St. Petersburg: Symposium, 2001. Vol. 2. 702 p.
9. Krzhizhanovsky S.D. Works: in 6 vol. St. Petersburg: Symposium, 2001. Vol. 5. 640 p.
10. Lavlinsky S.P. The narrator's and the reader's positions in the novel by Sigizmund Krzhizhanovsky *Autobiography of a corpse*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsii-narratora-i-chitatel'ya-v-povesti-sigizmunda-krzhizhanovskogo-avtobiografiya-trupa> (access date: 14.07.2021).
11. Livskaya E.V. Esoteric component of the early prosaic works by S.D. Krzhizhanovsky: a text as a part of the initiation ritual. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezotericheskaya-sostavlyayuschaya-ranney-prozy-s-d-krzhizhanovskogo-tekst-kak-chast-posvyatitelnogo-rituala> (access date: 11.07.2021).
12. Lunina I.V. A fiction world of the novels by S.D. Krzhizhanovsky: person, space, communication. PhD thesis. Krasnoyarsk, 2009. 166 p.
13. Mankov A.A. The poetics of “Musical novels” by S.D. Krzhizhanovsky: intertextual aspect. PhD thesis. Barnaul, 2007. 203 p.
14. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: The essays in mythopoetics: Selected works. Moscow: Progress Publ., Culture, 1995. 624 p.
15. Trubetskova E.G. The motif of the vision deformation in the novels by S.D. Krzhizhanovsky. In: Russian literature of 20–21 centuries as a literary process (problems of theoretical and methodological studies). Moscow: Maks Press, 2018. P. 145–149.
16. Trubetskova E.G. The world as a “daughter of view”: essays of “Detachment” by Sigizmund Krzhizhanovsky. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-kak-dochka-zreniya-opyty-ostraneniya-sigizmunda-krzhizhanovskogo> (access date: 06.08.2024).

About the author

Mankov, Aleksey A. – PhD (Philology), Associate Professor, Linguistics, Translation, and Foreign Languages Department, Altai State University (Barnaul, Russia); e-mail: a-mankov@yandex.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-82-93

УДК 82

КРАСНОЯРСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

В.С. Срмикян (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье определены этапы становления красноярского текста русской литературы, выявлены ключевые писательские имена и произведения, знаково характеризующие каждый из периодов. В ходе анализа локального текста города Красноярска исследуются литературные стратегии и поэтика презентации Енисейской Сибири, а также столицы региона в отечественной словесности XIX–XX вв.

Цель статьи – выявить ключевые этапы становления и развития красноярского локального текста.

Методологической основой статьи стали подходы В.Н. Топорова и В.И. Тюпы, определивших два ключевых направления изучения локальных текстов; исследования В.В. Абашева и Ю.В. Клочковой, посвященные типологически близким красноярскому локальным текстам Перми и Екатеринбурга, труды по литературе Сибири М.К. Азадовского, Б.А. Чмыхало, К.В. Анисимова и др.

Обзор научной литературы по проблеме. Осмыслению образа Красноярска посвящены специальные работы И.Ю. Кудиновой и В.Н. Калуцкова, в которых город исследуется с позиций культурологии и географии.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу о том, что красноярский текст русской литературы определяется тремя основными этапами становления. Первый этап связан с деятельностью первого енисейского губернатора А.П. Степанова и выходом в свет «Енисейского альманаха на 1828 год». Второй этап определяется посещениями Красноярска А.П. Чеховым и наследником престола Николаем Александровичем в 1890 и 1891 гг. и приуроченными к этим визитам произведениями. Третий этап приходится на советское и постсоветское время. Он отмечен возникновением местных литературных сил, и прежде всего масштабной фигуры В.П. Астафьева.

Ключевые слова: Красноярск, Енисей, красноярский текст русской литературы, локальный текст, сибирский текст, А.П. Степанов, А.П. Чехов, В.П. Астафьев.

Постановка проблемы. Говоря о Сибири, мы можем отметить, что процесс вхождения ее в состав России начался еще в конце XVI в. Присоединение региона было связано с закреплением за государством новых территорий и народов восточнее Урала, а также утверждением («воображением») Сибири как русской земли. Проблемой, однако, являлся хорошо известный факт: «Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие» [Сибирь в составе Российской империи, 2007, с. 14].

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной филологии мы наблюдаем активный интерес к проблемам локального текста и литературе регионов. Работы в данной области разнообразны с точки зрения используемых научных подходов и методологий: семиотики, теории локального текста, имагологии, «воображаемой географии», собственно литературоведческой аналитики, позволяющей исследовать образы, сюжеты и мотивы в конкретных локальных текстах. Показано, в частности, что именно литература регионов и о регионах формирует их идентичность, представления о самобытности, заявляет о наличии знаковых писательских фигур и произведений и тем самым становится различимой и узнаваемой на «литературной карте» страны.

Цель статьи – выявление ключевых этапов становления и развития красноярского текста русской литературы.

Методологическая основа. В настоящей статье используются два термина в качестве синонимичных: один – «красноярский текст русской литературы» взят по аналогии с формулой, предложенной В.Н. Топоровым – «петербургский текст русской литературы» [Топоров, 2003], другой, также традиционный, – «локальный текст города Красноярска» [Абашев, 2000; Богумил, 2023; Ларионова, 2021]. В.Н. Топоров определил петербургский текст как «своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемых в тексте», «сверхтекст, с которым связываются высшие смысла и цели» [Топоров, 2003, с. 22–23]. Вслед за В.В. Абашевым, под локальным текстом мы понимаем особый вид текста культуры, который представляет собой единство множества отдельных авторских и анонимных текстов (художественных, документальных, публицистических), речевых жанров, объединенных предметом описания, – определенным локусом: городом или местностью [Абашев, 2000, с. 11–12]. Основные подходы к изучению литературы Сибири были намечены в трудах М.К. Азадовского, Б.А. Чмыхало и К.В. Анисимова, исследовавших историю возникновения и развития словесности региона, ее взаимодействие с «ядром» русской литературы и особенности поэтики [Азадовский, 1947; Чмыхало, 1992; Анисимов, 2005].

Интересна этимология слова «Красноярск». Нередко наименование населенного пункта связано с тем ландшафтом, в который он встроен. Первые названия поселений соотносятся с названиями близлежащих рек и водоемов. Так, Енисейск созвучен с Енисеем, Томск – с Томью и т.д. До середины XVII в. город, по свидетельству Н.В. Латкина [Латкин, 1890] и Г.Ф. Миллера [Миллер, 1937], имел названия «Новый Качинский Красный острог», «Новый Качинский острог» и «Новокачинский острог». Красноярск построен на полуострове и омывается Енисеем и Качей, которая в него впадает. В работе Н.В. Латкина «Красноярский округ Енисейской губернии» [Латкин, 1890] даны географические, этнографические, экономические характеристики города. Исследователь отмечает, что полуостров этот представляет собой равнину, находящуюся на возвышенности и состоящую из «красных мергелей, покрытых слоем речников

и речных песков» [Там же, с. 51]. Г.Ф. Быконя в своих исследованиях, посвященных истории Красноярского края, большое внимание уделяет основателю города А.А. Дубенскому и этимологии названия города. По мнению ученого, Красноярск следовало назвать Верхнеенисейским или Качинским острогом, а не Красным или Красным Яром – «по прекрасному местоположению, а также по цвету высокого обрывистого мыса» [Быконя, 2013, с. 32]. Название же Красноярск было дано при получении статуса города. Сегодня в наименовании региональной столицы совмещается два ассоциативных ряда – «красный» как характерный для этих мест цвет почвы и «красный» – красивый.

Особенностью красноярского текста является расширение его символического пространства до границ всей Енисейской Сибири. Подобный феномен на примере города Екатеринбурга ранее был рассмотрен М.А. Литовской и обозначен следующим образом: «Екатеринбург равен всему Уралу» [Литовская, Белимов, 2021]. Красноярск, ставший в начале XIX в. столицей Енисейской губернии, также в первую очередь ассоциировался с большой территорией бассейна реки Енисей и границами всей губернии, постепенно приобретая свой индивидуальный облик – как это мы видим, например, в письмах и путевых заметках А.П. Чехова.

Красноярский текст русской литературы до сих пор не попадал в фокус исследовательского внимания. Не установлены масштаб и своеобразие Красноярска как важного литературного центра Сибири и одновременно художественного образа в координатах всей русской литературы. Изучение локального текста города Красноярска позволит показать его роль в отечественной словесности, создаст основу для последующих историко-литературных исследований, укрепляющих региональное самосознание и позволяющих увидеть Красноярск и Енисейскую Сибирь как органичную часть русской культуры и литературы.

Обзор научной литературы. Интерес к образам сибирских городов мы наблюдаем чаще всего в междисциплинарных исследованиях историков, социологов, культурологов. Можно отметить две работы о Красноярске, в которых рассмотрены отдельные аспекты сформулированной проблемы. Так, И.Ю. Кудинова в своей кандидатской диссертации «Культурологический портрет сибирского города (на примере Красноярска)» [Кудинова¹, 2015] обратилась к образу Красноярска в творчестве красноярских писателей В.П. Астафьева, Э.И. Русакова, Р.Х. Солнцева. Исследовательница пришла к выводу, что в творчестве Астафьева городская тематика представлена фрагментарно, а безусловной ценностью Красноярска выступает его «природное обрамление». У других писателей акцентируются театральность, проблема маленького человека и сюжет побега из города. Основным материалом исследования в диссертации И.Ю. Кудиновой стали электронные СМИ, в частности, ученым было проанализировано около 2000 новостных телесюжетов и 50 популярных сайтов по запросу «Красноярск». Другими источниками для культурологического осмысления проблемы явились «Памятная книжка

¹ Кудинова И.Ю. Культурологический портрет сибирского города (на примере Красноярска): дис. ... канд. культурол. Красноярск, 2015. 192 с.

по Енисейской губернии», «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией» и исторические очерки и монографии о Енисейской губернии. И.Ю. Кудинова ставит перед собой цель комплексного культурологического портретирования сибирского города на примере Красноярска. По мнению исследователя, культурологический портрет Красноярска состоит в том числе и из его репрезентации в литературе и СМИ, где проявляются новые постиндустриальные ценности, а именно «уход-без-возврата». У В.П. Астафьева – это уход из городской жизни в сельскую, у Э.И. Русакова – в узкосемейную [Кудинова, 2015, с. 11]. Анализ городской символики, топонимов, медиатекстов, позволил ученому сделать вывод о стремлении местных властей к «столичности», при этом главным ценностным ориентиром остается сегодня красота природного окружения [Там же, с. 144].

Анализ образа Красноярска представлен в статье российского географа В.Н. Калуцкова «Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова “Из Сибири” и его путевых писем)» [Калуцков, 2021]. Ученый применил культурно-географический подход в отношении одного из самых известных литературных вояжей по Российской империи – поездки Чехова на Сахалин. Для анализа путешествия В.Н. Калуцков использовал комплексную географическую методику, включающую в себя три методических блока: «географический контекст путешествия, поэтапное описание маршрута с выявлением локальных и региональных географических образов, выявление и исследование основных авторских региональных тем» [Там же, с. 74]. Основой данной методики является пространственно-временная периодизация всего пройденного пути, опирающаяся на «объективные географические показатели и субъективные авторские оценки и восприятия» [Там же]. В результате применения своего подхода автор выделил шесть этапов литературного путешествия русского классика. Для образа Красноярска, по мнению ученого, важен отмеченный Чеховым кардинальный климатический сдвиг: от холодной весны к лету – пришедшийся именно на время знакомства писателя с реалиями Красноярска. «С холодом ушла скука, а пейзаж занял свое место в палитре художника, в которой после Красноярска в образах городов и рек стали преобладать теплые тона» [Там же, с. 85].

На материале русскоязычных и англоязычных масс-медиа лингвисты А.В. Колмогорова и М.И. Мельникова в своей работе «Метафорические средства конструирования образа Красноярска в дискурсе социальных медиа» [Колмогорова, Мельникова, 2020] выделили метафорические средства конструирования образа Красноярска. Исследователи определили несколько концептуальных метафор, которые формируют представление о городе: Красноярск – конкурсант, спортивный город; Красноярск – гостеприимный город; молодой и перспективный город; Красноярск – «сердце Сибири». По мнению авторов статьи, с помощью метафор город приобретает антропоморфные признаки, формируется его позитивный образ, поскольку он представлен как один из важнейших и развитых регионов России.

Обобщающее, при этом конкретно-авторское осмысление сибирских городов реконструировано в статье И.А. Айзиковой «Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова» [Айзикова, 2020]. В качестве материала здесь привлечены очерки сибирского историка и этнографа Н.А. Кострова 1860–1870-х гг. Показательно, что образ Красноярска в работе не описан, а лишь упомянут в контексте административного подчинения Томску в середине XVII в. [Там же, с. 183]. Иначе говоря, в научной литературе образ Красноярска представлен фрагментарно в трудах культурологов, географов и лингвистов. В литературоведческих исследованиях красноярский текст до сих пор находился в «зоне умолчания».

Результаты исследования. Точкой отсчета в появлении локального текста Красноярска становится литературный *альманах*, инициированный первым губернатором Енисейской губернии А.П. Степановым. Следующим этапом становятся *травелоги*, в которых Красноярск предстает в качестве одного из пунктов остановки путешественников, что позволяет им сравнивать региональную столицу с другими сибирскими городами, тем самым определяя ее особенности. Наиболее влиятельным посетителем Красноярска был А.П. Чехов, создавший яркий и многогранный образ города и окружающего его ландшафта, прежде всего Енисея. Целый ряд более поздних образцов красноярского текста так или иначе связан с реальными или литературными поездками по региону – это произведения, отчеты и статьи, приуроченные к визиту в Красноярск наследника престола Николая Александровича, «“Юнона” и “Авось”» А.А. Вознесенского и т.д. Наконец, следующей значимой вехой развития красноярского текста стали биография и художественные произведения писателя-деревенщика В.П. Астафьева, уроженца села Овсянка, расположенного на противоположном от Красноярска берегу Енисея. Если ранее в качестве поэта и организатора литературной жизни выступал губернатор, затем крупный писатель только проезжал через Красноярск, то в XX в. появились собственно красноярские авторы, главным из которых, безусловно, является создатель «Последнего поклона». Названные литературные имена составляют главную «ось» красноярского текста отечественной словесности, вокруг которой выстраивается сложная система произведений других авторов. Показательно, что именно фигуры Степанова, Чехова и Астафьева закреплены в Красноярске не только литературно, но и материально – в городских памятниках, т.е. являются частью городского мифа.

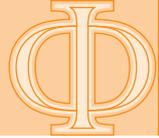
Труды В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» [Топоров, 2003] и В.И. Тюпы «Сибирский интертекст русской литературы» [Тюпа, 2002; 2009] определили два ключевых подхода к изучению локальных текстов. Первый связан с изучением локальных текстов культурных центров. К такому типу пространства относятся петербургский, лондонский, флорентийский, венецианский, московский тексты художественной словесности. Другой подход направлен на описание преимущественно природных локальных текстов. К ним принадлежат сибирский, кавказский, крымский, пермский, уральский тексты. Красноярский текст находится на пересечении культурного и природного пространств: с одной

стороны, это городской текст, а значит, он репрезентирует культуру и присущие ей мотивы, с другой – является неотъемлемым слагаемым сибирского текста, доминантой которого является природа.

Локальный текст города Красноярска представляет собой становящийся культурный локальный текст, т.е. развивается от природного к культурному. В начале XIX в. картографирование, конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Российской империи вызвали интерес к тем частям страны, которые ранее интересовали государство в меньшей степени: Крым, Кавказ, Сибирь, Урал. В связи с этим большое внимание начало уделяться и внутренней организации этих территорий, а именно городам – местным «столицам». Локальный текст города Красноярска представляет собой сложную структурно-семантическую конструкцию. Он включает в себя и элементы русской культуры, так как является городом, но одновременно с этим и частью природного локуса, так как на протяжении долгого времени Красноярск был неотъемлемой и в общем-то не выделенной частью сибирского текста.

Остановимся подробнее на этапах становления красноярского текста русской литературы. Отталкиваясь от упомянутых выше трех основополагающих этапов развития красноярского текста русской литературы, конкретизируем присущие каждому из них тенденции. Итак, первый этап определяется именем А.П. Степанова, второй – А.П. Чехова, третий – В.П. Астафьева. На первом этапе основными поэтическими стратегиями авторов «Енисейского альманаха на 1828 год» стали *природоописательная и этнографическая конкретизация, установка на потепление, «задревление» региона и легитимацию историей*. В это время на культурной карте новой губернии город Красноярск представал как не вполне явственно дифференцированная единица. Прежде всего, он как столица наделялся чисто административным значением. Непосредственным контекстом для образа Красноярска стали расположенные неподалеку от него уникальные культурные памятники – наскальные рисунки, курганы и окружающая их дикая природа: «Я видел древних письмена / На диких скалах Енисея», «Какая из Сибирских стран / Обильна столько красотами? – / В тени акаций молодых, / В прохладе тополей ветвистых, / Он льет струи в лугах душистых, / Среди ирисов голубых» [Енисейский альманах, 2008, с. 83–84].

Второй этап развития красноярского текста русской литературы был связан с приездом в столицу Енисейской губернии А.П. Чехова и цесаревича Николая Александровича. В этот период происходит закрепление Енисейской губернии и Красноярска на «литературной карте» России. Во второй половине XIX – начале XX в. источниками формирования образа Енисейской Сибири и Красноярска в отечественной культуре стали травелоги, путевые заметки, дневники и мемуары путешественников, а также тексты, приуроченные к приезду знаковых гостей. Благоприятные отклики А.П. Чехова о городе, восприятие его как *своего* стали точкой отсчета в становлении образа Красноярска в русской литературе и дали новый импульс для развития самосознания региона и местных литературных сил,

стремящихся разрушить представление о Сибири как «царстве хлада и снегов» (К.Ф. Рылеев). Осваивая новый регион, писатель последовательно сопоставлял его со своими родными краями, используя художественные приемы параллелизма и противопоставления: «На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том – горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные» [Чехов, 1987, с. 35], «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. <...> на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисею тесно <...>, кажется странным, что этот силач (Енисей. – В.С.) не смыл еще берегов и не пробуравил дна» [Там же].

В этот период большое значение имело открытие Транссибирской магистрали, которая не только физически, но и символически воссоединила две части России: европейскую и восточную. Главными направлениями художественного описания Красноярска и Енисейской Сибири на данном этапе становятся поэтические стратегии *потепления* и *оживления* региона, а также художественный образ *брачного союза* Волги и Енисея как символ единения страны. Публикации этого периода демонстрируют общее стремление к единству национального пространства, гомогенности территории России и преодолению взгляда на Сибирь как на отдаленную колонию. В этот период начинает формироваться локальный текст города Красноярска, который сравнивается с другими региональными столицами, имеет свои культурные и природные характеристики.

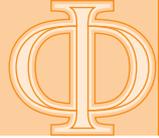
Третий этап развития Красноярского текста связан прежде всего с именем и произведениями писателя-деревенщика В.П. Астафьева, уроженца Красноярского края. В этот период появляются и другие заметные деятели культуры и искусства, повлиявшие на развитие культурной среды города. В цикле «Последний поклон» доминантой астафьевского красноярского текста становится *дихотомия города* (Красноярска) и *деревни* (Овсянки). Город Красноярск рассматривается Астафьевым в связи с жизнью села Овсянки, находящегося на противоположном берегу Енисея. Точкой отсчета в художественном пространстве становится красноярский рынок: «Мужики все на Мане из ружей палят да рыбачат, еще кедровые орехи добывают, продают в городе добычу. Цветочки в подарок женам привозят с базара, из стружек цветочки, синие, красные, белые – шуршат. Базарные цветочки бабы почтительно ставят на угловики и на иконы цепляют. А чтобы жарков, стародубов или саранок нарвать – этого мужики никогда не делают и детей своих сызмальства приучают дразнить и презирать людей вроде Васи-поляка, сапожника Жеребцова, печника Махунцова и всяких других самоходов, падких на развлечения, но непригодных для охотничьего промысла» [Астафьев, 1997, с. 96]. Орехи – дары природы, а искусственные

цветы – продукт цивилизации. Писатель показывает, как осуществляется подмена живых цветов – жарков, саранок и т.д. – на «поддельные» городские изделия. В приведенном отрывке мы можем заметить, что именно рынок, а точнее, «торговая точка» становится центром города для приезжих, отправной точкой к остальным городским локациям. Вся деревня ездит в город что-то продавать (в основном это плоды, рожденные сибирской природой), а обратно возвращается с городской продукцией разного характера, которую не найти в деревне. Аналогичные примеры взаимодействия города и деревни мы видим в хрестоматийных рассказах писателя «Конь с розовой гривой» (*земляника – пряничный конь*), «Фотография, на которой меня нет» (*дрова – фотография*) и др.

Этот период развития красноярского текста связан с понятием *genius loci*, или «герой места». Город в большой русской литературе ассоциируется не только с природными или городскими локусами, но и с конкретными личностями. Красноярскими героями места в русской литературе становятся А.П. Степанов, А.П. Чехов, В.П. Астафьев, Н.П. Резанов, А.П. Быков. Если значимость для города первых трех деятелей определена их литературным вкладом в развитие красноярского текста, то роль Н.П. Резанова и А.П. Быкова имеет совершенно другой характер. История командора Резанова показала, что Сибирь – место, которое потенциально может соединить разные миры. В поэме А.А. Вознесенского «Авось» мы можем наблюдать чеховскую традицию изображения геополитического «брачного союза» (в произведении XX в. – несостоявшегося).

Другой «герой» Красноярска – А.П. Быков, известный российский предприниматель, «авторитетный бизнесмен», которому Э.В. Лимонов посвятил свой роман-расследование «Охота на Быкова» (2001). В этом случае героем места становится не русский дипломат, путешественник, а местный «Аль Капоне». Характерно, что мотив разбоя в современном произведении спонтанно сближается с историческим романом красноярского писателя А.И. Чмыхало «Опальная земля», где Красноярск показан как привлекательное место для разбойников и воров. Таким образом, намечается перспектива изучения трансформации литературных традиций и приемов в презентации региона, в том числе типологически обусловленных.

Изучение локального текста города Красноярска, включающее в себя опыт периодизации, выявления ключевых фигур и произведений, позволило определить доминанты поэтики и проблематики интересующего нас локального текста. Во-первых, красноярский текст русской литературы – становящийся локальный текст, развивающийся между ценностными полюсами природы и культуры. Произведения начала XIX в. обращены главным образом к природе Енисейской губернии и ландшафта, внутри которого расположена ее столица. Во второй половине столетия формируется образ города Красноярска – культурного центра. В произведениях о Красноярске XX в. намечаются противопоставление и борьба природного и культурного начал.

Во-вторых, динамика красноярского текста русской литературы представлена тремя основными этапами. Первый этап определяется деятельностью А.П. Степанова и выходом в свет «Енисейского альманаха на 1828 год». Показательно, что появление Красноярска и Енисейской Сибири на «литературной карте» России обязано государственной инициативе. В 1822 г. была образована Енисейская губерния со столицей в Красноярске, а в 1828 г. произошло первое знаковое литературное событие – выход «Енисейского альманаха», создателем которого стал первый губернатор А.П. Степанов, а авторами, в отсутствие писательской среды, – местные чиновники. Второй этап связан с посещением Красноярска А.П. Чеховым в 1890 г. и наследником престола Николаем Александровичем в 1891 г. и приуроченными к этим визитам произведениями. В это время свершилось словесно-образное «картографирование региона», обусловленное приездом в город знаковых для политической и культурной жизни страны лиц. В путевых заметках, письмах, отчетах и художественных произведениях город и его окрестности обрели «метагеографическую» конкретизацию, индивидуальный облик. Наконец, третий этап приходится на советское и постсоветское время. Он отмечен появлением местных литературных сил, и прежде всего масштабной фигуры В.П. Астафьева. В XX в. образ Красноярска попадает в фокус не только местных авторов, но и писателей столичного уровня – В.П. Астафьева, А.А. Вознесенского, Э.В. Лимонова и др., а сам город становится региональным литературным центром.

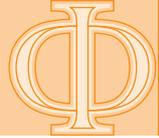
Библиографический список

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
2. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. Вып. 1. 203 с.
3. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 174–188.
4. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
5. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 1, 2. 464 с.
6. Богумил Т.А. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367.
7. Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. Красноярск: Растр, 2013. 64 с.
8. Енисейский альманах на 1828 год / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстой; Красноярский краевой краеведческий музей. 2-е изд., доп. Красноярск: Поликор, 2008. 112 с.

9. Калуцков В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем // Гуманитарная география. 2021. № 3. С. 74–91.
10. Колмогорова А.В., Мельникова М.И. Метафорические средства конструирования образа Красноярска в дискурсе социальных медиа // Евразийский Союз ученых. 2020. № 4. С. 48–52.
11. Ларионова М.Ч. Уральский текст русской литературы // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 2. 130–136.
12. Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии. Очерк. Спб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1890. 75 с.
13. Литовская М.А., Белимов В.Н. Екатеринбург равен всему Уралу. И в этом проблема. Интервью // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 26–33.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 608 с.
15. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
16. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.
17. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
18. Тюпа В.И. Сибирский интертекст русской литературы // Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. С. 254–264.
19. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 14–15: Сочинения: Из Сибири; Остров Сахалин. 1890–1895. 924 с.
20. Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.

Сведения об авторе

Срмикян Виолетта Сименовна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: vsrmikyana@sfu-kras.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-82-93

KRASNOYARSK TEXT OF RUSSIAN LITERATURE: THE STAGES OF FORMATION

V.S. Srmikyan (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article defines the stages of formation of the Krasnoyarsk text of Russian literature, identifies key writers' names and works that symbolically characterize each of the periods. In the course of the analysis of the local text of the city of Krasnoyarsk, literary strategies and poetics of the presentation of Yenisei Siberia, as well as the capital of the region in Russian literature of the 19th – 20th centuries are studied.

The purpose of the article is to identify the key stages of the formation and development of the Krasnoyarsk local text.

The methodological basis of the article includes the approaches of V.N. Toporov and V.I. Tyupa, who defined two key directions for the study of local texts; studies by V.V. Abashev and Yu.V. Klochkova, devoted to typologically close to Krasnoyarsk local texts of Perm and Yekaterinburg, works on the literature of Siberia by M.K. Azadovsky, B.A. Chmykhalo, K.V. Anisimov and others.

Review of scientific literature on the problem. Special works by I.Yu. Kudinova and V.N. Kalutskov are devoted to understanding the image of Krasnoyarsk, where the city is studied from the standpoint of cultural studies and geography.

Research results. The author comes to the conclusion that the Krasnoyarsk text of Russian literature is determined by three main stages of formation. The first stage is associated with the activities of the first Yenisei governor A.P. Stepanov and the publication of the *Yenisei Almanac for 1828*. The second stage is determined by the visits to Krasnoyarsk by A.P. Chekhov and the heir to the throne Nikolai Alexandrovich in 1890 and 1891 and the works dedicated to these visits. The third stage falls on the Soviet and post-Soviet times. It is marked by the emergence of local literary forces and, above all, the large-scale figure of V.P. Astafyev.

Keywords: *Krasnoyarsk, Yenisei, Krasnoyarsk text of Russian literature, local text, Siberian text, A.P. Stepanov, A.P. Chekhov, V.P. Astafyev.*

References

1. Abashev V.V. Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century. Perm: Perm University Publishing House, 2000. 404 p.
2. Azadovsky M.K. Essays on the literature and culture of Siberia. Irkutsk: Irkutsk region publishing house, 1947. Is. 1. 203 p.
3. Aizikova I.A. The image of a Siberian city in the essays of N.A. Kostrov // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2020. No. 67. P. 174–188.
4. Anisimov K.V. Problems of the poetics of Siberian literature of the XIX – early XX centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition. Tomsk: Tomsk Publishing House. University, 2005. 304 p.
5. Astafiev V.P. Collected Works: in 15 vol. Vol. 4. The Last Bow: a story in stories. Krasnoyarsk: Offset, 1997. Book 1, 2. 464 p.

6. Bogumil T.A. Semiotics of Siberian Cities: Typological Aspect // *Criticism and Semiotics*. 2023. No. 1. P. 350–367.
7. Bykonya G.F. Andrei Dubensky - the founder of Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Raster, 2013. 64 p.
8. Yenisei Almanac for 1828 / compiled by I. Petrov; foreword by G. Tolstova; State Cultural Institution Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. 2nd ed., suppl. Krasnoyarsk: Polikor, 2008. 112 p.
9. Kalutskov V.N. Southerner in Siberia: literary and geographical study of the travels of A.P. Chekhov (based on the essays of A.P. Chekhov “From Siberia” and his travel letters // *Humanitarian Geography*. 2021. No. 3. P. 74–91.
10. Kolmogorova A.V., Malnikova M.I. Metaphorical means of constructing the image of Krasnoyarsk in the discourse of social media // *Eurasian Union of Scientists*. 2020. No. 4. P. 48–52.
11. Larionova M.Ch. The Ural Text of Russian Literature // *Journal of Frontier Studies*. 2021. No. 2. P. 130–136.
12. Latkin N.V. Krasnoyarsk Okrug of the Yenisei Province. Essay. St. Peterburg: Typography and Lithography of V.A. Tikhanov, 1890. 75 p.
13. Litovskaya M.A., Belimov V.N. Yekaterinburg is Equal to the Entire Urals. And That’s the Problem. Interview // *Municipality: Economy and Management*. 2021. No. 4. P. 26–33.
14. Miller G.F. History of Siberia. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937. 608 p.
15. Siberia as Part of the Russian Empire. Moscow: New Literary Review, 2007. 368 p.
16. Toporov V.N. Petersburg text of Russian literature: Selected works. St. Peterburg: Art – SPb. 2003. 616 p.
17. Tyupa V.I. Mythologem of Siberia: on the issue of the “Siberian text” of Russian literature // *Siberian Philological Journal*. 2002. No. 1. P. 27–35.
18. Tyupa V.I. Siberian intertext of Russian literature // Tyupa V.I. Analysis of the fictional text. Moscow: Academy, 2009. P. 254–264.
19. Chekhov A.P. Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 vol. Vol. 14–15: Works: From Siberia; Sakhalin Island. 1890–1895. Moscow: Nauka, 1987. 924 p.
20. Chmykhalo B.A. Young Siberia: Regionalism in the history of Russian literature. Krasnoyarsk: KSPI, 1992. 200 p.

About the author

Srmikyan, Violetta S. – Senior Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vsrmikyan@sfu-kras.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-94-104

УДК 81-42

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА

Ю.В. Шароглазова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается использование фразеологических оборотов в художественном тексте, описываются основные функции фразеологических оборотов и их реализация в художественном тексте.

Цель статьи – выявить и описать функциональные особенности фразеологизмов в произведениях В.П. Астафьева.

Обзор научной литературы по проблеме. Ученые сходятся во мнении, что фразеологизмы активно используются в художественных произведениях, т.к. обладают экспрессивностью, делают текст ярче, богаче, выразительнее. При этом выбор того или иного фразеологизма зависит не только от замысла автора, но и от жанра произведения.

Методы исследования. В качестве основных методов использованы функционально-стилистический и семантический анализ художественного текста.

Результаты исследования. Для анализа были взяты собственно фразеологизмы в узком понимании, принадлежащие речи автора. Значительная часть фразеологизмов посвящена характеристике или описанию того, о чем или о ком пишет автор. Среди фразеологизмов, отражающих отношение автора к жизни, много выражений о бедности, о тяжелой жизни.

Выводы. Таким образом, анализ фразеологизмов позволяет увидеть отражение взглядов автора на окружающую действительность. Можно заметить, что часть фразеологизмов преобразована писателем для более полной передачи его замысла.

Ключевые слова: *фразеологические обороты, язык писателя, стиль писателя, функциональная лингвистика, функции фразеологизмов.*

Постановка проблемы. Фразеологизмы изначально возникли как элементы живой речи, поэтому их функционирование в художественном тексте тесно связано с функциями языка.

Поскольку коммуникативная и когнитивная функции являются основными в языке, следовательно, фразеологизмам они тоже присущи. Фразеологизмы выступают и как средство общения автора с читателем, и как средство познания окружающей действительности.

По мнению В.Н. Телии, фразеологизмы представляют собой «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде “свертки”, готовой к употреблению как текст в тексте» [Телия, 1996, с. 8].

Следовательно, «номинативная функция фразеологизма предполагает обозначение или название какого-либо понятия, соотнесение ФЕ с объектами реального мира» [Филей, 2022, с. 38].

Автор, как правило, творчески подходит к выбору языковых средств, фразеологические единицы (ФЕ) в значительной степени определяют стилистические особенности, авторскую индивидуальность. «Использование трансформированной, книжной, сниженной и т.д. фразеологии является средством репрезентации идиостиля писателя, особенностей его мировоззрения и жизненных установок» [Там же, с. 39].

Цель исследования – выявить и описать функциональные особенности фразеологизмов в произведениях В.П. Астафьева.

Обзор научной литературы. Изучением фразеологических единиц в тексте художественной литературы занимались В.Л. Лысенко [Лысенко, 2010], Г.И. Алиомарова [Алиомарова, 2003], Н.Н. Захарова [Захарова, 2001], Т.В. Филей [Филей, 2022], Т.Б. Михеева и И.Г. Панина [Михеева, Панина, 2017], Е.А. Федоркина [Федоркина, 2006] и др.

Ученые сходятся во мнении, что фразеологизмы активно используются в художественных произведениях, т.к. обладают экспрессивностью, делают текст ярче, богаче, выразительнее. Кроме того, они часто выражают отношение автора к описываемой ситуации, показывают его эмоции, чувства и переживания. «Поэтому фразеологизм приобретает также эстетическую функцию. С его помощью писатель не только выражает свое миропонимание, но и определенным образом воздействует на читателя» [Иманалиева, 2008, с. 129]. При этом выбор того или иного фразеологизма зависит не только от замысла автора, но и от характера произведения, «поэтому даже в произведениях одного и того же писателя набор фразеологических единиц и их количество отличаются» [Лысенко, 2010, с. 3].

Интересным кажется мнение о том, что «язык художественного текста живет по своим особым законам, отличным от жизни естественного языка, он имеет особые механизмы порождения художественных смыслов» [Алиомарова, 2003, с. 8]. Как следствие, экспрессивность у художественного текста тоже особая, отличная от экспрессивности общенародного языка. И зависит она от языковой личности автора.

Исследования, посвященные творчеству В.П. Астафьева, затрагивают функциональный аспект [Демидова, 2007], но не обращаются к анализу фразеологических единиц.

Методы исследования. В качестве основного метода использованы функционально-стилистический и семантический анализ художественного текста.

Согласно теории семантического анализа значения слов соотносятся не прямо с окружающей действительностью, а с тем, как люди эту действительность воспринимают. Следовательно, при таком подходе изучение фразеологизмов в тексте художественной литературы поможет понять мировосприятие автора и способы его передачи.

Функционально-стилистический анализ художественного текста позволит определить роль фразеологических оборотов в произведении и цель их стилистической отнесенности.

Результаты исследования. Для анализа были взяты фразеологизмы, использованные в произведениях В.П. Астафьева (Собр. соч.: в 15 т.). Из 1368 устойчивых сочетаний 429 собственно фразеологизмы в узком понимании, принадлежащие речи автора.

Значительная часть фразеологизмов посвящена характеристике или описанию того, о чем или о ком пишет автор.

1. Рассмотрим фразеологизмы, характеризующие личность персонажей.

ФЕ со значением отрицательной характеристики:

1) *Ар-рр-тист! Н-на, мать! Из погорелого театра. Все хаханьки да хухоньки, шуточки да смехуечки тебе. Как приперло к холодной стене, прижужулькнуло, так и повело наперекосяк мысли, свихнуло куцые мозги (автор – Веселый солдат // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 229).*

Фразеологизм *артист из погорелого театра* имеет значение: человек, не оправдавший надежд в каком-либо деле [Фразеологический словарь, 2001, с. 15], помета *ирон.* Указывает на насмешку по отношению к человеку. Реалии *артист* – творческий работник, занимающийся публичным исполнением произведений искусства (актер, певец, музыкант) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 29]; *погореть* – потерять имущество во время пожара [Ожегов, Шведова, 1999, с. 530]. В.П. Астафьев, разрывая фразеологизм ругательством, добавляет к насмешке еще и презрительное отношение. Данный фразеологизм выражает негативную характеристику человека;

2) *Обчешу, бывало, ребянтню, набью карманы яйцами: коричневыми, розовыми, фиолетовыми, желтыми, голубыми, хожу гоголем, а кругом слезы и горе (автор – Слепой рыбак // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 9. С. 236).*

Гоголь – нырковая утка [Ожегов, Шведова, 1999, с. 135]. *Ходить гоголем* (разг.) – держаться гордо, независимо. Реалия *гоголь* (утка) перенесена в устойчивое сочетание по внешнему сходству и имеет негативную коннотацию;

3) *Однако же часть труда и продукции, произведенной Парушей, попало и попадает этим вот «сливкам общества», этим краснобаям и пьяницам (автор – Паруня // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 8. С. 65).*

Существительное *сливки* имеет значение «верхний слой молока» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 729]. К фразеологизму *сливки общества* в словаре дается определение «лучшая часть общества» и помета «ироничное», а в контексте у В.П. Астафьева данное выражение употреблено в кавычках, что усиливает его ироничность и показывает негативную характеристику человека;

4) аналогично усиливается негативное значение фразеологизма *маменькин сынок* – об избалованном, изнеженном ребенке, юноше или девушке (разг., ирон.) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 341].

...Я вижу, как нелегко, порой до крика больно давалась ему, «**маменькину сынку**», самостоятельность... (автор – Чистая душа // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. С. 442);

5) глагол *отпеть* в данном контексте используется в словаре во втором значении: «у христиан: обряд отпевания», где отпевание – это чтение молитв и пение над телом умершего [Ожегов, Шведова, 1999, с. 477], таким образом, данная реалья во фразеологической единице *голова отпетая* обозначает характеристику человека конченного, отчаянного, от которого другие люди не ждут ничего хорошего, можно даже сказать, что у такого человека словно умерла душа: *Неподалеку от лесоучастка был поселок алмазников. Рабочие туда наняты были со всего бела света, попадались головы вовсе отпетые, недавно отбывшие наказание в тюрьмах и колониях* (автор – Восьмой побег // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 3. С. 306).

ФЕ со значением положительной характеристики:

1) За **твердый характер**, за то, что не скисла она в трудные годы, за то, что умела вести хозяйство и править людьми, уважал Мокриду Фаефан. Недолюбливал, но уважал. Он был уверен, что кто-кто, а Мокрида сумеет оборонить, когда надо, приемаши (автор – Стародуб // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 2. С. 170).

Прилагательное *твердый* имеет одним из значений «сильный, решительный» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 791] и по отношению к характеру несет положительную характеристику человека;

2) фразеологизм **стреляный воробей** обозначает опытного человека и дает положительную характеристику. В нем используются реалии *воробей* – маленькая птичка с серо-черным оперением [Ожегов, Шведова, 1999, с. 97] и *стреляный* – такой, в кого стреляли [Ожегов, Шведова, 1999, с. 773], значит, опытный.

*И все же заполярный житель есть заполярный житель. Он постоянно скучает по чудесам, он надеется на них, верит в них, ждет. Нет, он не доходит до больших фантазий, например, насчет того, что жаркий климат переселится сюда, а холодный туда, и где была зима, там станет лето. Заполярный житель – **стреляный воробей**, и мечты его как кони с закушенными удилами: побегли бы, да...* (автор – Кража // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 2. С. 277).

Из приведенного контекста видно, что даже отрицательная характеристика человека (*художник из погорелого театра, голова отпетая* и т.д.) не вызывает у читателя негативного отношения к этим персонажам. Открытую неприязнь автор показывает только по отношению к людям, которым все достается просто так, без каких-либо усилий (*сливки общества, маменькин сынок* и т.д.).

2. Среди фразеологизмов, отражающих отношение автора к жизни, много выражений о бедности, о тяжелой жизни:

1) ...застенчивый до удивления и скромный писатель не может **свести концы с концами** и содержать свою довольно уже большую семью на свои гонорары (автор – Радетель слова народного // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. С. 390).

Значение фразеологизма **сводить концы с концами** – справляться с трудом с нуждами, расходами. Включает в себя реалии *конец* (предел, последняя грань чего-нибудь в пространстве или во времени) и *сводить* (соединить, сблизить, заставить коснуться друг друга) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 289–290, 701]. Данный фразеологизм характеризует трудности бедной жизни;

2) *Значит, крепок был русский народ! ...Но он надсажен, поруган, поставлен на колени и остались ли в нем достаточные силы – я с определенностью ответить не могу (автор – Сгорит божественная скрипка // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. С. 96).*

Фразеологизм **поставить на колени** – заставлять покориться, полностью подчиниться [Фразеологический словарь, 2001, с. 610] – включает реалии *колени* (сустав, соединяющий бедренную и берцовую кости) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 282] и *поставить* (заставлять стать, занять где-нибудь место в стоячем положении) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 761]. В устойчивом сочетании **поставить на колени** выражается неравноценный характер взаимоотношений людей, в данном контексте В.П. Астафьева фразеологизмом передается тяжелая жизнь, в которой приходится терпеть унижения;

3) фразеологизм **собачья жизнь** включает реалии *жизнь* – физиологическое существование человека, животного, всего живого [Ожегов, Шведова, 1999, с. 194]; *собачья* – в некоторых сочетаниях: очень плохой, трудный, тяжелый (разг.) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 739]. В произведении В.П. Астафьева данный фразеологизм дает характеристику не столько трудной, сколько жестокой, нечеловеческой жизни:

Меру своего Божьего дара я всегда знал и никогда не преувеличивал, не страдал самоздравием и всегда сознавал: чтобы отобразить звериную, собачью жизнь, моего таланта вполне хватит, а вот когда вы сумеете устроить на земле жизнь человеческую – явится и Лев Толстой (автор – Ответ анониму // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 7. С. 392);

4) реалии *полынь* – эфирноносное растение с мелкими корзинками цветов, с сильным запахом и горьким вкусом [Ожегов, Шведова, 1999, с. 558]; *пополам* – на две равные части [Ожегов, Шведова, 1999, с. 562] – образовали фразеологизм **с полынью пополам**, что означает в произведении В.П. Астафьева «неприятный, с проблемами, “горький”»:

Ну и хлеб киношный! Уж наш вроде бы нелегок и с полынью пополам, а это не знаю, с чем и сравнить (автор – Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 14. С. 138).

С полынью пополам – это авторский фразеологизм, во фразеологическом словаре существует устойчивое сочетание **с горем пополам** (разг., ирон.) – С большим трудом, кое-как [Фразеологический словарь, 2001, с. 477]. Возможно, это отсылка к стихотворению Валентина Богданова «Был хлеб с полынью пополам...», где данное выражение используется в прямом значении. В произведении В.П. Астафьева это выражение используется в переносном значении и характеризует тяжелый и не всегда приятный писательский труд.

3. Виктор Петрович Астафьев очень любил русскую природу, поэтому часть фразеологизмов посвящена природе и всему, что окружает человека.

Некоторые фразеологизмы представляют собой составные наименования. Например: *венерин баимачок, заячья капуста, кукушкины слезки, марьин корень, красная рыба, среда обитания* и т.д.

Другие сочетания не относятся к терминологическим, но соответствуют нейтральному стилю:

1) **загадка природы** включает в себя два компонента: *загадка* – нечто необъяснимое, непонятное (во втором значении, переносное значение) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 201], «природа» – все существующее во Вселенной, органический и неорганический мир [Ожегов, Шведова, 1999, с. 598].

И вот, поди ж ты! Из остроносой колючки этакий боровище вырастает! И на каком питанье-то? На мормышке, на козявках и вьюнцах. Ну не загадка ли природы?! (автор – Царь-рыба // Собр. соч.: в 15 т. Царь-рыба. Красноярск: Офсет, 1987. Т. 6. С. 183);

2) ФЕ **бабье лето** состоит из компонентов *бабье* – прил., относящийся к женщине (во втором значении) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 33] и *лето* – самое теплое время года, следующее за весной и предшествующее осени [Ожегов, Шведова, 1999, с. 324]. Фразеологический словарь предлагает следующее значение фразеологизма: *бабье лето* – Ясные, солнечные, теплые дни начала осени [Фразеологический словарь, 2001, с. 325].

Сентябрь! Бабье лето! Время, полное забот, трудов и осенних радостей, время уборки урожая (автор – В страдную пору // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 193).

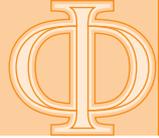
Припоздалое бабье лето выдало еще одно звонкое утро (автор – Прокляты и убиты // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 659).

Была вторая половина октября – по французской погоде это выйдет половина нашего сибирского сентября, разгар российского бабьего лета (автор – Блажь // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 7. С. 374);

3) ФЕ **мать-земля** состоит из компонентов *мать* – женщина по отношению к своим детям [Ожегов, Шведова, 1999, с. 346]; *земля* – третья от Солнца планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца и вокруг своей оси; страна, государство, а также вообще какая-нибудь большая территория Земли (высок) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 229]. В данном контексте следует опираться на совокупность этих значений. Везде речь идет о родной земле, чужую землю матерью не называют.

Но твари-то и, прежде всего, так называемые разумные существа не научились у матери-земли справедливой благодарности за дарованное счастье жизни (автор – Падение листа // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 7. С. 41).

Большая часть фразеологизмов не наделены никакой экспрессией, не передают эмоции автора, они выполняют исключительно номинативную функцию.

4. Часть фразеологизмов призваны показать уважительное или даже восторженное отношение автора к окружающему его миру, передать любовь писателя к своей Родине:

1) выражение **глаз не оторвать** включает компоненты *глаз* – орган зрения, а также само зрение [Ожегов, Шведова, 1999, с. 131]; *оторвать* – внезапно прекратить делать что-нибудь, перестать заниматься чем-нибудь [Ожегов, Шведова, 1999, с. 476].

...смешанно стоят, украшая землю, смешанные леса, охваченные таким ярким буйством, что глаз от него не оторвешь (автор – С карабином против прогресса // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. С. 296).

Фразеологический словарь указывает на экспрессивность данного высказывания и дает значение «кто-либо пристально, не отрываясь, смотрит на кого-либо, на что-либо [Фразеологический словарь, 2001, с. 127];

2) фразеологизм **диво дивное** отсутствует во Фразеологическом словаре, а в Толковом словаре предлагается следующее значение компонентов: *диво* – то, что вызывает удивление, *дивный* – прекрасный, восхитительный.

И все-таки роса смыла пыль с травы, и когда из-за окоема, над которым все еще не рассеялся дым от вчерашних пожаров, поднялось солнце, – брызнули, рассыпались мелкие искры по полям, и в деревенских садах да в реденьких ветлах, что прижились у ручейка, затянутого ряской, защибетали пичужки, сыпанули трелями соловьи. Диво дивное. Как они уцелели? Как они не умерли со страха, эти громкоголосые песельники с маленькими сердцами? Поют – и только! Поют как ни в чем не бывало (автор – Сибиряк // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 72);

3) отдельные выражения отражают особенности жизни, например, фразеологизм **зима – прибериха** является усеченным от пословицы **Лето – припасиха, а зима – прибериха**: *Но по старой привычке некоторые игарчане еще заготавливают дикий лук – режут его и солят в бочки. Зима – прибериха, а зима здесь долгая, и соленый лук иной раз в охотку с картошкой идет за наипервейшую еду (автор – Дикий лук // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 3. С. 150).*

Как отмечает С.П. Васильева, «образность территориальных фразеологизмов содержит специфические лингвокультурные черты» [Васильева, 2013, с. 162]: в Сибири зима очень долгая и обычно очень холодная, поэтому в течение зимы используется все, что было заранее заготовлено. Компоненты этого фразеологизма, *зима* – самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне [Ожегов, 1999, с. 229], и «прибериха» – О ком-, чем-л ненасытном, прожорливом, обжора [Словарь русских народных говоров, 1997, с. 109], создают образ одушевленной зимы, олицетворяют зиму, которая «прибирает», т.е. съедает заготовленные летом и осенью запасы.

Можно отметить, что фразеологизмы, относящиеся к природе, окружающему миру и наделенные экспрессивностью, несут положительную коннотацию. Писатель с их помощью показывает красоту, величие природы и передает свою любовь к ней.

И только люди, которые вредят природе, заслуживают использования по отношению к ним фразеологизмов с крайне негативной окраской. Например, имеет пометы «просторечное, экспрессивное» выражение *с жиру беситься* [Фразеологический словарь, 2001, с. 23]. Толковый словарь сопровождает это выражение пометой «разговорное» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 44].

Раньше многие грабили природу, добывая себе пищу, и то с умом грабили. Теперь многие праздно грабят, с жиру бесятся (автор – Пересекая рубеж // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. С. 216).

Толковый словарь предлагает рассматривать данное выражение в переносном значении: *С жиру бесится кто-н.* (перен.: привередничает от сытой, обеспеченной жизни; разг.) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 195]. *Беситься* – быть в крайнем раздражении, бесноваться (во втором значении) [Ожегов, Шведова, 1999, с. 44]. Традиционно глагол *беситься* показывает максимальную степень выражения признака (в отличие от, например, глагола «раздражаться»). Таким образом, автор представляет нам максимально неприятных людей, наносящих непоправимый ущерб природе.

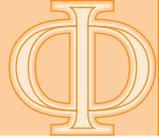
Выводы. Анализ фразеологизмов позволяет увидеть отражение взглядов автора на окружающую действительность. Можно заметить, что часть фразеологизмов преобразована писателем для более полной передачи его замысла.

Для передачи негативных характеристик человека автор проводит нелицеприятные аналогии с животным миром (гоголь), с религиозными обрядами (отпевание), с отрицательными жизненными ситуациями (погореть) и т.д., что помогает читателю лучше понять и почувствовать неприятие автором данных качеств человека. Для обозначения положительных качеств человека писатель использует реалии без негативной коннотации (воробей, твердый).

Можно отметить, что, рассказывая о тяготах жизни, автор использует реалии с отрицательной номинацией: горькая полынь, злая собака, стоящий на коленях человек и т.д. Читатель накладывает прямое значение реалии на значение фразеологизма, что позволяет глубже понять и почувствовать сформированный фразеологизмом образ.

Библиографический список

1. Алиомарова Г.И. Трансформированная фразеология как текстообразующий элемент единого целого (на материале художественной деревенской прозы): автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 24 с.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998.
3. Васильева С.П. Лингвокультурологический аспект семантики глагольных фразеологизмов // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 161–165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-aspekt-semantiki-glagolnyh-frazeologizmov> (дата обращения: 08.09.2024).
4. Демидова Т.А. Роль образных единиц в формировании идиостиля В.П. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 24 с.

5. Захарова Н.Н. Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте: На материале произведений В.М. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2001. 235 с.
6. Иманалиева Ж.К. Функционирование фразеологизмов в художественном тексте // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2008. № 3–4. С. 129–131. URL: <http://science-journal.kg/media/Papers/nntiik/2008/3/nntiik-2008-N3-4-129-131> (дата обращения: 31.08.2024).
7. Лысенко В.Л. Фразеологизмы как способ репрезентации языковой личности автора художественного текста (на материале романа Дж. Голсуорси «Собственник»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 23 с.
8. Михеева Т.Б., Панина И.Г. Стилистические особенности фразеологических единиц в художественном тексте (на примере произведений Н.Н. Носова для детей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-osobennosti-frazeologicheskikh-edinit-v-hudozhestvennom-tekste-na-primere-proizvedeniy-n-nosova-dlya-detey> (дата обращения: 02.09.2024).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1997. Вып. 31. С. 109. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/slovar-russkih-narodnyh-govorov/Slovar_govora-31.pdf (дата обращения 13.09.2024).
11. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 288 с.
12. Федоркина Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е.И. Носова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 20 с.
13. Филей Т.В. Специфика функций фразеологизмов в русской драматургии 1850–1860-х годов (на материале пьес А.Н. Островского, А.Ф. Писемского, А.В. Сухово-Кобылина): дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 210 с.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М.: АСТ, 2001. 720 с.

Сведения об авторе

Шароглазова Юлия Викторовна – аспирант 2-го курса кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yulijavsh@yandex.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-94-104

FUNCTIONAL ASPECT OF STUDYING PHRASEOLOGICAL UNITS USED IN THE WORKS OF V.P. ASTAFYEV

Yu.V. Sharoglazova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the use of phraseological units in a fiction text, describes the main functions of phraseological units and their implementation in a fiction text.

The purpose of the article is to identify and describe the functional features of phraseological units in the works of V.P. Astafyev.

A review of scientific literature on the problem. Scientists agree that phraseological units are actively used in fiction because they are expressive, make the text brighter, richer, and more expressive. At the same time, the choice of a particular phraseological unit depends not only on the author's intention, but also on the genre of the work.

Methodology. The main method used is the functional-stylistic and semantic analysis of the literary text.

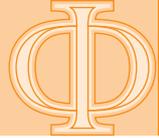
Research results. Phraseological units in the narrow sense, belonging to the author's speech, were taken for analysis. A significant part of phraseological units is related to the characteristics or description of what or who the author writes about. Among the phraseological units reflecting the author's attitude to life, there are many expressions about poverty, about a hard life.

Conclusion. Thus, the analysis of phraseological units helps us to see the reflection of the author's views on the surrounding reality. It can be noted that some phraseological units are transformed by the writer for a more complete rendering of his idea.

Keywords: *phraseological units, writer's language, writer's style, functional linguistics, functions of phraseological units.*

References

1. Aliomarova G.I. Transformed phraseology as a text-forming element of a single whole (based on the material of artistic village prose): abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Mahachkala, 2003. 24 p.
2. Astafyev V.P. Collected works in 15 volumes. Krasnoyarsk, 1997–1998.
3. Vasilyeva S.P. Linguistic-culturological semantics aspect of verbal phraseological units // Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev. 2013. No. 1 (23). P. 161–165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-aspekt-semantiki-glagolnyh-frazeologizmov> (access date: 08.09.2024).
4. Demidova T.A. The role of figurative units in the formation of V.P. Astafiev's idiostyle): abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Tomsk, 2007. 24 p.
5. Zaharova N.N. Features of the use of phraseological units in a literary text: Based on the material of the works of V.M. Shukshin): dissertation of the Candidate of Philology. Tula, 2001. 235 p.

6. Imanalieva ZH.K. The functioning of phraseological units in a literary text // Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan. – Bishkek, 2008. No. 3–4. P. 129–131. URL: <http://science-journal.kg/media/Papers/nntiik/2008/3/nntiik-2008-N3-4-129-131> (access date: 05.09.2024).
7. Lysenko V.L. Phraseological units as a way of representing the linguistic personality of the author of a literary text (based on the material of the novel by J. Galsworthy “The Owner”): abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Maikop, 2010. 23 p.
8. Mikheeva T.B., Panina I.G. Stylistic features of phraseological units in the literary text (by the example of n. Nosov’s works for children) // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2017. No. 5-3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-osobennosti-frazeologicheskikh-edinit-v-hudozhestvennom-tekste-na-primere-proizvedeniy-n-n-nosova-dlya-detey> (access date: 02.09.2024).
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 1999. 944 p.
10. Dictionary of Russian folk dialects. Saint-Petersburg. 1997. P. 109. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/slovar-russkih-narodnyh-govorov/Slovar_govora-31.pdf (access date: 13.09.2024).
11. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and Linguocultural aspects. Moscow, 1996. 288 p.
12. Fedorkina E.A. Phraseology in the artistic discourse of E.I. Nosov”): abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Kursk, 2006. 20 p.
13. Filey T.V. The specifics of the functions of phraseological units in Russian drama of the 1850s and 1860s (based on the plays by A.N. Ostrovsky, A.F. Pisemsky, A.V. Sukhovo-Kobylin): dissertation of the Candidate of Philology. Saransk, 2022. 210 p.
14. Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moscow, 2001. 720 p.

About the author

Sharoglazova, Yulia V. – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia; e-mail: yulijavsh@yandex.ru)

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: СМОЛИНА А.Н. ЖАНР ДУХОВНОГО ДНЕВНИКА В РУССКОЙ МОНАШЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XX ВЕКА: МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБ. ФЕДЕР. УН-Т, 2023. 176 с.

Монография А.Н. Смолиной посвящена анализу речевого жанра «духовный дневник», выявлению идейно-тематических, интенциональных, композиционных, лексических, фигуративно-тропеических особенностей.

В качестве материала избран дневник иеромонаха Никона (Беляева).

В двух главах монографии представлен комплексный анализ этого жанра как явления русской монашеской словесности.

Духовный дневник, с точки зрения светского человека, необычный жанр, в нем представлена система христианских смыслов с позиций теолингвистики.

В главе I. «Русское православное монашество и отечественная культура» автор раскрывает суть явления и подробно освещает культурное значение православного монашества. Автором поднят довольно большой пласт научной литературы, посвященной специфической сфере духовной православной жизни, ее основ, смысла, целей, влияния на русскую общественную и философскую мысль.

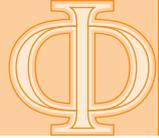
Раскрывая суть православного монашества, А.Н. Смолина обращается к исследованиям последних лет, среди них: В.И. Петрушко, Д.Б. Думаревский, В.А. Елисеев, Д.Н. Демидова, Н.В. Шувалова, О.Н. Ордина, И.Н. Ружинская, К.В. Цеханская, Н.А. Хафизова, А.В. Моргачева, Н.С. Васиховская, И.К. Смолич, М.А. Корниенко и другие.

Из анализируемых автором источников следует, что православное монашество представляет собой социальное явление и имеет религиозно-культурное значение. Многие деятели русской культуры, в том числе А.С. Пушкин, отмечали деятельность русских монахов в истории и просвещении страны.

Социальная и духовная значимость русского монашества связана с традициями, которые становятся основой монашеской жизни, это аскеза, явление старчества, святость, стремление к внутреннему и внешнему деланию. Все это создавало особый тип духовного влияния на христиан, становясь примером отказа от греха и стяжания добродетелей.

Анализируя нравственное и духовное воздействие на все слои общества, автор приводит примеры из жизни духовных деятелей из числа монахов, описанные современными исследователями. Так, в статье современного исследователя В.И. Петрушко упоминается роль Сергия Радонежского в возрождении православного монашества в середине XIV – начале XV в., в период после монгольского нашествия, во время которого духовная жизнь оказалась в кризисе.

А.Н. Смолина отмечает влияние монашествующих и общественных деятелей, в частности духовного писателя Нила Сорского, на развитие в христианской

среде умного и сердечного делания. Представляется, что эта жертвенность, связанная с осмысленным духовно-волевым устремлением личности, сформировала на русской почве особый, **русский архетип святости**.

В наши дни монашество усиленно сохраняет традиции, ценности, устои христианства, защищает веру от исчезновения, активно транслирует христианскую культуру через такие каналы, как духовное руководство, миссионерство, обучение, духовная литература. Это подтверждается примерами духовного влияния на мирян митрополита Амвросия (Ермакова) «Расширяя границы сердца», архимандрита Саввы (Мажуко) «Неизбежность Пасхи. Великопостные письма», архимандрита Иова (Гумерова) «Духовная жизнь современного христианина в вопросах и ответах».

Далее в I главе автор обращается к анализу монашеской словесности как феномена русской культуры, в котором отмечает, что как минимум семь веков русской литературы (XI–XVII вв.) – это века литературы преимущественно монашеской. Среди известных автор называет имена святителя Илариона Киевского, написавшего «Слово о законе и благодати» (XI в.); монаха Киево-Печерской лавры преподобного Нестора Летописца – автора «Повести временных лет» (XII в.); иеромонаха Еразма, известного как создателя «Повести о Петре и Февронии Муромских» (XVI в.); архиепископа Мелетия (Смотрицкого) – автора одной из первых грамматик славянского языка (XVII в.). Кроме того, исследователь вспоминает труды иеромонаха Симеона (Полоцкого) – автора первого в России сборника стихотворений (XVII в.) и первого русского поэта; ученика Симеона – иеромонаха Кариона Истомина, занимавшегося книгоизданием, создавшего первый иллюстрированный букварь; иеромонаха Амвросия, написавшего «Краткое руководство к Оратории российской» (XVIII в.). Симеон (Томачинский) упоминает и о современных монашествующих писателях – архимандрите Тихоне (Шевкунове), написавшем книгу «“Несвятые святые” и другие рассказы», которая, по словам исследователя, «стала значимым событием литературной жизни» (Симеон (Томачинский)).

А.Н. Смолина считает, что духовная литература изучена недостаточно и нуждается в систематизации, описании с позиций риторики, стилистики, истории русского литературного языка и истории литературы. В монографии приводятся отдельные наблюдения исследователей духовной литературы, отмечающих интересные факты, например стиля «плетения словес» Епифания Премудрого с философией исихазма, и множество других интересных наблюдений, которые предстоит открыть читателю данного труда, привести их в короткой рецензии не представляется возможным.

Переходя к главе II «Идейно-тематическое содержание речевого жанра “духовный дневник”», автор прежде всего характеризует жанр духовного дневника в контексте изучения документальной литературы, где главным является документализм как принцип отражения действительности, служащий ориентацией автора на достоверность.

Исследователи выделяют «чистые (первичные) жанры – письмо, хроника, исповедь, дневник, записная книжка, автобиография, биография, мемуары (воспоминания) – и сложные (вторичные) жанры – травелог (описание путешествий), невымышленный рассказ, документальная повесть, документальный роман (роман-быль)» (Е.Г. Местергази, 2007).

Жанры документальной литературы (письмо, воспоминание, автобиография) также привлекают внимание современных филологов.

Дневник определяют как периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи.

К описанию жанровой формы дневника обращались ряд исследователей: Т.Г. Рабенко, А.В. Подгорский, Е.М. Криволапова, А.А. Зализняк, В.Н. Топоров, М.В. Нечкина и другие.

Автор определяет жанр духовного дневника как «речевой жанр, характеризующийся особой адресантностью (автор – церковный писатель, адресующий тексты самому себе); интенциональностью, связанной со стремлением к обожеанию и спасению; репрезентацией идей спасения, покаяния, преодоления греха, смирения, послушания, очищения от страстей и бесстрастия, подвижничества, святости; наличием в композиции компонентов с христианским содержанием; бытованием религионимов; религиозной событийностью; ауторефлексивностью, вербально эксплицирующей теоцентризм, христоцентризм, эсхатологизм, провиденциализм, сотериологизм» (А.Н. Смолина).

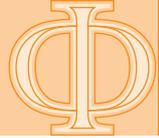
Адресатом духовного дневника является прежде всего сам автор ведущихся дневниковых записей (здесь наблюдается **автоадресантность**), чьи мысли направлены к внутреннему человеку, однако можно полагать и то, что у дневниковых записей мыслится и потенциальный читатель. Дневник иеромонаха Никона (Беляева) в наши дни был опубликован в печати, размещен на сайте Оптиной пустыни, и у него есть свой читатель.

Менее других документальных форм изучен духовный дневник. Данный пробел с успехом восполнен в рецензируемой монографии на примере анализа духовного дневника иеромонаха Никона (Беляева).

Автор монографии выделяет ряд специфических черт жанра духовного дневника: автоадресантность, особенности композиции, структуры записей, воплощение идей исихазма, подвижничества, святости, отражение мировоззрения православного монашества – теоцентризм, христоцентризм.

Дневник отличается от других жанров **композицией и структурой**, следующих хронологически друг за другом; в записях всегда присутствует указание даты; есть компоненты текста, в которых зафиксированы события из жизни автора, факты, каким-либо образом связанные с ними (фиксация описываемых событий синхронна).

Далее автор указывает на событие, произошедшее в день написания письма или накануне, в предыдущие дни (чаще всего участником события является сам автор). После следует комментарий к указанию на событие.

Записи могут сопровождаться комментариями, содержащими ауторефлексию, описание природы, разного рода включения (речь духовного наставника, события религиозного характера, описание борьбы со страстями, рассказ из жизни святого, благочестивого человека или близкого к Церкви).

А.Н. Смолина проводит определенные параллели между отдельными документальными жанрами религиозно-христианского содержания, например с речевым жанром «духовное письмо». Главное, о чем здесь следует сказать, – идейно-тематическая переключка, духовные писатели обычно обращаются к теме души, и слово «душа» в таких контекстах весьма частотно. Актуально воплощение идей преодоления греха, покаяния, смирения, святости, поста.

Мировоззрение духовного автора дневниковых записей и его идеи находят отражение в языке, в первую очередь в том, что наиболее частотными по использованию становятся теонимы, библионимы, слова и сверхсловные единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания.

В результате лингвостилистического анализа духовного дневника иеромонаха Никона (Беляева) автором выделены такие языковые средства выразительности, как:

сравнения: Но что можно этому великому святому, того нельзя нам. Все птицы высоко летают, но выше всех орел, подобно орлу и св. Исаак парит между святыми;

эпитеты: Вот и вам надо очистить свою душу, чтобы она была белоснежная;

метафоры: нужно, непременно нужно прежде всего озаботиться и постараться землю сердца своего очистить от всего страстного, порочного;

перечисление: Весь первоначальный наш подвиг должен быть обращен на борьбу с грехом, на очищение сердца от страстей в покаянии и смирении, а также различные типы **интертекстем**, в том числе и **цитаты:** А совершенствование духовное бесконечно: «Будьте совершенны, якоже и Отец Мой совершен»;

вопросно-ответный ход как стилистическая фигура, способствующая формулированию мыслей, поиску ответа на важные вопросы, текстообразованию;

интертекстуальные включения играют в духовном дневнике важную смыслообразующую роль; в формировании смыслов религиозно-христианского характера **цитаты, аллюзии и реминисценции** обращают к истинам христианского вероучения, ссылаясь на тексты Евангелия, послания апостолов, святоотеческие произведения;

пословицы как явление народной культуры употребляются и в речевом жанре духовного дневника. Иеромонах Никон, обращаясь к пословице, стремится показать, что человеческая жизнь должна иметь духовные основы: «Справедлива пословица: “Чем больше ешь, тем больше хочется”. Если мы утолим только голод и жажду и займемся делом или станем молиться, нас еда не будет отрывать от нашего занятия. Это я сам на себе испытал».

средства языковой образности: аллегорическое изображение столкновения с греховными помыслами – аллегорией греховных помыслов здесь становится природная стихия, а аллегорией отстранения греха становится закрывание двери – помогает духовному наставнику разъяснить смысл происходящего в человеческом сознании и в человеческой душе, показать пути решения нравственных задач в сложной ситуации, помогает в работе над собой. В воплощении идеи преодоления греха участвуют;

метафоры: утопающий в грехах, лес, образ змея. В дневниковых записях иеромонаха Никона (Беляева) образ змея, несомненно, представляет собой христианскую аллегорию: змей, о котором идет речь в воспоминаниях о сне, становится аллегорией опасностей, искушения, греха, соблазна;

евангельские образы обычно представлены в эпизодах, повествующих нам о том, как Иисус Христос учил своих учеников и обращался к народу, при этом Евангелие часто цитируется: На тех, кто любит Господа, указал нам Сам Господь Иисус Христос, сказав: «Аще любите Меня, заповеди Мои соблюдайте» (Евангелие от Иоанна).

Подводя итоги, отмечаем, что представленный в рецензируемой монографии теолингвистический анализ духовного дневника иеромонаха Никона (Беляева) дает комплексное представление о жанре духовного дневника в контексте русской монашеской словесности.

Монография А.Н. Смолиной «Жанр духовного дневника в русской монашеской словесности XX века» является оригинальным исследованием, представляет собой серьезный вклад в исследования жанров духовной литературы и может быть полезна в образовательной деятельности при изучении религиозного стиля.

Васильева Светлана Петровна,
*доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего
языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: *постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад)*.

3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: *problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution*;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.С. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 05.02.2021).

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2021).

About the author

Sidorova, Anna S. – Candidate of Philology, Associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2024. № 3 (28)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 27.09.24.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,1